

Комитет по культуре администрации г. Перми
МУК "Объединение муниципальных библиотек г. Перми"
Центральная городская библиотека им. А. С. Пушкина
(Дом Смышляева)

Пермский дом в истории и культуре края

Материалы научно-практической конференции
19 декабря 2008 г.

ПЕРМЬ 2009

УДК 9(с)
ББК 26.89
П 26

Составитель и редактор **Т. И. Быстрых**

Художник **Наталья Фуфачёва**

Пермский дом в истории и культуре края: Материалы науч.-практ. конф. 19 декабря 2008 г. / МУК ОМБ Центральная городская библиотека им. А. С. Пушкина (Дом Смышляева); Сост. и ред. Т. И. Быстрых. - 2-е изд. - Пермь, 2009. - 243 с.

© МУК ОМБ, идея. 2009.
© Коллектив авторов, тексты. 2009.
© Фуфачёва Н., обложка. 2009.

От составителя

Научно-практическая конференция «Пермский дом в истории и культуре края» организована Центральной городской библиотекой им. А. С. Пушкина (Дом Смышляева) по инициативе Комитета по культуре администрации города Перми в рамках творческого проекта, посвященного 285-летию города Перми и 100-летию со дня образования Пермского отделения Императорского Русского музыкального общества.

Подобная конференция проводилась впервые. Между тем в процессе подготовки её выяснилось, что предложенная тема – история пермского дома – интересует не только тех, кто связан с этими проблемами по своей профессиональной деятельности, но и самый широкий круг людей, как принято говорить, общественность города. Накоплен достаточный объем краеведческих знаний, касающихся не просто истории формирования города Перми, его улиц и районов, его застройки, но и конкретно – истории отдельных домов. Не только специалисты, но и все мы – читатели краеведческой литературы – нуждаемся в систематизации этих знаний, в появлении новых интересных краеведческих книг.

Неслучайно ученые говорят сейчас о возникновении устойчивого интереса к тому, что можно назвать «микроисторией», к частным историческим событиям, к «малым жизненным мирам». Интерес к прошлому уже не ограничивается мировыми проблемами, политической историей. Нас все больше привлекают повседневный быт, опыт выживания людей в различные переломные эпохи.

В конференции приняли участие пермские ученые – историки, филологи, культурологи, а также библиотекари, музейные работники, писатели, архитекторы, представители различных общественных организаций, журналисты, краеведы. В сборник включены материалы конференции, относящиеся к самым различным жанрам: научные статьи, рассказы о результатах краеведческих поисков, воспоминания, архивные документы, исторические справки о памятниках архитектуры, истории и культуры Перми. Они содержат сведения о современном состоянии пермской архитектуры и философском осмыслении значения Дома в нашей жизни; о домах, давно исчезнувших и оставшихся в памяти пермяков мифами и легендами, и тех, что украшают наш город и сегодня.

Дом представлен здесь не только как часть городской инфраструктуры, но и как способ самовыражения души человека, построившего его для себя или живущего в нем. Это не просто элемент облика города, но и составная часть городского общества; предмет изучения, объект ностальгических воспоминаний и герой художественной литературы.

Каждый пермский дом уникален. Но есть такие, что отличаются особенно яркой судьбой, поскольку их обитатели внесли собственный значительный вклад в историю нашего города. Такие дома, как правило, были в Перми центрами духовной, культурной, художественной жизни. В сборнике опубликованы статьи, посвященные многим, но, конечно, не всем этим «именитым» домам – Дом Грибушина, Дом Смышляева, Дом Мешкова, Дом Дягилевых; здание Духовного училища и «Семиэтажка»; архиерейский дом и гимназия Зиновьевой; Дом учителя и Дом журналиста; Дом ученых и знаменитое общежитие на Народовольческой. А ведь в городе есть еще Дом Чекиста и Красные казармы, Благодарное собрание и конвойные роты, – не перечислить всех зданий, о которых хотелось бы узнать побольше; тех, что притягивают к себе взгляды, вызывают любопытство.

Остается пожелать администрации города Перми не оставлять столь удачную идею проведения подобных конференций.

ПЕРМСКИЙ ДОМ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ КРАЯ

А. Б. Киселёв

ДОМ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА

Город – гигантский организм, состоящий из домов, дорог, лесов, рек и, конечно, людей, живущих в нем. Основным «кирпичиком», «ДНК» города является дом. Поэтому, как и в случае с живым организмом, чем большую информацию этот дом содержит, тем полнее, гармоничнее будет город.

Совокупность одинаково безликих домов создает город-машину, город-манекен, не имеющий собственной души и потому мертвый. Город, состоящий из архитектурных монстров, сам становится монстром, поглощающим человеческую личность, лишаящим её гармонии, радости, человечности.

Поэтому, чем разнообразнее и качественнее в архитектурно-художественном отношении окружающие нас дома, тем гармоничнее, духовно богаче живущие в городе люди.

Дом, имеющий свою индивидуальность, историю, легенду может претендовать на высокое звание памятника. При этом не обязательно он должен быть красив, как пряник. Существуют дома, ценность которых ясна специалистам, но непонятна обывателям. Эта ценность может быть спрятана от беглого взгляда вечно спешащего прохожего. Но стоит остановиться и проявить искренний интерес, как дом откроет свою душу. Многие видели одноэтажный деревянный дом на углу улиц Пушкина и Куйбышева. Многие даже знают, что принадлежал он строительному подрядчику Н. К. Крылову. Но его облик не впечатляет. Однако, если к этому скромному виду добавить информацию о том, что дом – старейший деревянный особняк, сооруженный в первой трети XIX в. по проекту архитектора И. И. Связева; что его главный фасад находится во дворе и представляет собой классический портик с колоннами и щипцовым фронтоном, а в интерьерах сохранились великолепные печи системы того же Связева, декорированные лепниной, как и потолки залов; что еще в 1920-е годы исследователи считали его одним из интереснейших зданий в городе и предлагали именно в нем разместить отдел охраны памятников Губмузея, – мнение кардинально изменится, и влияние дома на сознание жителей города резко возрастет.

Или другой пример – здания советской архитектуры. Формирование нового сознания, возможность проектирования и строительства целых городов привели к возникновению невиданных ранее образований.

Состоящие зачастую из весьма неприглядных домов-«кирпичиков» эти образования несут огромную историческую информацию. Самым ярким примером этого является Рабочий поселок в Мотовилихинском районе, соединивший несколько идей, архитектурных и градостроительных школ. Так, развиваясь из старого заводского поселка в современную «фабрику жизни», он приобрел уникальные черты. Впервые в Перми проектирование и строительство велось не выборочно на маленьких площадках, а целым микрорайоном. Поэтому проект академика Чернышева 1920-х гг. и построенные по нему кварталы «социалистического города», хоть и состоят из внешне невзрачных кирпичных параллелепипедов, сообщают нам сведения философского, технического, культурного характера. Продолжением этой истории становится включение в ансамбль уже чисто конструктивистских объектов и дальнейшее развитие микрорайона с привлечением известнейших архитекторов (таких как Х. Майер).

Идеи конструктивизма откровенно не соответствуют наиболее распространенному представлению о красоте, но вместе с тем они насыщены эмоциями, стремлением возвеличить человека с его торжествующим разумом. Геометризм, динамика форм в образах конструктивизма заставляют сильнее биться сердца, добавляют энергии. Динамика Дома техники (Политехнический колледж им. Н. Г. Славянова) и звучащий с нею в унисон аккорд Фабрики-кухни (ресторан «Горный хрусталь») создают своеобразный архитектурный «Марш энтузиастов» в сердце рабочей Мотовилихи.

И недаром наиболее значимые произведения конструктивизма не только приобретают имена собственные в силу своего назначения, но и закрепляются в сознании людей, в городском фольклоре. «Именных» домов не так и много – Дом чекистов, Дом горсовета, Дом ученых, Дом грузчика. Не все они в полной мере соответствуют озвученным выше идеям, но все стали прорывом в строительстве индустриального города – первыми многоэтажками в бывшем чиновничьем, патриархальном городе. Конечно, некоторые из них («Семиэтажка», Дом горсовета) разрушили привычный образ города, но всё равно оставались ориентированными на человека с его пропорциями, физическими и эмоциональными запросами, психологией и эстетикой. Чего, к сожалению, нельзя сказать о большинстве сегодняшних новостроек.

Донесение подобной информации до большинства жителей города и должно являться задачей исследователей, краеведов. В истории дома, как и в истории семьи, раскрываются особенности истории государства, его взлеты и падения, трагедии и комедии. Ведь все эти действия под названием Жизнь проходят в декорациях города. И эти декорации – дома и мосты, камни дорог, фонари, скульптуры – являются материальным свидетельством истории, источником для ее познания.

Так же как не все люди становятся академиками, генералами и правителями, так и не все дома приобретают статус памятников. На территории Перми находится более 300 зданий и сооружений, являющихся объектами культурного наследия (памятниками истории и культуры), включенными в реестр. Из них 15 объектов имеют статус федерального значения.

История каждого дома интересна и познавательна, необходима для воспитания будущих поколений, для формирования той человеческой популяции, которую мы с гордостью называем пермяками.

О. И. Сыромятников

АРХЕТИП ДОМА В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

Дом каждого человека – не просто жилище, а место, где он проводит большую часть жизни, рождается и умирает. Главное, что отличает дом от других мест человеческого обитания, это то, что в нем человек может проявлять свое «я» не так, как предписывают обстоятельства, а так, как велит душа. Поэтому Дом – и самое интимное, и самое искреннее выражение человеческой сути, и по его внешнему и внутреннему устройству можно судить о человеке, живущем в нем.

По сути, дом является онтологической моделью самого человека, в которую он в большей или меньшей степени сознательно вмещает свое представление о смысле личного бытия. Поэтому поручить строительство своего дома кому-то другому – все равно, что попросить пожить за себя кого-то более удачного и счастливого. Известно, что порой заказчик отказывался жить в таком доме, даже если он был дворцом, настолько устройство дома не соответствовало его личности¹. Принять дом таким, как он есть, и жить в нем, ничего не меняя, возможно или в случае уникального онтологического родства с ним, или при полном отсутствии воли к самостоятельной жизни. Поэтому часто и решительно, вплоть до изменения внутреннего пространства дома, делают ремонт люди с недостроенной душой, каждый раз по-новому запечатлевая мучительный процесс самопознания. И напротив, человек с твердым миропониманием даже временному жилью придает свой личный, неповторимый и потому узнаваемый облик.

Онтологическая универсальность понятия «дом» обуславливает нетипичность его конкретных воплощений. Каждый дом, если он не просто жилище, а отражение бытия живущего в нем человека, обязательно отличается от любого другого. Между тем, есть немало домов, которые, вследствие своей функциональной заданности, казалось бы, должны быть совершенно похожи друг на друга: дома культуры, детские

дома, дома престарелых, «дома знаний» (школы), «дома книги» (библиотеки) и т. д. Однако, если люди, работающие (а значит, и живущие) в них, духовно и душевно близки между собой, то это внутреннее родство они переносят и на дом, делая его *своим* и придавая ему особый облик. Важно, чтобы в основе такого преобразования лежало представление об *идеале* – бытии лучшем, чем наличествующее. В этом случае возникает обратная связь – Дом начинает «достраивать» самого человека, делая постижение им жизни все более уверенным и осмысленным.

В наибольшей мере это справедливо для Церкви, ведь если она – Дом Божий, то и дом каждого человека, сотворенного по образу и подобию Всевышнего, должен быть его церковью, то есть служить необходимым звеном между самим человеком и миром духовным. Неслучайно дома воцерковленных людей так похожи на маленькие храмы, а в тех домах, где Богу нет места, оно заполняется идолами, фетишами и прочими суррогатами подлинной веры.

Слово «дом» имеет и особое значение, вводящее его в ряд важнейших онтологических категорий: «Дом – род, поколение»². Эта категория императивно указывает на включенность индивидуального бытия человека в социальное и темпоральное бытие – человек должен жить в своем мире³ и в свое время. Выпадение из этого континуума является самой страшной бедой для человека, ибо свидетельствует о полной дисгармонии его персонального бытия и бытия мирового. Такой человек вызывает жалость – он *без-родный, без-домный*, но и неприязнь – он *бес-путный*. Он, *бесом путанный*, может идти, куда угодно, ибо цель и путь каждого человека неразрывно связаны с его Домом, который является важнейшим звеном, скрепляющим персональное бытие человека с бытием всего его Рода, а через него – с прошлым, настоящим и будущим всего сущего. Поэтому Дом – это, прежде всего, Родина, строительство которой невозможно без прочной связи со своим Родом, без знания его истории, без понимания настоящего и стремления к созиданию будущего.

Благодаря современным технологиям пространство планеты сжалось до размеров школьного глобуса. Человек XXI века с каждым днем все более остро сознает хрупкость мира, в котором он живет: войны не только не прекращаются, но становятся все более циничными и жестокими, природные катастрофы поражают людей в тех местах, которые прежде всегда считались спокойными и безопасными. В современной России эти глобальные процессы усугубляются тем, что обычный гражданин России не чувствует себя в своем Доме хозяином или хотя бы равноправным домочадцем. Отчасти это феномен исторический, а значит, в каком-то смысле объективный, удивительно другое – то, что те, кто сегодня вроде бы имеют в государстве реальную власть, мыслят и поступают не как хозяева, а как рабы, холопы. Временщики, управляющие

(но не правители), они заботятся прежде всего о собственном благополучии и о доходах хозяина, ради чего готовы на любые аморальные и даже противоправные действия, скрывая их за модным словом «менеджмент». Не менее удивительно и то, что с начала 1990-х годов (пожалуй, впервые за всю историю российской государственности) власть никак не определяет стратегического курса движения страны. Считать таким курсом призывы к построению демократии, вхождению в «мировое сообщество» просто нелепо. Создается впечатление, что или власть действует «вслепую», путем проб и ошибок нащупывая путь к «светлому будущему», что представляется маловероятным; или то, что она просто осуществляет чью-то волю (которая настолько противоречит интересам народа, что ее невозможно объявить во всеуслышание), руками более или менее квалифицированных чиновников проводя те или иные «проекты».

В любом случае, современная реальность такова, что не оставляет времени для бездеятельного созерцания. Тем более, что вокруг нашего Дома собираются алчные соседи с явным намерением отнять у ослабевшего хозяина его последнее достояние. Поэтому нужно помнить, что настоящий хозяин – это тот, кто строит свой Дом и защищает его, а потому, если ты трудолюбив и упорен – неустанно строй свой Дом, если ты смел и мужественен – защищай его.

Многие *дома* мира к XXI веку уже пали и лежат в руинах или стали музеями, в которых живут лишь тени прошлого. Дом «Россия» не достроен, и то, каким он будет завтра, решается сегодня. Необходимо на основе постижения прошлого и осмысления настоящего понять, наконец, каким единственно необходимым должно быть будущее нашей Родины. И главная роль здесь принадлежит интеллигенции, которая должна ясно определить *национальную идею* России на современном этапе ее развития. Только это может обеспечить эффективность всех конкретных реформ и проектов и привлечь для их реализации людей с хозяйским, державным мышлением.

При строительстве своего дома прислушиваться к чужим советам и можно, и должно, но строить нужно *самому* и *свое*. И здесь нам нечего взять у Запада, кроме некоторых совершенно конкретных элементов бытоустройства, ибо отношение к Дому на Руси и в Европе всегда было различным. Для европейца строительство Дома – акт отстранения, самоизоляции – «мой дом – моя крепость». Крепость по своему назначению – сооружение для защиты от окружающих, от соседей, от мира. Это обособление на уровне вражды, конфронтации, тогда как строительство дома на Руси – это разделение пальцев на одной руке, ветвей на дереве. Это обособление для строительства *миро-здания*, богатого не количеством однообразных составляющих, а гармоничной разностью равноправных частей. Отсюда и удивительная традиция «дружить до-

мами», истоки которой уходят в соборное домостроительство. На Руси дом новому хозяину строился «всем миром», общиной, что являлось не только символом взаимного доверия, проистекающего из глубинного внутреннего родства, но и актом соборного творчества, духовно скрепляющего людей. Поэтому еще совсем недавно на окна наших домов не было решеток, фанерные двери порой не запирались вовсе, а если хозяин, уходя, и запирали их, то ключ оставлял или в щели, или под ковриком перед дверью. В подлинно русских, живущих национальной духовной жизнью селениях так должно быть и поныне.

Поэтому лицемерно-лживо выглядят призывы Запада к России вступить в «общий Дом», «общий рынок» и т. д. Мы ведь и сейчас живем не где-то на Луне или в параллельном пространстве, а если речь идет о Европе, то пермяки не меньше европейцы, чем бельгийцы или итальянцы. Пусть Англия, Франция и Германия (тем более, США) живут, как хотят: порознь, как прежде, или в коммунальном европейском сообществе, – если мы хозяева в своем доме, то сами решим, как жить и с кем дружить. К тому же, современная европейская интеграция больше напоминает диффузию разлагающихся тканей мертвого тела, чем гармоничное соцветие разного в едином. Об этом еще 130 лет назад писал Ф. М. Достоевский: «Европа <...> кладбище, вот что. Дорогие там лежат покойники...»⁴. Так в какой же «общий дом» будто бы зовут нас европейцы? Пусть мертвые сами погребают своих мертвецов (Лк. 9,60), не отравляя тлетворным дыханием жизнь живых.

В конце концов, Россия непременно восстанет в силе и славе. Но пассивно ждать этого – недостойно русского человека и гражданина. Главное, нужно помнить, что будущее строится в настоящем, и не вне, а внутри каждого из нас. Оно начинается со строительства дома своей души путем восхождения к ясному и незыблемому Идеалу. Возрождение храма своей души должно продолжаться строительством малой церкви – семьи и завершаться соборным созиданием национального дома – Родины.

¹ Такова судьба Михайловского замка в Петербурге (архитектор В. И. Баженов). Не понравившийся заказчику, императору Павлу I, он был впоследствии «перепрофилирован» в Главное военно-инженерное училище.

² *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. – Т. 1: А-З. – СПб.: ТОО «Диамант», 1996. – С. 466.

³ *Мир* здесь – социум, мир людей.

⁴ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30-ти тт. – Л.: Наука. – Т. 14. – С. 210.

ДОМА БЕЗ ВСЯКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

В любом большом городе, у которого есть хоть какая-то история, «старая» и «новая» архитектура существуют вместе. Всегда в ансамбле. Только ансамбли бывают разные. Одни – продукт творчества архитекторов и градостроителей. Другие – продукт истории. Со временем любое разностилье, жуткое и нелепое сочетание различных форм переживается и воспринимается жителями как нечто целое, сообразное, необходимое и даже эстетически привлекательное. Просто со временем все эти здания, ограды, ротонды, памятники обрастают мифами, становятся чем-то дорогим, важным. Обретают дополнительный смысл.

С точки зрения сугубо профессиональной Пермь не обладает архитектурным единством. Старинные дома можно пересчитать по пальцам. А для того, чтобы увидеть в них архитектурные шедевры, нужно быть горячим патриотом своего города. В общем, их слишком мало, чтобы из них сложилось некоторое ядро городской застройки.

Пермь всегда была сугубо провинциальным чиновничьим и мещанским городом. Его обыватели были людьми, как правило, простыми и бережливими. Место дворянских гнезд занимали заводы. И что с того, что владельцы заводов – люди с громкими фамилиями: Строгановы, Всеволожские, Демидовы? В Перми они не жили и навещивались сюда редко. Жили в городе управляющие, чиновничья мелочь, купцы. Под стать им была и архитектура. Пермские обыватели знали – кто по слухам, кто воочию, – что Петербург – это дворцы и набережные, проспекты и великолепие, но еще лучше знали: перенести все это на Урал нельзя – не по чину и не по карману. Буржуазный расцвет начала XX в. обошел город стороной, так что приходится нам восхищаться домом Грибушина, вспоминать про купчиху Любимову. Бесспорно, на фоне «хрущевок» или поставленных «на попу» домов-«спичечных коробок» эти архитектурные памятники выглядят оригинально. А вот с точки зрения архитектурных стилей XIX столетия подобные здания – ширпотреб, простодушные постройки...

Старая пермская архитектура (я имею в виду постройки XIX века; более ранние не сохранились после больших пожаров и всевозможных перестроек) разностильна. В начале XX века в Перми с настоящими архитектурными постройками тоже было не слишком хорошо: пожалуй, ни одно здание того времени не вошло в историю российской архитектуры.

Новый «ансамбль» – плановая застройка советских времен. Поэтому стиль Перми – это смешение стилей. Главный, конечно, стиль производственный. Лицо Перми советской – заводы, закрывшие Каму от горожан. Пермь – город, отвернувшийся от Реки.

Когда много безвкусыя, единого стиля быть не может. Так что проблемы сосуществования «старой» и «новой» архитектуры тоже нет. Конечно, архитектурные памятники можно покрасить, отреставрировать, и они будут выглядеть куда лучше современных. Будут что-то оттенять, что-то предьявлять из той жизни. И все-таки образ города создают не они. Его делают пятиэтажки, девятиэтажки и административные корпуса, построенные в советские семидесятые. Вспомним меткое определение Ф. М. Достоевского – «дом без всякой архитектуры».

Дело в том, что в XX веке проявлять вкус можно было только в 1920—1930-е гг. Тогда был Корбюзье и его ученики, и именно в эти годы в Свердловске построены здания, вошедшие во все архитектурные энциклопедии.

Пермь в то время была лишь окружным центром. Не было ни денег, ни иных ресурсов для масштабного строительства. А когда Пермь стала областным центром, все архитектурные поиски закончились, и началась типовая застройка, в рамках которой всегда получается то, что получается. Да и денег по-прежнему не хватало...

Архитектура не может существовать сама по себе. Выбор диктуют требования заказчиков, которые, в свою очередь, ориентируются на гляцевые иллюстрированные журналы и на столичные образцы. Пермские толстосумы очень хотят подражать толстосумам московским, и заказы делают соответственные – а-ля московский новодел. А поскольку это новодел, в нем трудно найти свежие архитектурные решения. Это имитация, которая, кстати, очень напоминает подделки прошлого века. Вспомним хотя бы знаменитый модерн, который подражал средневековым стилям: тогда строились здания и целые кварталы под средневековые замки. Сейчас создают дважды «под...»: со ссылкой на начало прошлого века, на более ранние образцы, на какой-то странный классицизм... И все это приправлено западноевропейскими вариациями.

Эти современные дома с башенками напоминают рыцарские замки, которых на русской и тем паче на пермской земле никогда не было. Странное впечатление...

Бесспорно, от серого однообразия новейшая архитектура отличается. Человек, привыкший смотреть на бетонную пустыню, вдруг останавливает взгляд на как бы небоскрёбе с почти башенкой как бы из красного кирпича, обнесённом декоративной стенкой, и получает известное удовольствие. Но нового стиля эти здания не создают. И выглядит примерно так: человек надел пиджачок советской эпохи, подумал-подумал и сделал красивую заплатку из нового материала, потом «оживил» наряд роскошной семицветной бабочкой со стразами. Нелепо? Но взгляд приковывает, броско...

Пермские архитекторы в чем-то сродни композиторам, которые сочиняют великолепные партитуры, но нет ни оркестра, ни публики, для которой эту музыку можно исполнить. Она существует беззвучно, в нотных знаках. Так творят для себя, а живут за счет того, что переписывают от руки музыкальные прописи на потребу заказчикам. Согласитесь, трагичная судьба.

Хорошо уже то, что наши архитекторы востребованы, работают на заказ, а не строго по плану, исполняя директивы и нормативы. Наверное, архитектор и творец – персонажи разные. Архитектор – грамотный строитель, проектант. Получив предложение от заказчика, он воплощает его в меру образования, возможностей, финансовых ресурсов и общей культуры.

В МАРХИ скорее всего готовили хороших специалистов. И эти хорошие специалисты делали хорошие проекты. Но воплощалось это все, к сожалению, в «сталинках», «хрущевках» и «брежневках». За основу брался какой-нибудь западный проект дешевых домов для рабочих и превращался в наши пятиэтажки и девятиэтажки. И сегодня происходит то же самое. Берется дорогой проект, сделанный для тамошнего нувориша, и превращается в дом с башенками... Я не могу оспаривать профессионализм архитекторов, их художественные дарования, но не обнаруживаю их в новых зданиях.

Творец имеет право на возможность реализации в городской среде, но, увы, не в нашем городе. Пермская городская культура всегда была предельно утилитарна и предельно вторична. Повторюсь, не хватало ресурсов. Не было и нет традиций. Мещанский городок создал собственный культурный стиль, который в советское время стал еще более серым.

Те, кто заказывает музыку сегодня, выросли именно в этих условиях. Стоит ли удивляться их требованиям: сделайте нам красиво, удобно и как я видел у такого-то? Современные архитекторы и все прочие художники работают с ними и для них. При всем том архитектура – искусство массовое, с большим общественным спросом.

В императорскую, да и в советскую эпоху спрос формировала власть. По-разному и для разных целей, в том числе и представительских. Петербург задумывался и строился как северный рай. Таковым его исторический центр и получился. В советское время амбициозные планы создавались для Москвы. В Перми довольствовались малым, копиями с копий. Возьмем дворец имени Сталина, по преданию, построенный немецкими военнопленными, – типовая имитация Парфенона. Такие строили в каждом областном центре. Далее в хронологическом порядке: каменные ангары вроде драматического театра или стеклянные ящики, называемые Домами Советов.

Пермская архитектура точно соответствует вкусам, уровням, культурным ориентациям верхушки, а уж всех остальных тем более. Мы еще не ждем архитектурных достижений, мы ждем квартиру побольше, и чтобы с горячей водой...

Люди привыкли наполнять символическим духом пространство, которое их окружает. И всегда есть хорошее стремление придать дополнительную, я бы сказал, надэстетическую ценность городскому ландшафту.

У каждого есть какие-то объекты, которые привязывают нас к этому городу. Рождается городской миф, который выполняет важную функцию – поднимает человека. Так какое-то совершенно ординарное архитектурное сооружение, ставшее местной легендой, приобретает дополнительную ценность. И со временем превращается во что-то важное, яркое, привлекательное. А приезжий, который этих легенд не знает, видит серый город. Точнее, архитектуру окраин больших городов, зачем-то привнесенную в центр. Наша архитектура не для посторонних глаз...

Но стоит ли винить архитекторов в том, что у нас такой бедный общественный запрос? Я уверен, пермские архитекторы делают замечательные проекты. Только эти проекты сегодня не могут быть воплощены в Перми. Может быть, завтра?

(Материалы использовались в интервью для журнала «Проект Прикамье» (2003. № 2).

В. Г. Новинский

О ФОРМИРОВАНИИ ПЕРМИ (собственная версия)

Что оказало влияние на Пермь? Я пытаюсь выделить то, что отличает его от других подобных городов России. У них есть много одинаковых черт, которые я подразумеваю как данность и не выделяю специально. Так что же сформировало наш город? Помимо реки и Татищева?

Пермь – традиционно закрытый город с непонятной и неизвестной простому обывателю «оборонкой». Ему не была присуща парадность, и не требовалось делать из него «потёмкинскую деревню». Доминирование промышленных предприятий ещё с «первых пятилеток», усугубленное эвакуацией, породило их приоритет и в пространстве города.

Затем сделали плотину. Появилось водохранилище с затоплением территорий. Эксперимент с нехорошими последствиями. Затоплены памятники Усоля. Меняется экология из-за изменения ландшафта. Образовалась опасность подтопления из-за разрушения плотины. Невозможность застройки Камской долины.

На определённом рубеже город лишился доминант. Борьба с религией – уничтожение церквей, размещение в них складов, тюрем, конюшен и т. д.

Репрессии интеллигенции, в их числе архитекторов, нанесли удар по кадровому составу инженерных работников. Преследованиям подвергалось поголовно всё население страны, и атмосфера страха укоренилась надолго.

Дома из дерева. Большое количество деревянных зданий, уничтожаемых пожарами, грибками, водой и воздухом.

Набережная оказалась отрезанной от жилых кварталов. Железная дорога вдоль Камы – постройки начала двадцатого века.

Снос целых кварталов исторических зданий в центре и близко к нему с целью массовой (микрорайонной) застройки.

Строительство бараков для расселения рабочих и служащих в годы великих пятилеток. Строительство стратегически-важных объектов промышленности – 1930-е, 1940-е, 1950-е годы.

Сталинское украшательство. Типовое строительство Хрущева, Брежнева и т. д.

Холодные зимы – сохранение тепла, защита от осадков. Толстые стены. Тройное остекление, двойные тамбура, пространства для размещения теплоносителя.

Огромное количество снега – 320 кг на квадратный метр. Утяжеление конструкций.

Наличие лагерей, много мест, где работают «химики». Криминогенная обстановка. Низкие зарплаты, нищета, малая мобильность населения.

Плохие почвы, болота, выработки. Удорожание строительства.

Давление промышленных предприятий на инфраструктуру, ухудшение экологии, приоритет промышленности, следующий еще из сталинских установок.

Зато у нас нет селей, оползней, цунами, землетрясений, тайфунов и извержений вулканов, и это огромный плюс. У нас нет пиратов Сомали, хотя есть свои террористы.

Этот перечень достаточно сумбурен и неполон, и абсурден. Но я думаю, это честно. Потому что опять некогда философствовать, на дворе очередной кризис.

Шарманка Бродского как зеркало советской архитектуры

На выставке «Русское бедное» есть инсталляция Александра Бродского – «новые микрорайоны». Возможно, я ошибаюсь с названием, но там, в огромной тележке на колёсиках, с аквариумом, в некоей субстанции на дне стеклянного ящика аквариума стоят домики, образуя в своей комби-

нации обычную застройку, в пять-девять-двенадцать этажей. Аквариум огромный, два на три метра, плюс два метра в высоту, а домики на дне маленькие, от силы сантиметров пять-десять, это важно для понимания соотношения восприятия. Это задаёт метафизичность и вневременность.

Эта субстанция колеблется, перемещаясь, образуя подобие пурги. Пурга скрывает контуры зданий, расстановку акцентов вдоль улиц, скрывает убогость. Она (пурга) подобна времени, которое делает окружающую обыденность не такой банальной и скучной. Создаётся некое внешнее движение, сквозь призму которого можно ностальгировать, не чувствуя боли от скудости впечатлений, не замечая однообразия и бездарности данного поселения.

Есть ещё деталь, которая придаёт шарм. В окнах горит свет. Этот простой бытовизм оживляет безжизненность. По тому, что косвенно, понимаешь, раз горит свет, значит, внутри есть жизнь. Оживает картинка, подобная «дежа вю»: как я иду в школу, или детский сад и вижу сквозь пургу и метель зимнего тёмного дня горящие окна пяти- и девятиэтажек.

Конечно, у Бродского всё сложнее, у него тележка, подобна шарманке, и ты сам, крутя ручку, порождаешь движение внутри аквариума, как будто помешивая, варишь суп из собственных воспоминаний. И если задуматься именно о детстве и о воспоминаниях, то не чувствуешь только скуку или только бессмысленность данных построений. Есть нечто тёплое и личное во всём этом. И в этом смысле это очень талантливая шарманка. Можно сказать, гениальная.

Конечно, я рассматриваю это сооружение, как архитектор. Будучи погружен в эту среду, я тоже испытываю профессиональные деформации. Когда искажение простого (подразумевается, «обыденного») понимания уже внутренне не замечается, и ты не отдаёшь себе отчёта, что ты делаешь, добро или зло. Тебя так научили, и ты не можешь вырваться из своих собственных «шор». Ты как заяц бежишь в луче фар цивилизации. Или подобно солдатам, военным преступникам, ты говоришь: «Я выполнял приказ». Чей же приказ я выполнял? Гитлера, Саддама Хусейна или Бен Ладена? Если быть точным, – Сталина, Хрущёва, Брежнева и т. д., и т. п.? Почему мы засадили города этой бездарной застройкой? Зачем мы построили эти чудовища глобализации? Когда шофёр в Восточном Берлине показывал мне эти здания, он говорил, а это – «социалистическое говно». Почему получилось так? Ответа нет. Хотя при желании найти его можно.

Я не хотел бы впадать в морализаторство, что есть плюсы и минусы индустриального домостроения, тем более что продолжают работать домостроительные комбинаты, и есть программа обеспечения населения жильём. А посему то, что мы делаем своими руками, есть в конечном итоге результат нашего соприкосновения с жизненными коллизиями и реалиями. И в наших действиях отражается весь мир, окружающий нас.

Сумбурно о городе в целом

В Перми есть дома низко- и высокоэтажные; деревянные (как у поросёнка Нуф-Нуфа) и каменные (как у поросёнка Наф-Нафа); есть жилые и общественные и т. д., и т. п. В принципе, дома для Перми или для Рио-де-Жанейро ничем существенно друг от друга не отличаются. Конечно, они не похожи на пещеры горных троллей или на хижины, а может, норы древних племён, или на логово волка, или на гнездо альбатроса. Хотя какая-то доля сходства есть. Все мы животные, класс млекопитающих. Только люди – род приматов, семейства гоминид.

Есть ещё в мире, помимо нор и гнёзд, вигвамы, юрты и иглу, яранги, а также сакли, хаты и избы. Для начала условимся – дома всегда одинаковы в общих чертах и везде различаются в отдельных деталях. Также как люди с их привычками, цветом кожи и особенностями строения психики и физики. Дом – это искусственное сооружение, приспособленное для проживания человека. И в то же время, при всей схожести, есть уникальные особенности, которые можно заметить и необходимо учитывать в каждом конкретном случае.

В чём же необычность Перми? В чём заключается её уникальность и неповторимость? Какие качества незаметны для пермяка в силу того, что примелькались, но заметны для любого, кто появляется здесь впервые?

Возьмём возраст города Перми – 200 лет. Пермь намного древнее, чем, к примеру, Комсомольск-на-Амуре. Но это очень мало для старых цивилизаций с их великими городами. Пермь ещё не образовалась, а Мачу-Пикчу уже оставили люди, потерянную Трою вновь нашли, а Карфаген до сих пор ищут.

В Перми сохранилась застройка прошлого – двадцатого, и позапрошлого – девятнадцатого века. Правда, среди зданий позапрошлого века много деревянных построек, и они быстро разрушаются.

Главенство улиц Перми подчиняется тоже особенной логике. Их иерархия различна относительно реки. Застройка перпендикулярных и параллельных к реке улиц различалась. Отражалось это и в их наименованиях: улицы, идущие перпендикулярно реке, носили имена уездных городов, входящих в состав губернии. Они подобно рёбрам примыкали к хребту, которым служила река Кама.

Главная артерия города – её природная доминанта – река.

Раз есть река, то мелкие водостоки, пробиваясь к ней, прорыли колоссальные овраги, которые как черви выели городскую ткань и нарушили понятную и чёткую структуру. Овраги – рельеф Перми, её особенность. Река же – главная артерия запад-восток. Возможно, это и вена, через которую город получал свою дозу необходимых веществ.

Пустота – ключевая категория пермского ландшафта. Город пронизан ею. Квинтэссенция этого явления – эспланада. Её протяженность около километра.

Вообще, всё не так однобоко.

Пустотность в Перми многообразна и причудлива.

Она предстает в виде пустырей – это банально, в виде оврагов – они глубоки, извилисты, разнообразны. Пермская пустота распространилась даже под землю. Старые выработки, шурфы, карстовые и прочие вымоины, геологические сдвиги, и связанные с ними щелеватость и пустотность почвы. Все это подземное дополнение надземной картины.

Рассмотрим повнимательнее овраги, так называемые «лога» – в них своя жизнь, они не скучны. Но для города это «зараза», вроде голубей и тополей, это «ублюдочные» территории, в которых нет ни настоящей природы, ни настоящей цивилизации. Они застроены дачными сарайчиками, с вкраплениями «дурацких» особняков на более-менее ровных и больших участках. Овраги порождают сорняковую застройку в виде хилых дачных времянок-выродков. Самострой. Городской брак. Такая же там и природа.

Вообще, овраги традиционно мешают городу. Откуда же они берутся? Из извечной борьбы двух стихий, воды и земли. Вода и суша. Великий предел пустоты. Как они связаны? Исторически сложилось, что город на Каме изначально судьбою своей привязан к водной стихии, к конкретному месту, к высокому речному берегу, к его изрезанности логами. Отсюда и его природой обусловленная пустотность, связанная с оврагами. Борьба с этим явлением велась чуть не с первого дня образования города.

Заводская плотина и сам завод, пущенный в 1723 г., были расположены в естественной впадине, по дну которой течет речка Егошиха. С самого начала лог не давал возможности развернуться Егошихинскому заводу, и получается – благодаря оврагу, вернее, потому что он не давал возможности развития заводу на реке Егошихе, рядом появился еще один завод – Мотовилиха. То есть, наш город органично вырос на данных оврагах и они как родимые пятна сопровождают его.

Но рано или поздно это неудобство поменяет свой знак на полярный. Ведь получается, что в городе с самого начала есть зарезервированные территории, которые позволят в дальнейшем совершить некий скачок пространственного объединения. То есть, как только уровень развития позволит осваивать эти территории с необходимой и достаточной выгодой, само собой произойдет задействование оврагов в городской жизни. Таким образом, природой подготовлен этот резерв, который на сегодня представляет проблему.

Пуста и набережная. Еще одно место, где город соприкасается с водой. Когда-то жизнь здесь кипела, сейчас на набережной тихо, она

отрезана от города железной дорогой и заводами. Её освоение – ближайшая перспектива, несмотря на угрозу чрезвычайных ситуаций, связанную с наличием плотины.

И самая великая пустота нашего города – это эспланада. Она держит первое место в рейтинге пустого, незадействованного в жизни Перми пространства. Где-то есть Великая стена, а у нас великая пустота. Пустота подразумевает возможность раздвигания, заполнения, и эта гипотетическая возможность постоянно будоражит мозги. Сейчас даже вызвали голландцев, чтобы они ломали голову над этим.

Жилые единицы

В начале XX в. большинство сельских жилищ в Прикамье состояло из единого дворового хозяйства, включающего в себя сени, клеть и избу. В избе жили, в клети держали скот, а летом спали, сени были промежуточным пространством.

Массовое жильё, которое строилось для населения после войны, в многоквартирных домах, состояло из отдельных квартир, выдаваемых по принципу $n-1$, (т. е. количество комнат относительно количества жильцов было на единицу меньше). С архитектурой как таковой было покончено, а типы зданий разрабатывались в специальных институтах – ЦНИИЭПах (Центральных научно исследовательских институтах типового проектирования). Здания превратились в голые кирпичные коробки, напичканные бедными квартирами, в составе которых были кухня и совмещённые туалет-ванная. Это было лучше бараков и, возможно, изб в нищих деревнях, но в целом очень походило на обычный немецкий концлагерь. Я видел такой в Германии.

Таким образом, советский город к концу 1980-х гг. состоял из исторического центра, изрядно потрепанного временем; новых микрорайонов с голыми пятиэтажками и окраин, застроенных бараками или многоквартирными избами с палисадниками и огородами.

Движущая сила диалектики – это конфликт.

Усреднённость стала синонимичной бедноте. Таким образом, советское, значит среднее, – стало бедным, а затем закономерно превратилось в «Русское бедное».

В архитектуре нашей страны победили принципы «Афинской хартии». И это выглядит странно, притом что население не знает ничего о Корбюзье. Отголоски корбюзизма стали видны везде, от отдалённых кишлаков и аулов до столицы. Везде появились плоские крыши, ленточные окна, свободный фасад (это оформилось позднее); хуже было со свободной планировкой (которая тоже распространилась сегодня) и первым этажом, который стоял бы над землёй на столбах (хотя такие попытки делались).

Дворы.

Дом и двор – это всегда определённое соотношение. Пустое и полное как философские категории. Где мера? Чем его наполнить? Северные дворы – это иное соотношение, нежели южные дворы. У нас усреднённая и нивелированность. Парадоксы инсоляции с её подсчётами минут. И фетиш 58 параллели. СНиП как норма унификации и прогностика дальнейшего развития. Это равносильно «военному коммунизму» 1920-х годов.

Наследие советских времён, когда плановое развитие противоречило рыночному, остаётся в мозгах и сегодня. Когда ансамблевость становится важнее интересов частного инвестора. Соотношение зон, где регулирование должно быть плановым и где допустимо индивидуальное развитие. Это касается, прежде всего, исторической застройки.

Исторические доминанты. Возможно, эти места требуют действительно пристально изучения. Увидеть разницу между историческими доминантами и историческими памятниками.

Важность наполнения города.

Есть элементы города: дома – улицы – кварталы – районы – площади. Но есть и более мелкие единицы пространства, которыми занимается городской дизайн. Есть внутреннее пространство, понимаемое в отношении города, и соотношение внутреннего и внешнего. Стилистика тоже очень важна, и она, безусловно, влияет на облик города.

Постмодернизм, московская эклектика, функционализм Хрущева. Дешёвки Брежнева.

Рама Пермского окна

Это моя версия, как формировался и складывался пространственный каркас Перми. Она не оригинальна, но важна как предпосылка для дальнейших рассуждений.

Город-завод меня не интересует. Он был прост, как эмбрион. Можно отметить, что таких эмбрионов было два: Егошиха в устье реки Егошихи и в четырёх километрах – Мотовилиха. Постепенно они слились. На это потребовалось двести лет. Отсюда скорость: два километра в век.

Двести лет крошечный срок для цивилизации, и для возраста города тоже. Назовём это время условно долгим дореволюционным развитием (потому что затем последует быстрое революционное развитие). Термины революционное и эволюционное не связаны с Октябрьским переворотом, а отражают лишь темп и характер развития городской ткани. Во время долгого эволюционного развития город полз на юго-запад, вдоль Камы и от неё, сопровождая Казанский и Сибирский тракты. Вдоль тракта уже существовали деревни и более мелкие поселения – починки. Они поглощались Пермью.

Структура города была квартальной, сетка улиц прямоугольной, её прямизну нарушали лишь крутые берега рек и оврагов. На природных высотах и в важных градостроительных узлах ставились высотные доминанты в виде церквей и значимые здания.

Движение подчинялось принципам развития европейского градостроительства и было эволюционным, в отличие от далее последовавшего революционного. Гранью между ними можно считать резкий выплеск эвакуированных предприятий во время второй мировой войны из центра страны. В это время произошли колоссальные деформации пространственного каркаса городской ткани. Во-первых, город начал с треском разрастаться, не имея подготовленной инфраструктуры, при отсутствии дорог и коммуникаций. Затем его, как паразиты организм, облепили промышленные предприятия, заняв свободные удобные (т. е. плоские и ровные) пространства, приближенные к местам проживания рабочей силы.

Это породило комплекс противоречий, который в дальнейшем определил сегодняшние проблемы города. Город облепился заводами, отрезавшими его от реки Камы и мешающими ему раздвигаться в удобных направлениях. На севере появилась плотина и Камское море, также ограничивающие распространение застройки и отрицательно влияющие на климат города, подобно промышленным предприятиям.

Город напоминает по своему непропорциональному развитию период подросткового или детского возраста, когда руки растут сами, ноги сами, внутри всё отстаёт, а в голове гиперсексуальность, но зато какой у него потенциал, и что мы увидим лет через пятьсот, о-го-го! Конечно, сегодня нам в этом городе тяжело, трудно жить внутри такой неуравновешенной системы. Но дайте только срок, «будет вам и белка, будет и свисток». На градостроительных советах умные люди мне часто советуют заглядывать лет на пятьсот вперед. Вот я и заглядываю.

Л. А. Коневских

«У ДОБРА СПРОСИТЕ, КАКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРИЛИЧЕСТВУЕТ ДОМУ» (представления о духовном домостроительстве в Живой Этике)

У всякой вещи есть свое содержание, тот смысл, ради которого она появилась в этом мире. Есть, конечно же, такое содержание и у места, где постоянно живет человек – у его дома. Определение этого содержания важно, возможно, даже в большей степени, чем простое описание бытового уклада, мебели и утвари, приличествующих той или иной эпохе, или историческая констатация происходивших в этом доме событий и сведений о живших в нем людях. Ведь человек – это существо

обучаемое, и потому то, чему он научается в молодости и в дальнейшей жизни, какое содержание вещей усваивает, то и воплощает в действительность во все оставшиеся ему для существования в этом мире годы. Какое же содержание заключено в понятии «дом»? В известной бардовской песне есть такие слова:

*...Дом, как известно всем давно,
Это не стены, не окно,
Даже и стулья за столом –
Это не дом, это не дом.
Дом – это там, куда готов
Ты возвращаться вновь и вновь,
Радостным, добрым, нежным, злым –
Еле живым, еле живым...
Дом – это там, где вас поймут,
Там, где надеются и ждут,
Где ты забудешь о плохом –
Это твой дом.*

Семантика слова «дом» многозначна: «здание для жилья», «жилое помещение», «люди, живущие вместе», «династия» и др. Однако, как и в песне, у каждого человека есть свой образ дома, свое представление о том месте на земле, где ему комфортно, где он защищен, где его всегда ждут и всегда ему рады. Такой образ дома складывается в культуре на основе сформировавшихся в истории значимых ценностей не столько общественного устройства, сколько тех высоких духовных ориентиров (характеризующих именно гуманистическое взаимодействие), которые вдохновляли людей на протяжении тысячелетий. Именно благодаря этим высоким идеалам развивалось и совершенствовалось человеческое в человеке, росло его духовное начало, о котором в ближайшее почти столетие не очень принято было говорить. Долгое время происходило это потому, что в атеистическом обществе духовное и религиозное отождествлялись. Да и сегодня есть исследователи этой проблематики, настаивающие на том, что невозможно понять природу духовности, не имея в виду сакральные религиозные аспекты и сверхъестественное, божественное начало.

Однако духовное становление личности и общества недостаточно рассматривать только как приоритет религии и обряда. Очень часто в земной повседневности духовное становление оказывается связанным, прежде всего, со следованием идеальному комплексу норм нравственности в поведении, с устремленностью сознания к идеалу. А это может происходить как в рамках религиозных, так и секулярных систем. Как

способ жизни человека, духовность выявляет себя либо в творчестве взаимоотношений человека и Бога, либо человека и Высокого ценностного идеала, либо человека и всего Человеческого рода. Все зависит от культуры личности, от того, какие содержательные смыслы бытия были этой личностью усвоены.

Поэтому в современности все отчетливее становится понятно, что недооценка духовно-нравственной составляющей (в любом варианте ее проявления) в развитии человека и общества чревата кризисом личности и социума. Потеря духовности содержит угрозу деградации и гибели, поскольку именно через этот феномен, подразумевающий индивидуальные усилия человека, совершаемые им для достижения высокого идеала, только и возможно развитие и гармоничное взаимодействие с культурой как своего ближайшего окружения, так и с культурой мировой. По своему существу духовность является качеством жизни человека, выступает как атрибутивное свойство человеческой сущности, выражающееся в духовном состоянии – состоянии внутренней борьбы морального добра или зла и разума, сопровождающееся эмоциональным переживанием. Духовность выражается в повседневной духовной трансформации действительности через духовную деятельность субъекта. При этом происходит духовное обогащение, обновление и духовное становление личности. Осуществляя духовный поиск, связанный с утверждением индивидуального мира, субъект через постоянное совершенствование путем изменения и развития стремится к преобразению себя, жизни и мира.

Конечно, огромную роль в европейской культуре сыграли в одухотворении представлений о доме христианские ценностные ориентиры. В Библии, например, слово «дом» используется не только в широко известном бытовом значении, а отождествляется также с местом пребывания Бога. В известном сюжете изгнания торговцев из храма Иисус говорит: «И дома Отца Моего не делайте домом торговли». Однако тематика характеристик духовного обустройства дома не расширяется далее, поскольку, главная задача библейских повествований – это обращение человека к вере и констатация моральных требований, предъявляемых к нему Богом. Подразумевается, что высокие ценностные приоритеты концентрируются, прежде всего, в храме – доме Бога.

Тональность представлений о духовном домоустройстве пронизывает другой источник, известный современнику и вызывающий в обществе в силу своей новизны немало споров. Речь идет о Живой Этике – философско-этическом учении, связанном с именами Елены и Николая Рерихов. В задачи этой публикации не входит решение споров об этих личностях и их наследии. Много интереснее и важнее обратить внимание на те характеристики, которые даются в Учении понятию «дом».

Прежде всего, отмечается, что дом может быть временным и вечным. Временный дом – это та семья, те родные люди, которые окружают человека с рождения. Вечный же дом подразумевает не кровное, но духовное родство людей. Именно такой дом может быть отождествлен с Домом Бога в христианстве. Ориентируясь на него, каждый человек строит храм своей души, опираясь на те нравственные ценности, которые были выстраданы тысячелетиями утверждения христианских идей. Однако не только знать важно об этих ценностях, говорит Живая Этика, но и воплощать их сиюминутно в каждом жизненном мгновении. И никто, кроме самого человека, осуществить это в его жизни не может.

В Учении, как вехи, обозначаются те составляющие земного дома, которые постоянно должны быть в поле зрения человека. Так, говоря о земном доме, важно расстаться с «привычкой не уважать дом», а иметь и поддерживать «семейные традиции», собирать «образы любви», хранить и беречь «честь дома». Дом должен быть наполнен «знанием», «дружеским делом», «словом сердца и делом красоты». Необходимо оберегать дом от «никотина и ядовитых осадков», «очистить его от пыли», от «старого сора», потому что в них «вянут и не могут расти прекрасные достижения». Чистка дома необходима, «чтобы не случилось пожара». Здесь надо заметить, что под пожаром Живая Этика подразумевает не только явление огня как стихийного бедствия, но и огня психологического бунта нашего естества против ненужного хлама идей и вещей, проявляющегося через болезни, депрессию, агрессию и т. д. В Учении очень много говорится о качестве и значении вещей в обиходе: «новый дом – это новые вещи, новые решения». Жизнь обновляется, мир развивается и новому обязательно нужно давать место в своем доме.

О том, какие духовные основы должны быть заложены в домостроительство, важно говорить детям, «особое внимание среди вопросов воспитания уделяя домашнему быту». Важно, чтобы дети с ранних лет усвоили, что «дом – не тюрьма», а «очаг прекрасный», что дом нельзя создать «при злобе разрушения». Обязательная составляющая дома и семьи – это приобщение всех его жителей «к какому-то ремеслу», это «свободное мастерство». Важно создавать такую атмосферу дома, чтобы она была сердечной и дружеской, чтобы и возле жилища были тоже друзья – домашние животные. «С мельчайших чувствований и самых обычных действий» необходимо формировать у ребенка представления о том, что дом – это его семья, которая «должна стать не символом вражды, а символом знания и красоты».

Поэтому важно, чтобы каждый житель дома «нес свет в дом», поддерживал в нем «тишину, молитву и красоту», «любовью творил чудеса». И тогда земной дом наполнится Святым Духом, а человек, в нем живущий, настолько усвоит в сознании своем сердечность домашних

отношений, что не сможет иначе представлять, а, следовательно, и творить, место своего обитания. Это может стать образом жизни – «там, где мы, там и дом», это может привести и к правильному обустройству общества – «без строения дома нельзя мыслить и о строении государства».

Г. В. Куличкина

УХОДЯЩАЯ НАТУРА

Когда в 1985 году появилась возможность не быть как все и говорить вслух в общественных местах, в прессе всё, что хочешь, многие «золотые перья» испытали чувство восторга. И... онемели. Потому что возникла нешуточная проблема: как писать? Больше не нужен эзопов язык, иносказания и усложненные метафоры, стилистические красоты – все то, во что раньше для внешнего правдоподобия упаковывалась крамольная, диссидентская или, наоборот, идеалистически-социалистическая мысль.

Анатолий Аграновский, известный журналист, считал, что хорошо пишет тот, кто хорошо думает. А хорошо думает тот, кто «в теме», давно изучает её, как говорится, и вширь, и вглубь. Теперь вы догадались, дорогой читатель, почему в постсоветское время поначалу не слышны были голоса прежних специалистов по «патриотизму, нравственному воспитанию и духовному развитию человека». Исчез предмет для литературных упражнений – не стало СССР, советской идеологии, общей системы духовных ценностей. Казалось, что все разлетелось на кусочки, маргинальные сообщества.

Но в Перми всегда жили и живут люди, которые независимо от «политической погоды на дворе» занимаются тем, что им интересно, и про это «интересно» думают «долгую думу свою». К ним относится краевед Елена Александровна Спешилова, автор уникальной книги «Старая Пермь», выдержавшей два издания на рубеже XX–XXI вв. Это единственное в своем роде издание, которое с фактологической достоверностью сообщает пермякам про главные дома и улицы Перми, начиная с 1723 (!) по 1917 гг. Собран и обработан крупнейший «кусочек» из истории Перми; социальной, архитектурной, образовательной и культурной жизни пермяков. Книгу Е. А. Спешиловой, думается, по праву можно поставить в один ряд с такими основательными краеведческими трудами, как «Город Пермь, его прошлое и настоящее» В. С. Верхованцева, «Очерки из истории губернского города Перми» А. А. Дмитриева, серией изданий «Материалы по изучению Пермского края» Пермского краеведческого музея. Это с одной, уходящей вглубь веков, исторической стороны. А с другой, со стороны современной, эта книга вполне сопоставима с изданиями конца XX века, когда на волне коренных реформ

активно возрождалось краеведческое движение в России и Перми: с краеведческим сборником «Пермский край. Старая Пермь (1723—1917)», изданным в 1992 г., (составитель Т. И. Быстрых); исследованием по Егошихинскому кладбищу В. Ф. Гладышева «Перми старинное зеркало». Созвучна книга Е. А. Спешиловой и с изданиями краеведческих «Смышляевских чтений», которые с 1990 по 2007 гг. проходили в областной библиотеке имени А. М. Горького при поддержке ее бывшего директора А. Ф. Старовойтова и при непосредственной организаторской, составительской и редакторской работе бывшей заведующей краеведческим отделом библиотеки и одновременно председателем клуба городского клуба краеведов Т. И. Быстрых.

*«Столетье с лишним не вчера,
А сила прежняя в соблазне
В надежде славы и добра
Смотреть на вещи без боязни».*

Эти строки из стихотворения Бориса Пастернака, которого заново открыли для пермяков именно краеведы, помогают понять, почему не надо «отречься от старого мира». Наши предки оставили нам свои заветы, идеалы и нормы поведения, проверенные годами и веками. Эти заветы не только в человеческих судьбах, но прежде всего, в особенностях обустройства места своего пребывания на земле, в нашем случае – в обустройстве домов и образующихся из них улиц.

Всегда интересно, как возникают незаурядные книги, которые оказываются нужны многим. Поэтому откроем некоторые секреты из жизни Елены Александровны Спешиловой. Всю свою трудовую жизнь она проработала библиотекарем. В 1980-е годы вышла на пенсию. Бытовых хлопот был полон рот: она жила на четыре дома (женщины, у которых есть больные и престарелые родственники, за которыми необходим уход, и которых уже никуда с «насиженных мест» не увезёшь, поймут её). Но в свободное время занималась тем, чем хотелось. А именно, брала в руки фотоаппарат, шла гулять по улице Кирова и «щелкала» кадр за кадром фасады тех старинных домов, которые ей нравились. Однажды взялась считать количество накопленных альбомов, их оказалось ... 150!

Будучи библиотекарем, Елена Александровна, перелистывая книги, любила выписывать на карточки интересные сведения о родном городе, известных пермяках – писателях, художниках. Не оставила этого занятия и позже. Как она сама объясняет: «Я с детства что-нибудь коллекционировала: конфетные обертки, камни, рыбок, открытки, книги...». Коллекция карточек с интересными сведениями о старой Перми сначала умещалась в одном небольшом ящичке, потом карточки составили

целый ряд коробок... Однажды Сергей Афанасьевич Торопов (тогда он был одним из лидеров краеведов Прикамья) сказал: «Да у тебя здесь материалов на целую книгу. Давай, делай».

Первый вывод: если тебе что-то очень интересно про всех, кто оставил добрый след на земле, это обязательно будет необходимо другим.

Есть сегодня такое модное научное словечко «идентификация». Оно возникло как отклик на растерянность тех, кто ощутил себя потерянным среди урагана общероссийской перестройки и системного кризиса всех ценностей советского образа жизни. Многим тогда вдруг позарез оказались нужны сведения о своей родословной и о ближайших родственниках, волею судеб оказавшихся в лагерях или на чужбине; о городе, в котором тоже как-то жили люди до тебя, и тоже перенесли и вынесли немало за последние два с лишним столетия.

Книга Елены Александровны Спешиловой оказалась для пермского сообщества, как яичко ко Христову дню. Здесь не только собраны сведения по домам и улицам, но и отдельно – информация про учебные заведения, площади и рынки, банки и аптеки, храмы и библиотеки... Ко всему этому список литературы – пожалуйста, приобретайте, желающие узнать больше; указатель имен – пожалуйста, ищите знакомых и родственников. Есть весьма любопытные раритеты. Например, письма жены Михаила Осоргина Татьяны Бакуниной-Осоргиной. Откуда, спрашивается? А это еще одна страница изысканий Елены Александровны. Однажды (опять употребим это сказочное слово, ибо многое из сферы культурных интересов Елены Александровны похоже на сказку) её хороший знакомый, врач Михаил Швецов (тоже увлекался литературой и был влюблен в творчество Осоргина) предложил написать письмо во Францию вдове писателя. Сказано – сделано. Татьяна Алексеевна ответила. Более того, выслала в адрес Елены Александровны посылку с книгами Михаила Осоргина, которые никогда не издавались в России.

И где теперь эти книги, спросите вы? Переданы были в краевой краеведческий музей, когда выяснилось, что к творчеству Осоргина хотят приобщиться многие из культурной элиты пермского сообщества, что это – гордость России и гордость Перми. Кстати, в этот же музей в свое время она отдала замечательную библиотеку отца, пермского писателя Александра Николаевича Спешилова, и обстановку его кабинета. Её потом выставляли в экспозиции «Дома и улицы Перми».

А что оставила Елена Александровна себе? Приоритет первооткрывателя новых страниц из жизни семьи Ильиных-Осоргиных. Она первой опубликовала очерк о пермском журналисте Сергее Андреевиче Ильине, старшем брате писателя М. А. Осоргина, в газете «Вечерняя Пермь», первой процитировала письма Т. А. Бакуниной-Осоргиной на страницах той же газеты. Она одной из первых стала рассказывать о домах и улицах Пер-

ми еще до книги – на полосах газет «Звезда» и «Вечерняя Пермь». Открывала читателям забытые имена и судьбы пермской поэтессы Евгении Трутневой, пермских художников И. И. Туранского и А. Н. Зеленина.

Много или мало это – быть первооткрывателем духовных ценностей в тот период, когда общественное сознание захлестнуто лихорадочным подсчетом денег; когда одним катастрофически их не хватает, а у других оказывается столько, что они не знают, куда эти «бешеные» капиталы понадежнее рассовать? Судите сами. Сама Елена Александровна всегда жила и живет на одну пенсию, а что это такое, многие из нас хорошо знают.

И вот теперь о самом ответственном моменте в истории рождения этой книги – об ее издании. Откуда взять деньги? Слух об этой книге дошел до Лидии Алексеевны Лисовенко, бывшей в конце 1990-х гг. начальником Департамента культуры и искусства Администрации Пермской области. Она и взяла на себя ответственность, сделала социальный заказ Е. А. Спешиловой. Издательство «Курсив» выпустило книгу, придав ей стиль модерна дореволюционных открыток с завитушками по бокам текста, со старинными фотографиями. Елене Александровне выплатили гонорар.

Книга разошлась мгновенно. Краеведение входило в моду. И вскоре встал вопрос о переиздании. Но меценатов на пермском культурном небосклоне не было. Пост начальника департамента к тому времени занял другой человек. Как рассказывает Елена Александровна, на посланные письма предполагаемым спонсорам счел нужным ответить только один – ЛУКОЙЛ. Сказали, что у них денег для такого проекта нет.

Тогда она принялась звонить знакомым, а их за годы работы в библиотеке накопилось достаточно, и стала предлагать купить книгу заранее. Представьте себе, люди соглашались. Заказывали сразу по несколько экземпляров. Сначала она «продавала» неизданную книгу за 135 рублей, потом, с учетом инфляции, за 200, 300 и даже 500 рублей. Покупали, и в течение месяца нужная сумма на второе издание – 250000 рублей – была собрана. Так книга, еще не дойдя до типографии, уже стала народной. Елена Александровна в то время завела новую картотеку – на тех, кто сдал деньги, чтобы знать, кому потом разослать свежие экземпляры второго издания.

Вывод второй: не имей сто рублей, а имей сто друзей.

Елена Александровна посвятила свою книгу отцу, писателю А. Н. Спешилу (к 100-летию со дня его рождения), и врачу А. В. Заксман. Первый дал ей жизнь физическую и был наставником в детстве и отрочестве. Вторая – «буквально вытаскала меня с того света», как прокомментировала посвящение Е. А. Спешилова. Она также считает негласным соавтором своего мужа, А. А. Кирсанова, который поддерживал ее в творческих замыслах и помогал, чем мог.

Возможно, кто-то скажет, что все рассказанное здесь – не очень актуально, уходящая натура... Но что остается от разрушенных цивилизаций? Только история и культура.

ПЕРВЫЕ ДОМА НА ЕГОШИХЕ (по данным лексики памятников XVII века) ¹

Город Пермь ведет свое начало от поселка Егошихинского медеплавильного завода, возникшего в 1723 г. на левом берегу реки Егошихи – левого притока Камы. Однако русское поселение на Егошихе существовало задолго до этого. Первое упоминание о реке и поселении на ней находим в переписной книге по вотчинам Строгановых 1647 г.: «Починок на реке Каме и на речке Егошихе, а в нем двор Власко Федотов сын Карнаухова» [Е: 102] и «Починок на реке Каме и на речке Егошихе, а в нем крестьян: двор Сергейко Павлов сын Брюханов, у него дети: Климко да Ивашко» [Е: 124]. Обитатели починка были выходцами из Верхних Муллов, о чем свидетельствуют зафиксированный в писцовой книге 1623 г. антропоним проживавшего там отца Брюханова – «пищальник Павлик Кузмин сын Брюхан» [К: 121] и отмеченные в 1647 г. именованья старших братьев Карнаухова «Елисейко Федотов сын Карнаухова, Сенька Федотов сын Карнаухова, Ивашко Федотов сын Карнаухова и Никитка Федотов сын Карнаухова» [Е: 99]). Починок «на реке Каме и на речке Егошихе» с таким же названием, как в 1647 г., записан в переписной книге Бельского 1678 г. [Б: 208 об.]. Тогда в нем было уже 7 дворов, 4 из которых принадлежали Брюхановым: «Демка да Яранка Ивановы дети Брюхановы... Ларька Дементьев сын Брюханов... Ивашко Сергиев сын Брюханов». Современные жители Перми – Карнауховы и Брюхановы [Список 1980: 247, 78, 79], возможно, ведут свой род от Власки Карнаухова и Сергейки Брюханова.

Вместе с тем топоним Егошиха возник гораздо раньше и называл не только реку, но и уголья на ее берегах по имени хозяйствовавшего здесь человека. Предположительно, им мог быть либо Дмитрий Егоша' (с ударением на последнем слоге) в первой четверти XVII в., либо его отец Егоша' в конце XVI – начале XVII в. Слово Егоша' – это некалендарное имя или прозвище, образованное от нарицательного существительного *егоша'* – диалектизма со значением егоза. В русском языке на протяжении веков употреблялись параллельно глагол *егози'ть* не сидеть спокойно на месте; вертеться, суетиться, существительное *егоза'* и абсолютные синонимы к ним *егоши'ть* и *егоша'* [СРНГ 8: 318].

Дмитрий Егоша был связан с территорией, которую в XVII в. называли «Муллами» и центром которой было «Сельцо Никольское на реке на Каме

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, гранты № 08-04-82404 а/У, № 08-04- 410 а/У, № 08-04-82408 а/У.

и на речке на Муловке, а в нем церковь деревяна клецки во имя Николы Чудотворца» [К: 119] или Верхние Муллы. Сын Дмитрия Егоши «Васька Дмитриев сын Егоша» в 1623 г. проживал в Нижних Муллах [К: 122], а внук «Бориско Васильев сын Егошин» – в Верхних Муллах [Е: 100].

Муллы (общее название бассейна Верхней Мулянки и Нижней Мулянки – левых притоков Камы) заселялись в основном выходцами с Русского Севера и из Перми Великой – Чердынской земли (ныне Гайнский, Чердынский, Косинский, Соликамский, Красновишерский районы Пермского края), о чем свидетельствуют именованья жителей в переписных документах: *Вологжанин, Двинянин, Мезенец, Пеняженин, Устюжанин; из Кульчуга, из Анбора, из Гаен, из Губдора, из Сумыча, из Уролки, с Верх-Уролки* и др. [Е: 119-122]. Они принесли на Муллы не только свой говор, но и свою духовную и материальную культуру, свое умение строить жилища и хозяйственные дворы.

Мы не знаем точно, в каких домах жили обитатели починка на Егошихе в 1647 г. С тех пор прошло более трех с половиной столетий, и нигде в Пермском крае не сохранились крестьянские дома XVII в. Однако письменные памятники того времени донесли до нас сведения о жилищах в Перми Великой. Зная о сохранении традиций переселенцами оттуда на Муллы и опираясь на имеющуюся в памятниках лексику, мы можем представить дома XVII в., построенные на Егошихе.

До появления починка Егошиху могли использовать как место охоты, рыбной ловли и заготовки сена. В такой ситуации для временного пребывания строили обычно небольшие избушки: «*Приехали де на большой дороге в ызбушку*», «*Избушка плотбищная*» [СПП 2: 119]². Однако в 1647 г. (вероятно, гораздо раньше, но после переписи 1623 г.) на Егошихе уже существовали дворы с постоянными домами. Что же они могли собой представлять?

Слова *дом* и *домишко* в Прикамье XVII в. употреблялись как общее название жилища при уточнении вида постройки: «*Нашел он Иван в дому в ызбе в голбце... рухлядь*», «*Воровские люди вдомишке в нашем в избе оставили 4 шапки своих*» [СПП 2: 37]. Называли *домом* также членов одной семьи и домочадцев: «*Мясо де ел краденое со всем своим домом*» [там же]. Кроме того, слово *дом* входило в состав словосочетаний, обозначающих учреждения, общественные заведения: *воеводский дом, архиерейский дом, убогий дом*. Названием же постройки для жилья, независимо от ее величины, обычным было слово *изба*. В избах и жили Карнауховы и Брюхановы на Егошихе.

Избы в XVII в. строили по-разному. Существовали избы *поземые (наземные)* и *на змостье (взмостье)*: «*Во дворе хоромов изба поземая а*

против избы сенцы и з банею» [СПП 2: 117], «*Во дворе хоромов изба на змостье да сенник на подклете*» [СПП 2: 112], «*Во дворе хоромов изба на взмостье другая изба наземная*» [СПП 1:81]. *Изба на взмостье* (а также *клеть* – холодная срубная постройка, используемая для хранения продуктов или имущества) в отличие от *поземой* имела фундамент в виде врытых в землю столбов, на которые ставился сруб (*струб*) из бревен или плах: «*Перед избой на клетных струбах начевал подворник ево*», «*Избные плашинные сосновые ветхие струбы*» [СПП 5: 182]. Избы и клетки в Прикамье чаще были *облыми*, т.е. построенными из бревен *в обло*: «*Переписал... двор ево избу сосновую облую*», «*Дворового строения изба елева облая и сенцы перед избой клеть елева ж облая*» [СПП 3: 135]. Но строили избы и из плах, т.е. из половин расколотых вдоль бревен: «*Изба плашинная сосновая*» [СПП 4: 44].

В переписных документах *двором* называется облагаемая податью административная единица, но обычно она соответствовала реально существовавшему двору – *хоромам (строенью)*, включавшим жилую избу и хозяйственные постройки. Первые дворы и дома на Егошихе строили, по видимому, самым простым способом (*избы поземые облые*), так как в починке было мало мужчин и он находился довольно далеко от Муллов. Вряд ли оттуда могло приходить много помощников для строительства изб и дворов, но плотники, видимо, прибывали, если сами жители починка на Егошихе не владели плотничьим ремеслом и орудиями: «*Пократчи из дома моего плотнишную снасть топоры и долота и напары*» [СПП 4:46].

В срубе настилался пол («*Дементей ис той посуды остаток вина вылил на пол*» [СПП 4: 91], под которым находилось подполье – *голбец*, используемый для хранения продуктов и сохранения в тайне вещей: «*Евдокейка стала отпирати голбець*» [СПП 3: 194], «*И полез де он пономарь в голбец один...и вынес де ис того голбца холста*» [СПП 1: 143]. Между потолком и кровлей находилась *поветь* (чердак): «*Ларка Костарев покрал у меня из двора с повети шубу овчинную*» [СПП 4: 52].

В избе прорезались проемы для двери, которая крепко запиралась на ночь («*Изба была заперта на круке ис нутрену сторону было круком и замком сничным заперто*» [СПП 5:125]), и окон, причем основные окна находились в *спередиизбье*, т.е. на стороне дома, выходящей на улицу: «*Евдокейка ко мне сироте полезла окном передным из спередиизбья*» [СПП 4: 93]. Кроме того, прорезали заднее окно («*Евдокейка бросилася утти в окошко въ задное*» [СПП 4: 157]), которое могло служить и волоковым окном для выхода дыма из избы, топящейся по черному, т.е. не имеющей печной трубы. Однако чаще делалось специальное окно, которое в Прикамье называли либо *дымным* («*Козма ушел из-за караулу дымным окном*» [СПП 2: 52]) либо *верхним*, что свидетельствует о его расположении: «*Судницын у них ушел из избы верхним*

² Здесь и далее тексты памятников письменности приводятся по составленному нами «Словарю пермских памятников XVI– начала XVIII века» [СПП].

окном» [СПП 6: 52]. Делались узкие окна и в подполье, и в клети: «У них де в голбце окна большие» [СПП 1: 142]. Все окна закрывались досками: «Окно де у избы... отбили» [СПП 3: 155], «Подмостили де ко клетному ево окну и оконную доску резали ножом» [СПП 3: 157]. Оконницы в избе затягивались высушенным пузырем животных (для пропуска света) [СлРЯ 21: 43], но в непогоду и на ночь от дикого зверя и лихого человека закрывались досками (ставнями). Так что в XVII в. вряд ли можно было увидеть в темное время суток на Егошихе «старинных окон негасимый свет». Внутри изба обычно освещалась горящей лучиной («Семен... огнем де зажетчи лучину» [СПП 3: 41]).

К избе пристраивали сени или сенцы, через которые входили в избу: «Во дворе хоромов изба поземая а против избы сенцы» [СПП 2: 117]. На протяжении веков в Прикамье бытовали 3 слова, называвших это сооружение: сени, сенцы и мост. Дело в том, что почти у каждого домохозяина существовала клеть для хранения имущества и запасов. Ходить из избы в клеть в сырое и холодное время (по грязи или снегу) было неудобно, поэтому между ними строился переход (мост): «Мужа в доме своем на мосту сонного обухом убила» [СПП 3: 68]. Этот переход обшивали досками или брусом («Изба облая слева против избы на погребу клеть о два жира и с сенцы брусчатые» [СПП 1: 57]), и он превращался в сени: «Нестера в сенях своих убила обухом до смерти и покинули де в сенцах своих под мост» [там же].

К сеням больших изб пристраивалось крыльцо: «Столкнул де ево... с крыльца... из дому Ивана Кручинина» [СПП 3: 21]. Но к небольшим избам делался только порог: «В обедное время сидя на ... пороге драп лыка с лутошек» [СПП 4: 120].

Внутри избы сооружались полати («Он... в дому упал с полатей и умре скоропостижною смертью» [СПП 4:92]) и печь обычно без трубы, т.е. избы топились преимущественно по-черному, а дым выходил через дымное или верхнее окно. Сооружалась печь на каменной основе, стоящей на земле. Летом для приготовления пищи использовали печь, поставленную за пределами двора: «Для хлебного печенья делали б печи от хором далече» [СПП 4: 34]. За пределами двора находилась и баня.

В деревнях и починках существовало натуральное хозяйство, для ведения которого нужен скот. Поэтому в крестьянском дворе сооружались постройки для содержания скота: стая («Запер лошадь свою в стаю...на обыск давался в мыльне и в скоцкой стае обыскивать» [СПП 5: 166]), хлев («Сенница большая и с хлевом» [СПП 6: 81]). Для хранения сена использовались сенник, сенница или повесть, находящиеся над разными постройками: «Во дворе хоромов изба на змостье да сенник на подклете», «Подле избу сарай на стае да сенница на хлеве» [СПП 5: 89]. Сено с земли навверх в сенник поднимали прямо на

волокушах по специально построенному въезду – мосту: «Сенник с подклетью да два сарая с мосты и з столбами» [СПП 3: 68]. Портящиеся продукты хранили в погребе: «Клеть на погребе», «Анбар над погребом» [СПП 4: 57].

В крестьянской усадьбе очень важным местом был двор, в нем велись различные домашние и хозяйственные работы, играли дети. Он охранялся от посторонних людей, от диких зверей (медведей, волков, лис). Часть двора была огорожена избой и примыкавшими к ней хозяйственными постройками, открытую же часть защищали заплотом – оградой из вертикально поставленных бревен: «Изба с клетью и з заплоты елевые», «От их же дворового заплоту» [СПП 2: 92]. Въезжали во двор через ворота: «У двора моего ворота растворили... и скот из двора выпустили» [СПП 1: 104].

Кровля (слово крыша в XVII в. не употреблялось) возводилась либо над каждой постройкой, либо целиком над всем двором – избой и хозяйственными сооружениями вместе: «Посторонь избы... половина сарая и с повестьми и с хлевами и с кровлею» [СПП 3: 18].

Вероятно, начинался каждый двор в починке на Егошихе с построек, которые можно было возвести относительно быстро и малыми силами: изба поземая, клеть, необходимые сооружения для скота и хранения сена и инвентаря. Но в Прикамье в XVII – начале XVIII в. строили и большие избы (и клети): изба с горницей на подклете («Хором на той земле горница и с подклетом и сени с подсением» [СПП 4: 65]), из двух отдельных помещений или двух этажей («Двор: изба о два жира с сенми а перед избой клеть о три жира» [СПП 2: 66]), «Клеть елевая ж о дву жирах в исподнем жиру кудели мятой нечищеной льну и конопля десятко з дватцать...в нижней клети дватцать восемь четвертей овса» [СПП 2: 137]). В избах ставились печи с трубой, т.е. они топились по-белому («Нашел у него Кирила в белой горнице на печи за трубою вина» [СПП 1: 29]), появлялись окна со стеклом («Оконница стекольчата» [СПП 5: 166]), отгораживались хозяйственные помещения – чуланы («Чюланы, что в сенях», «Вынесши медную трубу ис чулана в сени» [СПП 6: 122], «Да мне ж Андрею жить у него под печью в казенке [чулане в подклете]» [СПП 2: 144]. Конечно, это были дома состоятельных людей, но при этом в деловых документах, которыми мы располагаем, все они назывались избами. Видимо, и на Егошихе к концу XVII в. появлялись новые избы и дворы, напоминающие большие крестьянские усадьбы XX в.

Прошли столетия. Совсем другие жилища строят теперь на Егошихе, и только памятники письменности напоминают нам о первых русских домах на берегу этой реки.

Литература и источники:

Б – Список Соли Камской переписных книг переписчика князь Федора Бельского 187 (1678) году. Копия. Рукопись. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 597. Оп. 1. Д. 22.

Е – Писцовая книга воеводы Прокопья Козмича Елизарова 7155 (1647) г. по вотчинам Строгановых // Труды Пермской ученой архивной комиссии. – Пермь, 1893. – Вып. 2. – С. 87-146.

К – Писцовая книга Михаила Кайсарова по вотчинам Строгановых 1623–1624 гг. // *Дмитриев А.* Пермская старина. – Пермь, 1889. – С. 110-194.

СлРЯ – Словарь русского языка XI-XVII вв. – М.: Наука, 1995. – Вып. 21.

Список – Список абонентов Пермской городской телефонной сети. – Пермь, 1980. – Ч. 2.

СПП – Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII вв.: В 6 вып. / Сост. Е. Н. Полякова. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1993–2001.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Л.: Наука, 1970–1972. – Вып. 6-8.

В. Ю. Козлова

ЖИЛЫЕ ДОМА В ПЕРМИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА (качественные характеристики)

Во второй половине XIX в. в городах России происходило достаточно интенсивное изменение качества жилища. Поскольку в тот период сформировалась сложная структура городского населения, интересно проследить, каким образом отличалось жилище представителей различных социальных групп в Перми. Основными параметрами при характеристике жилища будем считать материал, высотность, размер, структуру дома и рассмотрим внутреннюю отделку там, где это возможно.

Наиболее конкретно можно проследить, как отличались дома представителей различных социальных слоёв горожан. Разнообразие типов жилища в городе было обусловлено социально-профессиональной разнородностью населения, спецификой его запросов и возможностей. Сохранившиеся сведения дают представление, в основном, о жилище дворян, чиновников, купцов, мещан, отчасти военных и священников.

В конце XIX в. в Перми свыше 95 % построек были деревянными¹. Жилые постройки всех групп населения сооружались преимущественно из дерева путём срубной техники. В Прикамье чаще использовали сосну, ель и лиственницу. Деревянная застройка Перми характеризовалась синтезом традиций народного жилища и веяний профессиональной архитектуры². Каменный дом стоил дорого и был недоступен рядовому горожанину, но престиж владения каменным домом был высок. В Перми

в XIX в. строились каменные дома на фундаменте из бутового камня, добываемого на речке Гремячей и доставляемого в город по Каме³. Желание сочетать престижность каменного жилья, а также гигиеничность и дешевизну деревянного, привели к тому, что деревянным постройкам стали придавать вид каменных при помощи отделки штукатуркой. На углу Монастырской, 17 и Сибирской, 2, находился деревянный двухэтажный оштукатуренный дом, который был так хорошо отделан, что казался каменным⁴. В середине XIX в. появились двухэтажные дома смешанной конструкции: низ кирпичный, верх деревянный. Так, у дома по Торговой, 38, был высокий каменный нижний этаж и деревянный верхний, красиво отделанный дранкой. Подобные дома часто встречались в Перми⁵.

Попытаемся проследить закономерность в использовании материалов для строительства домов. На основе рассмотренных данных видно, что каменные дома встречались у представителей всех сословий. Пермские купцы чаще всего имели каменные дома, иногда полукаменные. Деревянные встречаются крайне редко. Среди домов чиновников больше отмечено полукаменных или деревянных на каменном фундаменте, каменных несколько меньше. Мещане чаще всего строили деревянные и полукаменные дома. Каменных выявлено мало. Дворяне, военные и священники в зависимости от достатка строили как каменные, так и деревянные дома⁶. В губернском центре материалом покрытия крыш чаще служило железо. Железные крыши, прежде всего, отмечались в домах купцов и чиновников, а жилые строения мещан и крестьян в основном крылись тёсом. Крышу дома, покрытую кровельным листовым железом, нередко красили зелёной или красной масляной краской⁷. Таким образом, существовала взаимосвязь между социальным положением владельца и материалами, которые использовались в строительстве его дома.

Для города было характерно жилище, расположенное на двух уровнях. При большой земельной тесноте это давало возможность компактнее размещать помещения. Распространённым видом городского дома стал деревянный дом на кирпичном цокольном этаже. Из 47 рассмотренных нами по различным материалам одноэтажных домов Перми 16 имели каменный цокольный этаж. Цоколем мог быть подвал или полуподвал, а также почти полный этаж⁸. К концу XIX в. значительно выросло число двухэтажных домов. Был выбран для исследования 171 дом, находившийся в Перми в тот период, данные, о которых сохранились. Среди них, безусловно, преобладали двухэтажные дома – 117, одноэтажных было 47 и 7 трёхэтажных⁹. Почти все эти дома находились в центральном районе города и принадлежали обеспеченным горожанам. На окраинах тенденция, скорее всего, была обратной. Тем не менее, заметно движение в сторону преобладания двух- и более этажных зданий. Это выразилось также в надстройке второго и даже третьего этажа на существующие здания¹⁰.

К концу XIX в. двухэтажные дома строили себе представители всех городских сословий. Купцы и чиновники имели почти исключительно двух- и трёхэтажные дома. В домах состоятельных горожан часто строили мезонины. У мещан также отмечено больше двухэтажных домов, чем одноэтажных¹¹. Тенденция к росту числа этажей в Перми видна в домах представителей всех основных социальных групп.

В массовой городской застройке были представлены виды срубов, известные в традиционном бревенчатом жилище русских. Трёхкамерные дома в середине XIX в. встречались преимущественно среди слоёв средней обеспеченности. В жилище разных категорий горожан был представлен и пятистенки – в качестве основного или дополнительного жилища, или подсобного помещения¹². Рабочие и другие малообеспеченные горожане строили дом с прирубом. В Перми одновременно существовали двухкамерные, трёхкамерные и многокамерные дома у определённых слоёв городского населения¹³. Функциональное дробление жилой площади в городских домах привели к постепенной утрате традиционных признаков.

Внутренняя планировка домов простых жителей Перми была традиционной северно-среднерусской, либо близкой к ней. В пределах помещения, в котором находилась русская печь, сохранялась традиционная планировка. Особенно это было характерно для домов малообеспеченных горожан. С развитием городского образа жизни массовое распространение в городах приобретали сложные многокомнатные дома. Стали выделять комнаты однофункционального назначения, утеплять сени, становившиеся частью жилой площади¹⁴. Эти перемены быстрее протекали в быту горожан с более высоким социальным статусом и материальным положением. Развитие домов с усложнённой планировкой было связано с условиями городской жизни, более совершенным строительством, сложным социальным составом городского населения, предъявлявшим к жилищу различные требования.

Мы можем представить внутреннюю планировку дома, характерного для состоятельных дворян, чиновников и купцов, которые стремились им подражать, на примере двухэтажного дома на углу улиц Петропавловской и Верхотурской, принадлежавшего купцу А. И. Моисеенко. В нижнем, подвальном этаже размещалась кухня, перед кухней сени и комнаты с подтопками. Здесь также размещались кладовая и прачечная. В бельэтаже находилось парадное крыльцо с галерей, тёплые сени и прихожая. Далее располагались комнаты хозяев: зал, гостиная, кабинет, чайная, столовая, спальня. Затем попадали в лакейскую и коридор, из которого шла лестница в подвальный этаж и в мезонин. В мезонине размещалась прихожая и две комнаты¹⁵. Это пример двухэтажного дома с большим количеством комнат различного назначения, разделением помещений на хозяйские и предназначенные для прислуги, которые принадлежали состоятельным горожанам.

В Перми, как и в других городах, имелся свободный квартирный фонд, находившийся в постоянном обращении. Сдавали жилую площадь разные социальные слои городского населения. Снимали чаще всего чиновники, интеллигенция, офицеры, крестьяне-отходники. Обычно квартиры служащих состояли из прихожей, гостиной, столовой, кабинета, спальни, детской и кухни. В квартире имелись сени, чулан, 3-4 печи¹⁶. Спрос на квартиры в городах определил новую линию развития связевого жилища, превратившегося в дом на 2 квартиры. Такие дома обычно строили чиновники.

Чётко различались размеры домов в зависимости от социальной принадлежности владельцев. Самые большие дома имели купцы – от 127 до 544 м². Чуть меньшие дома строили чиновники – в среднем 227 м². Наибольшее разнообразие размеров домов встречается у мещан – от 41 м² до 448 м². в силу разного материального положения. В целом, размер дома определялся возможностями и вкусами владельца, отражавшими его социальное положение. Также различалось и число комнат в домах. Наибольшее число комнат было в домах чиновников – 12-15. Это свидетельствует о наибольшем разграничении назначения комнат и наличии в домах квартир, сдаваемых внаём. В домах купцов, которые тяготели к традиционной планировке, выделялось 4-6 комнат. Другие, стремясь подражать чиновникам, устраивали в доме до 14-15 комнат. В жилище мещан, чаще всего, не встречалось более 4 комнат¹⁷.

В домах горожан размещалось от одной до трёх кухонь. В жилище мещан встречались только русские печи. На кухнях они устанавливались с плитой. В домах чиновников и купцов использовали несколько видов печей. На кухнях – также русские – от одной до четырёх. На каждом этаже устанавливали голландские печи – от двух до девяти. Иногда встречались каминные. В нескольких зданиях отмечены духовые печи, от которых были проведены каналы в стенах для обогрева помещения.

Отличалось число окон в домах разных категорий горожан. На улицу и во двор выходили от 3 до 6-9 окон. В домах купцов встречалось от 12 до 50 окон. В домах чиновников – 20-30. Менее всего окон отмечено в домах мещан в среднем 4-12, в некоторых домах было больше. В домах купцов и чиновников использовались два вида окон. В парадных и жилых хозяйских комнатах стояли тщательно оштукатуренные окна. Красили их чаще всего белой или коричневой масляной краской. В них устанавливали зеркальные стёкла, использовали медную или железную лакированную фурнитуру. В подсобных помещениях и комнатах прислуги использовали простые окна с железной фурнитурой. Их обычно красили «мелом на клею». Все окна имели двойные (летние и зимние) рамы. В домах мещан, за редким исключением, устанавливались только простые окна¹⁸.

В жилище купцов и чиновников находилось до 20-30 дверей. Они отличались по назначению и изготовлению. Входные двери могли быть как простыми, так и парадными. В хозяйских помещениях стояли двери «столлярной работы» с медной фурнитурой. Они могли быть «однопотенными» и двухстворчатыми, полустеклянными и глухими, гладкими и филеичатыми. Двери красили белой или коричневой краской. В подсобных помещениях и комнатах прислуги устанавливали двери «плотницкой работы» с железной фурнитурой. В домах мещан, скорее всего, находились простые двери. Полы в домах обычно делали деревянными двойными. Чаще всего их красили жёлтой масляной краской. В парадных комнатах стелили паркет. Стены в них были оштукатурены и окрашены масляной краской или оклеены обоями. В прихожих, подсобных помещениях, кухне стены белили «мелом на клею». Потолки и карнизы во всех комнатах штукатурили и красили белой масляной краской, в кухне и прихожей белили. Стены и потолки в домах мещан обычно не штукатурили¹⁹.

Качество городское многокомнатное жилище со сложной планировкой во второй половине XIX в. было разнообразно. Его качество, размеры, использованные материалы определялись социальной принадлежностью и материальными возможностями владельца.

Во второй половине XIX в. происходили качественные изменения в жилище, принадлежавшем представителям разных социальных слоёв. Купцы имели большие двухэтажные, чаще всего каменные, дома, хорошо отделанные внутри. Чиновникам принадлежали одно-двухэтажные дома преимущественно полукаменные с большим количеством комнат, предназначенных для сдачи в наём. Дома мещан различались в зависимости от достатка хозяина. Наиболее состоятельные подражали купцам и чиновникам, а бедные имели одноэтажные деревянные дома традиционной планировки.

¹ Рабинович М. Н. Очерки материальной культуры русского феодального города. – М., 1988. – С. 85.

² Будина О. Р. Шмелёва М. Н. Город и народные традиции русских. – М., 1989. – С. 74; Рабинович М. Н. Указ. соч. С. 91; Чагин Г. Н. На древней пермской земле. – Пермь, 1988. – С. 42; Соликамск: Путеводитель: Пермский край. – Пермь, 1980. – С. 128; Перескоков Л. В. Деревянная вязь Пермской истории // Пермский край: Старая Пермь (1723-1917). – Пермь, 1992. – С. 96, 98.

³ Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии. – СПб., 1813. – Ч. 3. – С. 140, 142.

⁴ Спешилова Е. Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди: 1723–1917. – Пермь, 2003. – С. 48., Чагин Г. Н. Указ. соч. С. 123, 125.

⁵ Спешилова Е. Указ. соч. С. 379, 100, 174, 263, 182.

⁶ ГАПО. Ф. 72.

⁷ Будина О. Р., Шмелёва М. Н. Указ. соч. С. 75.; Анохина Л. А., Шмелёва М. Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. – М., 1977. – С. 111; ГАПО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 114.

⁸ Спешилова Е. Указ соч.; ГАПО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3, 7, 11, 117, 152, 211, 221, 222.

⁹ Там же.

¹⁰ Спешилова Е. Указ. соч. С. 146, 256, 245.

¹¹ Спешилова Е. Указ. соч.; ГАПО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 3, 7, 11, 117, 152, 211, 221, 222.

¹² Там же. С. 145, 146.

¹³ Будина О. Р., Шмелёва М. Н. Указ. соч. С. 78, 80.; Анохина Л. А., Шмелёва М. Н. Указ. соч. С. 140-142.; Рабинович М. Н. Очерки материальной культуры... С. 97.; Спешилова Е. Старая Пермь... С. 145, 146.

¹⁴ Спешилова Е. Указ. соч. С. 14; Анохина Л. А., Шмелёва М. Н. Указ. соч. С. 143, 144.

¹⁵ ГАПО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 146. Л. 4.

¹⁶ Спешилова Е. Указ. соч. С. 133; ГАПО. Ф. 716. Оп. 1. Д. 928; Д. 364. Л. 2-4.

¹⁷ ГАПО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 146. Л. 2-4; Д. 169. Л. 41; Д. 168. Л. 6; Д. 210. Л. 2; Д. 193. Л. 2; Д. 114. Л. 5-8; Д. 123. Л. 4-6; Д. 150. Л. 27; Д. 191. Л. 2; Д. 364. Л. 76-77; Д. 1020. Л. 2-6.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

Г. Н. Плотникова, С. Н. Плотников

К ВОПРОСУ О БЫТОВОМ УКЛАДЕ ЖИТЕЛЕЙ ПЕРМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Во второй половине XIX в. российские города являлись центрами административной, судебной, военной и религиозной власти и отличались специфическим укладом общественной жизни. Губернский город Пермь был одним из них.

Процесс модернизации, начавшийся эпохой Великих реформ, способствовал формированию особого городского быта. Для него были характерны «меньшие замкнутость, догматичность, традиционность, связь с природой и ее циклами, чем для сельского быта, и особая городского типа личность, отличающаяся большей подвижностью, инициативой, предприимчивостью, кругозором, грамотностью и – что особенно существенно – индивидуализмом сравнительно с крестьянином»¹. Ослабление традиционного и формирование нового менталитета происходили стихийно, под влиянием новых условий жизни. Правительство и образованное пермское общество намеренно принимали ряд мер для того, чтобы изменить традиционное мировоззрение горожан. В Перми создавались клубы, читальни, народные библиотеки, проводились музыкальные вечера. Еще в период подготовки отмены крепостного права, на рубеже 1850—1860-х гг., Д. Д. Смышляев и учитель гимназии Н. А. Фирсов «устроили в зале благородного собрания 11 литературно-

музыкальных вечеров, привлекавших, за отсутствием других развлечений, значительное стечение публики»². Однако изменения происходили крайне медленно, в первую очередь, вследствие инерции, свойственной всем традиционным сакральным образцам и установкам сознания. К тому же традиционный менталитет активно поддерживали представители русской интеллигенции, резко критиковавшие буржуазную мораль и систему ценностей, отрицательно относившиеся к русской буржуазии (А. Н. Островский, Н. А. Добролюбов и др.).

По воспоминаниям пермского краеведа В. С. Верхоланцева и в пореформенный период в Перми «почти во всех домах строго соблюдались посты ... Зимой по праздникам происходили катания пермских граждан по Сибирской улице ... Кататься сюда приезжали не только обыватели Перми, но и Мотовилихи и окрестных сел и деревень, например, Верхних Муллово. Катались тогда на тройках, обычно приготовляемых ямщиками-татарами. ... Парни и молодые мужчины по праздникам устраивали кулачные бои, которые обычно происходили на Горках. Такие же бои устраивали гимназисты с семинаристами и ученики городских училищ между собою. ... Особенно многолюдные гулянья летом устраивались в Троицын, Петров и Ильин дни»³.

Существенно не менялась и материальная культура горожан. Как отмечает тот же В. С. Верхоланцев, «большинство домов в городе были деревянные и одноэтажные, только казенные здания были выкрашены большей частью в желтую краску. Почти у каждого дома был садик. Улицы были не мощены до восьмидесятых годов XIX в., и в осенние дни обыватели тонули в грязи ... До конца шестидесятых годов не было никакого освещения, и город в темные осенние вечера тонул во мраке. На ночь каждый обыватель спускал с цепи собаку, и малейшее движение в городе вызывало неистовый собачий лай. Кроме того, стаи уличных собак преследовали всякого нарушителя общественной тишины. В силу этих обстоятельств редкий из обывателей рисковал появляться ночью на улицах. Летом по городу носились столбы пыли. ... Площади и некоторые улицы города были покрыты травой, которую мирно пощипывали бродившие по городу в изобилии козы ... Как и во всяком провинциальном городе, в Перми большую роль играли сплетни. Жизнь каждого обывателя была на виду, и в случае уклонения от известного шаблона подвергалась бесконечным пересудам. Боясь злых языков, все старались до мелочей подражать другим, и потому жизнь была однообразна и скучна»⁴.

Аналогичную картину в апреле 1870 г. нарисовал корреспондент «Пермских губернских ведомостей» из Екатеринбургa. В частности, он писал: «Общественная жизнь русских захолустий до того бедна разнообразием, до того апатична и сонлива, что всякое даже маловажное явление,

возбуждающее общество к деятельности, к жизни, просто клад для него. В особенности окраины, куда еще не заползли новейшие реформы, страдают скукой и в течение суровых зим впадают в состояние, немногим отличающееся от зимней спячки»⁵. Другой корреспондент размышлял на эту же тему следующим образом: «Мы вообще не торопимся жить, не особенно прытки к делу, более склонны ждать, чтобы дело само двигалось, когда оно задевает наши интересы не особенно чувствительно. Мы продолжаем жить, как живали в старину наши деды и отцы; продолжаем задавать балы, вечера, слушать музыку, танцевать, играть в карты по большой и маленькой, – чего же больше! А дело? Дело не медведь, в лес не убежит»⁶.

Корреспондент А. Коровин заключил: «Всякому известны упорство и недоверие народа ко всему новому, небывалому, что им не видано и не испытано»⁷.

Пожалуй, особой субкультурой, светской по своему существу, и специфическим менталитетом обладало только образованное общество, включавшее главным образом дворянство и разночинную интеллигенцию. Они отличались от простого народа как в социальном, так и в культурном отношении, но были немногочисленны и не могли существенно повлиять на бытовой уклад большинства пермяков.

¹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.). – Т. 1. – СПб., 2000. – С. 310.

² Дмитриев А. А. Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 г. с приложением летописи города Перми с 1845 до 1890 г.: Первый опыт краткого изложения истории Перми. – Пермь, 1889. – С. 253-254.

³ Верхоланцев В. С. Город Пермь, его прошлое и настоящее. – Пермь, 1994. – С. 170-172.

⁴ Там же. С. 172-174.

⁵ ПГВ. 1870. № 35.

⁶ Там же. № 13.

⁷ Там же. № 22.

Т. Н. Масальцева

У ИСТОКОВ СИБИРСКОЙ

Сибирская улица своим названием обязана дальнему суровому краю, спрятавшемуся за Уральскими горами. Как легко представить себе бредущих Сибирским трактом переселенцев; тянущиеся без конца телеги с товарами, повозки с проезжающими, возки с арестантами и пешие их колонны, бредущие по мостовой.

Но Сибирской улица звалась не только потому, что была частью великой «Дороги узников». Везли по ней товары и сырье из Зауралья на российские ярмарки, да и на самой Сибирской многие купеческие лавки торговали сибирскими товарами, в частности, «сибирскими валенками». Настоящим торговым центром города становится Сибирская накануне пожара 1842 года, опустошившего исторический центр – Егошиху. Еще неизвестно, стала бы прорубающаяся в густом еловом лесу просека, по которой с 1780 г. проходил путь в Сибирь, «собственно городом», «Невским проспектом Перми», если бы не купцы, облюбовавшие места для своих лавок на будущей торговой площади у самого начала новой улицы, да не примкнувший к купцам вскоре губернатор, пожелавший переместить свою резиденцию на новую улицу. Теперь город рос не только вдоль Камы, но в и юго-восточном направлении, вдоль Сибирского тракта.

Прогулка по Сибирской поможет ощутить себя в самом сердце старой Перми, представить себя путешественником, впервые попавшим на Урал: Сибирская в начале XIX в. «соединяла Европу и Азию», упираясь одним концом в причалы на Каме, вторым переходя в Сибирский путь. Если встать в самом ее начале, то можно увидеть, какая она прямая, «чрезвычайно правильная», точно соответствующая стандартному плану генеральной застройки губернского города, в свое время одобренного Екатериной II. Сибирская начиналась с маленького скверика на берегу Камы – когда-то излюбленном месте прогулок пермских жителей, любовавшихся оттуда видом на Каму, пристани, пароходы... Бывший сквер Багратиона, позже Решетникова (по одной версии – Федора Михайловича, писателя, по другой – Василия Ивановича, революционера), в просторечии назывался Набережным садом или Козьим загонем. Именем Багратиона Загон назвали в честь приезда в Пермь племянника героя войны 1812 года, но название не прижилось. А вот к слову «Загон» в обиходе пермяков неожиданно добавилось слово «козий», шокируя приезжих. Простодушный же пермский обыватель с удовольствием объяснял путешественнику В. И. Немировичу-Данченко, что загон Козий оттого, что «мы супружниц наших сюда для прохлады по вечерам загоняем».

Поразительно, как много знаменитостей успело побывать в Козьем загоне, совершить променад между молодыми липами под звуки летнего оркестра. Здесь сживал на скамейке изгнанный в Пермь М. М. Сперанский, третируемый пермской публикой по наущению зловредной супруги тогдашнего губернатора. В. Г. Короленко в Загоне тайно встречался со ссыльными, потому что в толпе гуляющих они не привлекали к себе особого внимания. Несчастливого Решетникова якобы отпугнула цена входного билета в загон (вход был платным), тогда Решетников

спросил себе с досады рюмку водки и пошел прочь. Привлеченный ярким освещением и шумом гуляющей в Загоне публики, А. П. Чехов тоже, согласно пермскому анекдоту, вознамерился его посетить. Писателю в его желании было отказано, потому что в своем пропыленном дорожном сюртуке он не соответствовал разодетой «чистой» публике, фланирующей в Загоне. Обиженный Чехов решил посетить... публичный дом, где ему и в таком виде будут рады.

Угловое здание (Сибирская, 1), выходящее окнами на Каму и Загон, как и следующее за ним здание, принадлежало когда-то купчихе Кашиной, владелице одной из лучших в городе бань. Здание она сдавала под лавочку колониальных товаров и под «Малороссийские номера». Рассказывают, что уже после революции в этом доме проживала одна из певиц оперного театра, которая по утрам распевалась так звонко, что было слышно всем проходящим мимо дома.

Напротив расположился «дом Вердеревского» (Сибирская, 2) – здание пермского филиала «Транскапиталбанка», замечательно отреставрированный дом с изящными балкончиками, отделанными резьбой, принадлежащий когда-то председателю Пермской казенной палаты, дяде поэта Евгения Вердеревского, воспевшего Пермь в книге «От Зауралья до Закавказья». Дядюшка поэта был человеком весьма предприимчивым и организовал в доме трактир «Славянский базар» «с арфистками и прочими увеселениями публики». И с легкой руки Вердеревского, начиная со времен трактира «Славянский базар», в здании всегда были гостиничные (Центральные) номера и рестораны, даже после революции здесь размещались гостиница «Уральская» и ресторан «Заря». В гостинице остановился было Маяковский в 1928 году, но, возмущенный отсутствием бильярда, перебрался на следующее утро чуть дальше, в Королёвские номера на Сибирской, довольно дешёвую и удобную по тем временам гостиницу. Поэт занимал комнату под № 13.

Г. Н. Плотникова, С. Н. Плотников

ПЕРМСКИЕ ДОМА В ТРУДАХ А. А. ДМИТРИЕВА И В. С. ВЕРХОЛАНЦЕВА

А. А. Дмитриев и В. С. Верховланцев – известные пермские историки-краеведы второй половины XIX – начала XX вв. Одним из объектов их внимания был пермский дом.

В. С. Верховланцев в своей книге «Город Пермь, его прошлое и настоящее», изданной в 1913 г., описывал «жилища» горожан следующим образом: «Дома небогатых пермяков обыкновенно устраивались

из двух комнат – чистой «горницы» и черной избы, соединенных между собою длинными сенями из стоячих досок, в которых устраивались чуланы (кладовые) для хранения домашнего скарба. Наиболее же зажиточные строили двухэтажный дом, при этом весь дом занимался самим домовладельцем. Вверху жил хозяин с семьей, а внизу были кухня, жилище прислуги и кладовые. К дому в этих случаях пристраивалось высокое крыльцо. ... Передняя часть дома состояла из зала и столовой, далее шел коридор, по обеим сторонам которого находились кабинет, спальня, детская, а в самом конце дома кухня с чуланами. ... При доме на обширной усадьбе устраивались амбары, погреба, конюшни, каретник, баня, иногда прачечная и сушильня для белья. При каждом почти доме насаждался садик, в котором строили беседку или просто стол со скамьями. У некоторых домов вверху устраивались антресоли (мезонин). Внутри дома в переднем углу каждой комнаты было по одной или несколько икон, иногда в серебряных окладах и киотах. ... На окнах стояли комнатные растения. ... В зале между окнами висели тяжелые зеркала, большею частью в рамках из красного дерева, а также портреты и картины. В зале же или гостиной обыкновенно стоял длинный широкий мягкий диван и кресла с деревянными спинками и мягкими подушками. Столы покрывались вязаными скатертями, обычно сделанными хозяйкою дома. В столовой стоял буфет, в верхней части которого были стеклянные дверцы, через которые можно было видеть фарфоровую и стеклянную посуду. Пол для чистоты и теплоты покрывали коврами или кошмами (войлоками), а коридоры и лестницы холстяною тропинкою. Комнаты освещались сальными свечами, при этом для съема нагара при подсвечниках лежали съемы, вроде ножниц. Впоследствии сальные свечи были заменены стеариновыми»¹.

Как видно из отрывка, автор наиболее обстоятельно остановился на описании внутреннего и внешнего убранства домов зажиточных пермяков. Это объясняется их особенной привлекательностью. При этом В. С. Верховланцев попытался выделить наиболее типичные черты убранства данного типа домов, обратив внимание на функциональные особенности их различных частей.

А. А. Дмитриев отметил изменение облика Перми после известного пожара, который произошел в «черный понедельник» 14 сентября 1842 г. Этот пожар уничтожил почти половину домов города. Автор использовал юношеские воспоминания Д. Д. Смышляева, очевидца трагического события. А. А. Дмитриев писал, что при тушении дома Д. Е. Смышляева солдаты пожарной охраны «безобразничали и пьянствовали», в результате чего подверглись опасности сгореть вместе с домом. В результате пожара «в доме Д. Е. Смышляева погибла довольно богатая библиотека, в которой было немало библиографических редкостей, ори-

гинальных старинных рукописей и любопытнейшая переписка домовладельца с графом М. М. Сперанским. ... Кроме библиотеки в доме Д. Е. Смышляева сгорел большой минералогический кабинет. Не меньше научных сокровищ погибло в соседнем доме губернской гимназии: почти вся старинная фундаментальная библиотека, также обладавшая многими книжными редкостями, физический и минералогический кабинеты»². По данным А. А. Дмитриева при пожаре сгорело 300 домов³. Автор констатировал, что «пожар 1842 года истребил лучшую и главнейшую часть города Перми. Сгорели все старейшие дома на Петропавловской площади и улице – эти памятники времен наместничества. ... С тех пор средоточие, центр городской жизни, с восточного конца Петропавловской (некогда Дворянской) улицы переместился на Сибирскую улицу...»⁴ По его мнению, «1842 год в истории Перми составляет целую эпоху. Переворот, произведенный пожаром, был так силен, что новая Пермь совсем стала не похожа на старую времен Екатерины II и Александра I. Пожар 42 года доселе составляет для пермских жителей свою местную эру, с которой считают годы, говоря: «через столько-то лет после пожара» (а не после открытия города)»⁵.

А. А. Дмитриев сообщил интересные подробности и о некоторых других пермских домах. По его сведениям, на месте здания губернской земской управы (ныне корпус факультета иностранных языков ПГПУ) в начале XIX века «стоял дом архитектора горного ведомства Свиязева. В этом небольшом доме, при въезде в город, переодевался император Александр I. В 1828 г. на месте домика Свиязева сооружены, по мысли губернатора Тюфяева, обширные деревянные здания для училища детей канцелярских служителей, которое и помещалось здесь за все время своего существования с 1829 по 1852 год. После этого в этих домах помещались разные присутственные места, а потом солдаты местного батальона. В сентябре 1870 г. приказ общественного призрения передал эти здания в самом жалком виде губернскому земству, которое заново перестроило их и поместило здесь с 1872 г. губернскую земскую управу»⁶. А. А. Дмитриев также отметил, что «на Торговой улице, против нынешнего здания железнодорожного училища, стояли до пожара два каменных дома: почтовой конторы и удельной конторы»⁷. Автор указал, что оставшийся после пожара каркас дома почтовой конторы был продан Д. Е. Смышляеву. А. А. Дмитриев сообщил, что «в 1864 году стоящий против гимназии дом бывшего городского головы Д. Е. Смышляева был приобретен городским обществом в свою собственность, и здесь поместилась городская Дума ... Смышляев купил этот дом перед самым пожаром, в 1842 году у наследников Ивана Романовича Жмаева»⁸.

Таким образом, труды известных историков-краеведов В. С. Верховланцева и А. А. Дмитриева создают уникальную возможность просле-

дить историю, охарактеризовать внутреннее и внешнее убранство, а также выявить типичные черты и особенности отдельных пермских домов, сформировать о них более полное и яркое представление.

¹ *Верхоланцев В. С.* Город Пермь, его прошлое и настоящее. – Пермь, 1994. – С. 168-169.

² *Дмитриев А. А.* Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 г. с приложением летописи города Перми с 1845 до 1890 г.: Первый опыт краткого изложения истории Перми. – Пермь, 1889. – С. 214.

³ Там же. С. 216.

⁴ Там же. С. 217.

⁵ Там же. С. 223-224.

⁶ Там же. С. 220.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 218-220.

Л. В. Перескоков

СОЦГОРОДОК РАБОЧИЙ ПОСЕЛОК

Первой большой градостроительной работой в Перми следует считать проектирование архитектором С. Е. Чернышевым в середине 1920-х гг. социалистического городка в Мотовилихинском районе (Рабочий поселок). Поселок строили около промышленных предприятий. Сложный рельеф участка и ветровой режим требовали разместить жилье в достаточном, по санитарным условиям, удалении от заводов. Необходимо было отделать его и от района дореволюционной застройки. Выбор пал на сравнительно ровный участок вблизи деревни Горы, расположенный вдоль магистрали, идущей в центр города.

Рабочий поселок – принципиально новый по тому времени планировочный организм. Основу жилой застройки составили кварталы благоустроенных многоэтажных кирпичных домов с квартирами большой площади. По конструктивной схеме – это здания с продольными несущими стенами, что позволило создать жилые пространства из двух типов квартир со сквозным проветриванием. При проектировании были учтены ориентации квартир, облучение их солнцем, проветривание внутриквартирных пространств. Вместе с жильем возводились обслуживающие предприятия: фабрика-кухня, гостиница, баня, больница, гараж.

К проектированию отдельных зданий города были привлечены крупные советские специалисты. Так, архитектор П. А. Голосов выполнил проект Дома техники. Здание выстроено в стиле конструктивизма. Учебный корпус (техникум), кабинеты, выставочные и лекционные помещения, их внутреннее оборудование определили функциональное постро-

ение плана. Здание развернуто на узком, вытянутом вдоль улицы участке. Четкое функциональное деление плана на зоны и форма участка predetermined решение внешнего облика Дома техники в виде двух монолитов, сдвинутых относительно друг друга. Это придало зданию объемность, которую еще более подчеркивало северное крыло, пристроенное перпендикулярно к улице. Чередование глухих плоскостей с ритмично повторяющимися вертикальными плоскостями стекла (лестничные клетки) и ровными горизонтальными рядами широких окон придают фасаду динамичный характер. Вход подчеркнут широкой лестницей и глухими парапетами на крыше. Длинные балконы, которые можно использовать как трибуны, выявляют общественный характер Дома техники. Здание выполнено из кирпича с частичным использованием монолитного железобетона (перекрытия, внутренние опоры). В этом здании в годы Великой Отечественной войны было место постоянного присутствия членов советского правительства, курирующих поставки артиллерийского вооружения на фронт.

В начале 1930-х гг. Уралоблисполком распространил в качестве официальной инструкции документ «Главнейшие черты индустриального города на Урале». В период, когда еще не существовало официальных градостроительных норм и правил, этот документ был первой попыткой (в пределах Уральской области) регулирования планировки и застройки городов с учетом требований, выдвинутых программой партии и местными условиями. В инструкции говорилось, что расположение промышленных предприятий должно быть важным пунктом при создании города. Селитебная территория, ее размещение диктуются местоположением промышленной зоны. Но при этом расположение поселка, необходимые условия жизни и отдыха трудящихся не должны быть принесены в жертву производственным соображениям. Иначе говоря, инструкция требовала выбора оптимальных условий размещения как промышленности, так и жилого поселка или города.

Первые двухэтажные деревянные дома в Рабочем поселке будущего соцгородка появились в 1927 г. Однако уже на следующий год началось строительство четырехэтажных каменных жилых домов с большими коммунальными квартирами и маленькой кухней на несколько семей. Кухонные плиты работали на дровах, но в целом отопление и водоснабжение жилых домов было уже централизовано.

В 1920-х – 1930-х гг. на карте Рабочего поселка появляются важнейшие градообразующие и социальные объекты, ставшие замечательными памятниками архитектуры конструктивизма: Дом техники, ныне политехнический колледж имени Н. Г. Славянова (проект П. А. Голосова, 1927—1937 гг.), здание фабрики-кухни (известное как ресторан «Горный хрусталь»), здание поликлиники (ул. Лебедева, 11), здание гостиницы «Металлург», большой жилой «Дом специалистов». В ранее застроен-

ной заивинской части на углу улиц Уральской и Ивановской строится Дом связи, здание, где сейчас располагается администрация Мотовилихинского района, деревянное здание цирка, располагавшееся по ул. Уральской на территории старого кладбища (сгорело около 1942 г.).

Здание фабрики-кухни располагается по ул. Уральской, 85, на противоположной стороне от Дома техники. (В настоящее время идет капитальная реконструкция.)

Парадный ансамбль Рабочего поселка довоенной поры завершает жилой Дом специалистов. Он также состоял из больших квартир коммунального проживания. Однако качество отделки как внутренней, так и наружной значительно выше. Кирпичное, достаточно длинное здание оштукатурено. Чтобы разнообразить продольные фасады весь объем здания симметрично разделен на три части. Боковые четырехэтажные крылья фланкируют центральную пятиэтажную часть. Сохраняется характерная для Мотовилихинских конструктивистских построек ритмика и масштабность оконных проемов. Дом специалистов располагается под углом к «красной линии», открывая тем самым площадку для сквера, который тянется вдоль улицы Уральской от старой застройки до улицы Землячки.

Интересным примером конструктивизма является здание поликлиники по ул. Лебедева. Оно состоит из трех трехэтажных монолитных объемов: главного, расположенного вдоль ул. Лебедева, и двух перпендикулярных, уходящих вглубь квартала и выступающих на главном фасаде небольшими полукруглыми ризалитами, в которых располагаются лестничные марши. В результате организована простая и строгая, достаточно выразительная композиция.

Здание гостиницы «Металлург» четырехэтажное, но выделяющееся по высоте среди соседних жилых домов, организует перекресток улиц Индустриализации и Лебедева. Объект словно состоит из двух соприкасающихся объемов, в результате чего на углу возник уступ главного входа. Балконы как связки соединяют взаимно перпендикулярные блоки. На первом этаже крыла по ул. Лебедева работал ресторан гостиницы. После реконструкции 1980-х гг. здание несколько изменило свой облик.

Трехэтажное объемное здание Дома связи (ул. Уральская, 36), появившееся среди старой заивинской деревянной застройки, внесло сильный диссонанс в сложившуюся жилую среду. Это было не просто веяние нового времени, а активное наступление революционной эпохи. Показателен тот факт, что с разрушением Никольской церкви, находившейся на противоположном по диагонали перекрестка углу, началось строительство Дома связи.

В объемно-пространственном решении Дома связи применены характерные для конструктивизма приемы. Динамичность композиции придается рассечением основного монолита здания плоскостью сравнительно

узкого объема лестничных маршей, выступающего на главном фасаде. Выразительность фасадам придает также карниз, разделяющий второй и третий этажи и опирающийся на вертикали тонких пилястр.

Значительным событием в жизни Мотовилихи стало открытие нового терапевтического корпуса больничного городка на улице Грачева. Это большое и сложное в плане здание имело важное значение для всей теоретической концепции соцгородка.

Для полноты картины социалистических преобразований в Рабочем поселке в дореволюционный период отметим постройку профессионального технического училища № 3 (ФЗО) на ул. Р. Землячки, д. 11, и общежития на ул. Уральской рядом с нынешним цирком. Эти здания также прекрасно отражают эпоху. Примечательно то, что они (как и Дом специалистов) не ориентированы на улицу Уральскую. Дело в том, что первоначально план застройки имел другую сетку улиц и главных магистралей. Однако утвердился тот вариант, который исторически сложился. Главной градообразующей и транспортной магистралью осталась улица Уральская. Вероятно, это решение было принято в связи с тем, что ее роль как основной транспортной линии с центром города только возрастала. В июне 1926 г. в Перми появились автобусы. И первый автобусный маршрут связал Мотовилиху со станцией Пермь II. В день 12-ой годовщины Октября была сдана в эксплуатацию первая трамвайная линия, которая пролегла от Базарной (ныне Восстания) площади в Мотовилихе до Красноуфимской улицы (сейчас Куйбышева). Уже в те годы обозначились остановки общественного транспорта: нынешние «Цирк», «Р. Землячки», «ДК им. Ленина».

Вопрос слияния Мотовилихи с Пермью становился все более и более актуальным. И такое решение в 1927 г. постановлением ВЦИК РСФСР было принято. Однако в 1931 г. постановлением Уральского исполкома Мотовилиха была вновь отделена от Перми. И только с образованием 3 октября 1938 г. Пермской области с центром в Перми Мотовилиха окончательно становится районом города.

Рост промышленного и культурного потенциала города требовал кардинального осуществления генплана Перми и промышленного района. Поэтому в 1931 г. горисполком заключил с Ленинградским институтом проектирования городов (Ленгипрогор) договор о проекте районной планировки. В этой работе должны были получить решение вопросы экономического профиля промышленного узла. Предстояло определить его границы, выявить внутренние и внешние экономические связи, продумать трассировку дорог и характер городского транспорта.

Работу выполняла группа специалистов во главе с профессором Л. А. Ильиным. Изыскания и исследования на месте вел известный швейцарский архитектор Ханнес Майер, один из основателей прогрессивной архи-

тектурной школы «Баухауз» (Германия). В 1930 г. профашистски настроенный магистрат города Дессау уволил профессора Майера за «марксистский метод преподавания». В ответ на это группа архитекторов «Баухауза» во главе с Ханнесом Майером выехала в Советский Союз.

Были тщательно проанализированы транспортные связи, энергетические и сырьевые ресурсы промышленного узла (лес, металл, фосфориты, уголь, химия, деревообработка, бумага), источники водоснабжения, рельеф и пригородные ландшафты, возможности строительной индустрии. Глубокое изучение экономических особенностей Пермского промышленного центра, роста и состава населения, потребности в рабочих и служащих дало возможность предположить, что наиболее вероятное количество жителей будущего города составит миллион человек, а это, в свою очередь, повлечет значительное увеличение (до 82 тысяч га) территории города.

Второй проект, выполненный профессором Майером, – «Соцгород Горки» с населением около 5 тысяч человек.

Итак, выявив наиболее значительные события довоенного периода в развитии микрорайона Рабочий поселок, можно сказать, что в 1920—1930-е годы здесь сформировался цельный архитектурный ансамбль в стиле конструктивизма, протянувшийся от улицы Хрустальной до Дома специалистов (ул. Уральская, 87) и от улицы Уральской до улицы КИМ (которая, однако, не сформировалась). Основу поселка составили жилые дома с коммунальным проживанием. Наиболее значительными градостроительными объектами, составившими ядро ансамбля соцгородка, стали здания Дома техники, фабрики-кухни и жилого Дома специалистов.

Источники и литература:

1. Архитекторы и архитектурные памятники Пермского Прикамья: Краткий энцикл. словарь. – Пермь, 2003.
2. Государственные списки памятников истории и культуры Пермской области. – Пермь, 2001.
3. Пермь от основания до наших дней: Исторический очерк. – Пермь, 2000.
4. Терёхин А. С. Пермь: Очерк архитектуры. – Пермь, 1980.
5. Машиностроительный завод им. В. И. Ленина: Буклет к 250-летию со дня пуска Мотовилихинского завода / Автор-сост. Л. Перескоков. – Пермь, 1988.
6. Слово о Мотовилихе: Годы. События. Люди. – Пермь, 1974.
7. Семянинов В. В. Микрорайоны города Перми. – Пермь, 2008.
8. ГАПО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 705; Ф. р-1043. Оп. 1. Д. 611, 612, 622, 623; Ф. р-1043. Оп. 2. Д. 1130а.

ПРОГУЛКА ПО ГОРОДСКИМ ГОРКАМ

Покажите приезжему человеку подробную карту Перми, и попросите найти центр города. Скорее всего, он укажет на Городские Горки. Это место, где Пермь в разные времена начиналась и заканчивалась; место, связавшее два мира: патриархальный губернский город и бунтарскую Мотовилиху; место, которому на роду было написано стать центром Перми. Прогуляемся по этому микрорайону, заглянем в его потаенные уголки, приоткроем завесы легенд и слухов.

Начнем прогулку на старом трамвайном мостике в Разгуляе. Мост вообще – место особое, соединяющее несоединимые доселе пространства. Завершим путешествие на мосту «Средняя дамба», неподалеку от трамплинного комплекса, где панорама города открывает свой лучший вид – это хорошее место для беседы с городом.

Ну что ж, делаем первый шаг навстречу истории.

Трамвайный мостик в Разгуляе

Можно не знать многого о Перми, но о том, что история города начинается в Разгуляе, знает, пожалуй, каждый пермяк.

Мы с вами – на старом трамвайном мостике, связавшем однажды Мотовилиху с Пермью и навсегда сделавшем их частью одного большого городского организма. Если встать лицом к Мотовилихе, то можно увидеть место, которому народная молва и документальные источники приписывают сакральный смысл. Говорят, что однажды октябрьским днем, за несколько лет до строительства Егошихинского завода, крестьянину деревни Горки явился святой Евстафий Плакида. Святой мученик простер свою руку вдаль и указал в сторону Разгуляя, предсказав, что в будущем это место будет обитаемо и заселено. В память об этом явлении крестьянин установил деревянный столб с иконой, который после был перенесен в первый деревянный храм Перми – Собор Петра и Павла.

Вскоре всё так и случилось: на месте, указанном святым, началось строительство Егошихинского медеплавильного завода, давшего жизнь целому городу.

Обернемся ненадолго и посмотрим на Разгуляй. Откуда такое название? Большинство версий связано с любовью русского народа погулять, «разгуляться» на полную катушку. Говорят, что здесь находился один из первых питейных домов Перми; неподалеку располагались камские пристани, где пропивали свои деньги грузчики.

Некоторые исторические строения Разгуляя до сих пор несут следы былого размаха: трамвайное депо, сооруженное в 1917 г., а также двух-

этажный особняк, принадлежащий теперь фирме ритуальных услуг. Без сомнения, это самое красивое строение на бывшей Разгуляевской площади. Его нынешнее мрачноватое предназначение чуть приглушает картину «веселящегося» разгуляйского прошлого – но, как это ни странно, подобная близость смерти у колыбели города не производит угнетающего впечатления: даже сейчас, попадая в Разгуляй, вы окунаетесь в неторопливую патриархальную атмосферу старого города, чей уютный жизненный круговорот не боится смерти.

Кстати, это едва ли не единственное здание в округе, работающее в бесконечные новогодние и майские праздники. Работает еще, пожалуй, в доме напротив, пункт приема стеклотары и вторсырья.

Хотя, есть в этом историческом месте еще один дом, выделяющийся среди остальных. Первый от мостика, этот дом прячет от посторонних глаз с десяток лошадиных сил. Хозяев этого дома – многодетную семью – можно встретить на площадях и улицах города, и в праздники и в будни, разъезжающими на лошадях. Лошади, живущие в центре города в XXI в. – это может быть, наверное, только в Разгуляе! Хотя, опять же, век назад этим никого было не удивить. Как свидетельствует живший где-то в этом местечке пермский поэт Сергей Ильин, «Когда наступит месяц май, / Семейю свою переселяй / Ко мне в здоровый Разгуляй. <...> На площадях трава растет, / Пастух коровушек пасет; / Индюшки, гуси, свиньи, куры – / Здесь неперменные фигуры...»

Однако пора двигаться в сторону Городских горок. Пройдемся по самому мосту. Заметим, что он достаточно узок, может вместить лишь двух человек, идущих навстречу друг другу. Непонятным становится определение его как трамвайного. Но! Если присмотреться, то мы поймем, что громоздкие коммуникационные трубы положены прямо на ветхие трамвайные рельсы. Мост этот был сооружен по проекту инженера Н. Г. Слаутина ещё в 1925 г. А через год по нему началось движение первого автобусного маршрута: Пермь II – Мотовилиха. Движение было односторонним. Ну а в 1929 году – это было событием! – пущен первый трамвай. Он соединил Базарную площадь Мотовилихи (площадь Восстания) с ул. Красноуфимской (Куйбышева). Пуск был приурочен к годовщине Октября. В Перми и Мотовилихе прошли митинги, после которых первые трамваи, украшенные флагами и транспарантами, повезли на праздник в Пермь ветеранов революции.

Сегодня трамвайный мост служит пешеходам, по-прежнему сокращая расстояние между двумя районами города. Весной и летом на нем можно встретить ребят-альпинистов, отрабатывающих свои трюки на высоте егошихинского оврага. Не дает покоя этот мост и жителям близлежащих элитных домов: они мечтают сделать его автомобильным.

Но, пока это пешеходная зона (каких в Перми немного), мы последуем по старому ходу движения трамвая, пройдемся по вымощенной

булыжниками мостовой, и, оставляя трамвай разворачиваться по кольцу, устремимся вверх по ветхой лестнице, носящей в народе название «100 ступенек». Если не полениться и сосчитать их количество, то получится как раз сто (вместе с отсутствующими).

Крестьянские горки – по берегу Камы

Взобравшись на достаточно высокую гору, с непривычки переведем дыхание. Теперь с высоты становится понятно название района. Мы стоим наверху высокого холма (у географов Пермь значит как «всхолмленная равнина»). Отсюда Пермь не назовешь равниной! Возвышаемся мы не только над тем оврагом, с которого только что любовались видом старой Перми, но и над большинством современных районов города.

Интересный вид отсюда приобретает Егошихинский лог. Он напоминает римский Колизей. Ряды заброшенных садовых участков – словно повышающиеся уступы древнего амфитеатра. Создается впечатление, что стоишь в верхнем ряду этого грандиозного сооружения, и внизу вот-вот начнутся бои.

А бои сегодня ведутся в основном у человека с природой за неплодородные участки земли и небывалую свалку на склонах «Колизея». Её чистят несколько раз в год, но размеры её почему-то не уменьшаются.

Но что-то мы застоялись на одном месте. Пора двигаться в сторону Камы. На месте современной улицы Степана Разина начинались когда-то Крестьянские горки. Дома здесь стояли по двум сторонам улицы, а сама деревня тянулась клином до высокого речного берега. Это была настоящая деревня. По дворам бегали козы и куры. А отношения людей друг к другу были по-деревенски теплыми. Двери домов никогда не закрывались, преступности в округе практически не было. По ночам от дома к дому ходили двое мужчин, и «били в колотушку». Этот стук умиротворял покой спящих: все в порядке, ничего страшного не происходит...

Незаметно мы подошли к самому обрыву над Камой. Именно здесь, вопреки общепризнанному «Разгуляевскому следу», скорее всего и начиналась история Перми. Как пишет исследователь-краевед Б. Кириллов в своей книге «Рассказы о Мотовилихе», «некогда в IX веке в устье речки Ягошихи на высоком берегу, на месте нынешней улицы Красновишерской, располагалось древнее городище ломоватовской и родановской культур – предков нынешних коми-пермяков. В археологии этот памятник известен под названием «Пермская вышка». Просуществовало оно до XV в. ... Городище явилось предшественником Брюхановского починка, названного в 1692 г. деревней Егошихой, Егошихинского завода, а затем Пермью».

О, если бы только берег здесь был не такой крутой, жизнь деревни Горки могла бы круто измениться. Дело в том, что во времена Екатери-

ны II, когда Пермь превратилась в губернский город, было задумано строительство Кафедрального собора. И изначально этот собор должен был смотреть на Каму с деревни Горки. Однако судьба распорядилась иначе, и Спасо-Преображенский собор (нынешняя Художественная галерея) возвели на горе Слудке. Так Городские Горки впервые лишились возможности стать центром губернского города Пермь.

Сегодня это – так называемый «тихий центр» города. Высота горы и вид на реку определили роль района как место для элитной застройки. Хотя, строится этот элитный комплекс (как рассказывают жители местных хрущевок) прямо на шахтах старой горной выработки. Слухи ходят разные. Людей пугает находящаяся рядом высоковольтная линия электропередачи. Пущенная не так давно в эксплуатацию башня – антенная опора, а в народе «Вышка УСИ», тоже окутана легендами: про небывалое излучение, про «заряженную воду», про то, что башня раскачивается на ветру...

Но до чего красива вышка УСИ в темное время суток! Опоясанная неоновыми огнями башня, inferнальное свечение луны, очертания раскинувшегося во тьме города – вот она, воспетая великим поэтом «ночная мифология Перми» – приобретающая слегка гламурный вид.

Впрочем, вперед, читатель, за мной!

Под куполом неба

В начале XX в. на высокой Егошихинской горе (примерно там же, где несколько веков назад явился Святой Евстафий Плакида) стоял профессор Казанского университета Слугинов, и наблюдал отсюда солнечное затмение. Говорят, что именно этот факт стал решающим при постройке здесь первого и единственного на Урале планетария.

В 1960-х гг. строительство планетария было более чем обоснованно. Первый полет человека в космос, тысячи детей, мечтающих стать космонавтами – планетарий был нужен городу. Местность выбирали с астрономической точки зрения: возвышенность с обзором на южную сторону, с которой хорошо виден небосклон.

Городская легенда гласит, а старая карта местности (чудом сохранившаяся у методиста планетария Нины Неверовой) подтверждает, что в округе задумывался парк «Городские горки». Представим на минуту, что парк был построен, и попробуем прогуляться по его аллеям. Нижняя граница его могла бы пройти там, где когда-то внизу разворачивался трамвай. Слева и справа нас окружили бы зеленые насаждения (часть из них успели посадить). Мы бы прошли мимо шикарной лестницы. Непременно бы наткнулись на солнечные часы, и вышли на планетарную астрономическую площадку, место которой сегодня занимает департамент агропромышленного комплекса и продовольствия, в народе полу-

чивший разнообразные названия: «Ступени», «Дом-лестница», «Мавзолей». Местные жители острят, называя его по-современному «Паруса над Егошихой». По каким-то неизвестным причинам (небесное ли покровительство св. Евстафия?) Агропром не достроили. Но всё же астрономической площадки парк «Городские горки» был лишен.

Перед открытием в 1968 г. планетарий посетили Леонов и Беляев – знаменитые космонавты, почетные граждане Перми. Это было целое событие для города!

А не так давно прошел слух, что здесь можно купить Звезду. Люди стали звонить и интересоваться: сколько это стоит? Пришлось делать официальные заявления: планетарий звездами не торгует. Просто активно действует программа «Звезды неба – звезды Прикамья» – об интересных людях нашего края. Это цикл вечеров-портретов, в ходе которых под куполом планетария зажигаются символические звезды творческих людей Пермского края.

И мы еще раз убеждаемся: утопические притязания Городских Горок, видящих себя центром Перми, не так уж и безосновательны. Даже в культурно-символическом плане Горки составляют конкуренцию старому центру. Художественно-философский прообраз пастернаковского Юрятина – «Город Солнца» Кампанеллы – может быть замечен и в реалиях Городских Горок: храм Солнца и Разума (планетарий) на холме, жители – мудрецы... студенты, то есть. На территории Городских Горок обучается бесчисленная армия студентов.

Взглянув на огромные красные буквы «Мотовилихинский район», двинемся в сторону сердца Мотовилихи – Цирка. Справа осталась загруженная автотранспортом северная дамба. Ее строительство началось в конце 1950-х гг. Сначала в трубу была взята речка Егошиха... Об этом, как о трагическом для старого центра событии, вспоминает Бэла Зиф в книге «Провинция»: «Строили по живому, рубили цветущие сады... В тот год Разгуляй стонал и изнемогал от бессилия под тяжестью топов». В сентябре 1959 г. по новому участку прошел первый трамвай. Первый троллейбус – маршрут № 2 («пл. Дружбы – Центральный колхозный рынок») пошел в 1962 г.

От цирка к главной площади

А наш маршрут приблизился к Цирку. Цирк – своего рода визитная карточка Мотовилихи.

Впервые пермяки познакомились с цирком в 80-е гг. XIX века, когда в город на гастроли стали наведываться труппы известных тогда циркачей Труцци, Боровского... Регулярные цирковые гастроли в Перми начались в 1905 г. – на Дровяной площади (между «Детским миром» и ПГТУ), на рыночной площади в Мотовилихе (ныне площадь Восстания).

Цирк служил потехой, в основном, для купечества, рабочего люда, среднего сословия. Наибольшей популярностью пользовалась борьба.

В 1932 г. одновременно со строительством Рабочего посёлка было построено первое постоянное здание Пермского цирка. Оно сгорело весной 1942 г. С тех пор в Перми почти 30 лет проходили гастроли только передвижного цирка – шапито, раскидывавшего свой шатёр, по разным воспоминаниям, то на месте нынешнего цирка, то на месте площади Дружбы. Современное здание пермского государственного цирка (архитектор Г. В. Напреенко) было открыто в 1971 г. При его строительстве – и это уже не пересуды горожан, а реальный факт – десятками тонн бетона пришлось заполнить пустоту старой горной выработки.

Здесь, стоя лицом к площади Дружбы, пришла пора рассказать о том, насколько (согласно комплексному проекту планировки Перми, выработанному в 1928—1929 годах) Городские Горки, соединяющие Пермь и Мотовилиху, были реально близки к тому, чтобы стать официальным Центром Города. Как писала газета «Звезда» 11 августа 1937 г., «нет сомнения, что в недалёком будущем возникнет необходимость в строительстве крупных зданий административно-общественных организаций города. Это будут Дом городского совета, Дом партийных организаций, Дом печати, Дом Красной Армии, Дом техники и проч. Чрезвычайно выгодным для осуществления этого строительства является территория на Городских Горках у берега Камы. Великолепный вид на это место открывается и из Молотово, а особенно с Камы».

Так в начале 1930-х гг. началось выполнение проекта «Соцгород Горки». Авторами плана были немецкий эмигрант, архитектор Ханнес Майер и группа специалистов Ленинградского института планирования городов (Ленгипрогор). В ходе строительства успели воздвигнуть несколько жилых домов на улице Землячки и Уральской. Это нынешнее общежитие Славяновского колледжа (справа от Цирка) и «Дом специалиста» (ост. Дворец Ленина). Был заложен фундамент и построен первый этаж Дома Советов (на месте школы № 97, ул. Ким, 90). Однако планы прервала война.

После войны заселение города стало вестись не в сторону Мотовилихи, а в южном направлении. Вдоль Героев Хасана, вдоль Сибирского тракта: Владимирский, Крохалевка. Предположения на этот счет ходят разные: возможно, потому что там проходил Казанский тракт (Шоссе Космонавтов) – тогда это была главная дорога на Москву. Плюс огромное количество заводов – люди селились неподалеку в разного рода временном жилье: землянках, бараках, «засыпухах».

В Мотовилихе в послевоенные годы был отстроен комплекс зданий, который мы сегодня можем наблюдать напротив Цирка, – большой квартал: от ул. Надежды Крупской до ул. Розалии Землячки. С надеждами же на центральный статус месту пришлось попрощаться на неопределенный срок.

Соединению несоединимого на Горках, кажется, подчинено всё. На 122-миллиметровое орудие, собранное мотовилихинцами в годы войны и установленное на почетном высоком месте над егошихинским логом уже в мирное время, любят взбираться дети (а иногда и взрослые). В чудесной березовой роще воинского кладбища («Как в раю тут солдатики наши лежат», – сказал один из пермяков) те же дети зимой носятся на лыжах. Вокруг – память: прошлого, войны, детства.

Наша следующая остановка будет, пожалуй, самой высокой точкой этой прогулки – гора «Северный склон». Даже если не брать в расчет дела спортивные (а сколько историй существует про пермских горнолыжников!), а просто забраться повыше на гору, то мы поймем, что Северный склон – одна из лучших открытых смотровых площадок нашего города. Вид на несколько районов Перми, на Закамск. Внизу простирается лес, загораживающий от глаз старинное кладбище. Огибающая его речка Егошиха в народе зовется Рубикон – граница, разделяющая «до» и «после»...

А тем временем нас ждет центральная площадь Городских горок – площадь Дружбы.

Дружба

Так в народе называется этот мини-район в микрорайоне Городские Горки. Можно услышать: «Я живу на “Дружбе”». В своё время здесь раскидывал свой шатер цирк-шапито, и для детворы всей Мотовилихи это был настоящий центр города. В обычные дни это была рыночная площадь. А где рынок – там центр. Неофициальный. Давайте поразмышляем об этом, постояв немного в аллее ул. Дружбы.

Торцом к площади, на краю егошихинского оврага, возвышается высотное здание Дома Печати, возведенное в 1964 г. Здесь выходили газеты «Звезда», «Вечерняя Пермь», «Молодая гвардия», полиграфическая продукция. И главное – книги. Первой книгой, вышедшей из офсетного цеха, была книжка сказок пермского писателя Владимира Воробьева «Как Непоседа себе дело искал». Здесь увидели свет книги пермских писателей – Л. Давыдычева, В. Радкевича, А. Решетова, В. Воробьева, В. Астафьева, мировая и русская классика.

Возможно, близость крупнейшего пермского издательства послужила одной из причин того, что в 1970–80-е гг. Городские Горки стали неофициальным творческим центром Перми. Случилось так, что именно здесь в последней трети прошлого века поселились многие творческие люди Перми. Одним из таких живых литературных мест была квартира по адресу Дружбы, 11. Это была наша, пермская, «хорошая» «нехорошая квартира». Помните, у Булгакова: в «нехорошей квартире» пропадали люди? И здесь: как только человек попадал сюда, он окунался в непреодолимую, затягивающую атмосферу творчества, радости общения, которую умела

создавать хозяйка этой квартиры, Татьяна Долматова. Здесь собирались часто и подолгу – поэты, художники, музыканты: Виталий Кальпиди, Владислав Дрожжих, Вячеслав Остапенко, Юрий Беликов. Заходил к Долматовой и приезжавший из Москвы прозаик Анатолий Королёв. Здесь читали стихи, устраивали импровизации, играли, пели, танцевали – царила атмосфера всепоглощающего творчества.

Проникнувшись творческой атмосферой дружных 1970-х, непросто «вернуться» обратно в современность. Но попробуем это сделать, для начала вспомнив, что мы стоим ... на середине огромного летного поля.

По взлетной полосе

Именно так! Здесь, на месте будущей площади Дружбы, с 1928 по 1933 гг. силами всех предприятий города был построен аэропорт, а в 1939 г. введен в строй аэровокзал. Летное поле имело форму вытянутого прямоугольника. С одной стороны оно почти доходило до улицы Лебедева и современного телецентра. С другой стороны – упиралось в поле и сосновый лес (теперь – ВРЗ). Место для аэродрома было выбрано удачное. Говорят, что под основной частью микрорайона проходит плато. Да и рельеф подходящий. По тем временам это было за городом. Зимой учащиеся школ микрорайона катались по огромному летному полю на лыжах, сдавали нормативы.

А в праздники над аэродромом и прилегающими (немногочисленными ещё) домами летал вертолет и сбрасывал листовки с поздравлениями. Детвора развлекалась – соревновались, кто больше соберет листовок и принесет домой. Здание аэровокзала находилось на территории современной школы № 112 (ул. Дружбы, 18). Там на спортивной площадке, уже после закрытия аэропорта и заселения района (в 1960-е гг.) оставался огромный ангар. Он просуществовал до семидесятых годов как театральный склад, потом его снесли.

Пройдем немного по взлетной полосе. И на улице Крупской посмотрим на знаменитый «Дом с трещиной». Ну, уж по этому поводу любители окутанных тайной рассказов о пермских подземельях дают волю своим фантазиям. Говорят, что Городские Горки изрыты вдоль и поперек: шахтами горной выработки, секретными эвакуационными тоннелями, линиями несостоявшегося метрополитена. Рассказывают, что ходы здесь такой величины, что запросто можно проехать на тройке лошадей. В одну из пустот и начала проваливаться эта несчастная хрущевка. Хотя, вариант со смещением строительных плит выглядит убедительнее – ведь дом стоит до сих пор. Возможно, находясь под защитой Белой крысы... С ней знакомы пермские диггеры – они-то знают, что мотовилихинские тайны надежно прикрыты угарным газом. Спички гаснут уже в верхних ходах на уровне пояса. Здесь чаще всего и встреча-

ется Хозяйка пермских подземелий – белая крыса без хвоста. После встречи с ней лучше повернуть назад. При встрече с Хозяйкой у диггеров принято класть ей кусок хлеба – в благодарность за предупреждение. Такие вот подземные байки.

«Дружба» – дружкой, а раздел территории всегда имеет место, особенно если тебе ещё до или около 20-ти, и ты переехал в район новостроек, где большинство новоселов – бывшие обитатели заводских барачков. Поколение 1960–1970-х хорошо знало, что такое «Лумумба». Африканские мотивы нашли своё отражение в дворовой романтике: Дома на улице Патриса Лумумбы строились раньше, чем на Ушинского, поэтому наименование «Старое Конго» они присвоили себе. «Новое Конго» – это уже Ушинского. Ну, а когда речь шла о «дружбинцах», тут разделение «Конго» забывалось, и они объединялись против общего «врага». На месте, где позже построили «Искру», рос березняк – там и происходили драки. Район на район – толпы дерущихся парней, и девчонки в виде группы поддержки и первой помощи. Интересно, что о драке заранее знали все, в том числе и милиция. «Воронки» приезжали не всегда к началу драки, но иногда успевали разогнать собравшихся, и с досадой дворовые воины расходились по домам.

А наша прогулка по разделительной полосе бывшего аэродрома приблизилась к комплексу Выставочного центра «Пермская ярмарка», рядом с которой начинается мост «Средняя дамба». К нему-то мы и пойдем, сделав небольшой полукруг, и оставляя летное поле позади.

Мост в «пермский период»

Мы снова на мосту, как и в самом начале. В отличие от разгуляйского, самого старого, этот – один из новых. Сооружен он был в 2003 г. к 280-летнему юбилею города. И вовремя. Трассу, соединяющую Свердловский и Мотовилихинский районы города, ждали десятилетиями.

Высота его кажется внушительной – овраг глубокий. Земля по обе стороны виадука – более чем историческая. Волнующее воображение наименование «Пермский период» ни к чему так близко не относится, как к тому месту, над которым мы сейчас стоим. Самое время затаить дыхание. Ведь в первой трети XIX в. английский геолог Родерик Мурчисон, во время экспедиции на Урал, на берегу реки Егошихи (ниже современного Нефтяного колледжа) нашел пласты земли, насчитывающей 286 миллионов лет. Вернувшись в родную Шотландию в 1841 г., он обосновал и ввел в научный оборот понятие «Пермский период» – последний период палеозойской эры в истории Земли. «Наш» период продолжался 55 миллионов лет – в течение этого времени Европа столкнулась с Азией, а среди животного мира стали появляться предки млекопитающих. Отсюда и появился миф о Пермских ящерах.

От исторических виражей действительно захватывает дух! Много позже на этом месте образовалась деревня Суханки. Берега Егошихи были очень живописны, особенно со стороны Мотовилихи. Травы и желтые цветы на угоре, рыбаки-мальчишки, пасущиеся коровы... Суханки сносились в первой половине 1960-х, несколько последних домов дожили до 1966 г. Вот так, в одном и том же месте: процессы образования Евразии и крохотная деревенька Суханки, ящеры и коровы. Великое в малом и малое в Великом – у Городских Горок есть и своя философия.

Взлет

Стоя на мосту, мысленно проводим речку Егошиху до открывающихся взору трамплинов, расположенных лесенкой. Самый высокий из них – 60-ти метровый – еще год назад был на тридцать метров выше. Примерно высота его равнялась соседней новостройке по бульвару Гагарина, 26, – можно прикинуть и оценить, какой площадки мы лишились. «Макушка» трамплина стала представлять опасность для жизни людей. С неё сыпались гвозди и доски, а на реставрацию денег не было – пришлось снести. А прежде девятиметровый трамплин был одной из наивысших точек города. Сюда часто наведывались телевизионщики, чтобы заснять, к примеру, сюжет для прогноза погоды.

Здесь наша прогулка подходит к финалу. Высшая точка трамплина – место отрыва – и... мы возвращаемся туда, где всё это время и стояли – на мост «Средняя дамба». Здесь нам открывается современный урбанистический пейзаж, а неподалеку, по слухам, собираются строить новое здание администрации.

Так – от моста в прошлое к мосту в будущее – заканчивается наш городской маршрут. Теперь можно поговорить с городом один на один. Или – еще пройдемся?

А. А. Сидякина

ПЕРМСКАЯ СИНЕМАТЕКА: «УМНОЕ КИНО» И ГОРОД (к проблеме маркетинга культурного очага)

«Пермская синеотека» – просветительский и медиаобразовательный проект, инициированный в 2005 г. известным пермским режиссером-документалистом Павлом Печенкиным «по образу и подобию» европейских синеотек – тем самым в Перми впервые оказалось официально обозначено место средоточия «умного кино».

Впервые официально – потому что неофициальная традиция кино клубов зародилась в Перми еще в 1960-е гг., когда благодаря самоотверженной деятельности удивительного человека, кинемеханика Клуба работни-

ков госторговли Владимира Ивановича Самойловича, возникло место, где вопреки и вразрез политике массового советского кинопроката демонстрировалась западная киноклассика, фильмы Бергмана, Антониони, Курасавы и др. Этот неофициальный клуб (его называли по-разному: «три скамейки», клуб Андрея Рублева, или совсем просто – «госторговля») сыграл значительную роль в формировании пермской интеллектуальной творческой среды 1960—1980-х гг. В нем перебивала вся пермская «золотая молодежь», из которой со временем вышли известные в российских литературных кругах писатели¹, пермские журналисты, фотографы, театральные и кинорежиссеры. В опубликованных устных мемуарах о Самойловиче общими усилиями рисуется почти агиографический образ подвижника, человека невероятно увлеченного, своего рода культурного героя, открывшего для многих, посредством западного кино, окно в мировую культуру. Владимир Самойлович стал в Перми первым гражданским человеком, которому по инициативе фонда «Юртин» был установлен памятник – в 2002 г., на стене театра «У моста» (здание бывшего Клуба работников госторговли) – мемориальный знак в виде кинопроектора с надписью «Рыцарю киноискусства благодарная Пермь».

Еще одним «рыцарем киноискусства» в Перми стал Евгений Давидович Тмарченко, филолог, издатель, организовавший в перестроечные годы одну из первых в стране негосударственную издательскую фирму «Алетейя». Киноклуб Тмарченко собирался в Доме офицеров, и бывшие завсегдатаи этого клуба вспоминают, что приходили даже не столько на кино, сколько «на Тмарченко», на его зажигательные, яркие, интеллектуально насыщенные выступления.

Клуб Тмарченко собирался в то время, на рубеже 1980—1990-х гг., которое отмечено возвращением на большой экран «полочного кино». В Перми, как и в других крупных городах, этот процесс стал явлением общественного масштаба, отмеченным также массовым ажиотажем и сенсационностью. Писатель Владимир Киршин в своей летописи частной жизни пермяков² напоминает о некоторых фактах: на фильмы «Легенда о Нарайяме» и «Империя чувств» к кинотеатру «Кристалл» выстраивались почти километровые очереди... Тогда же пронеслась короткая эпоха видеосалонов, которые тоже претендовали на статус клубов, но по сути двигались в обратном направлении – от общественного к приватно-интимному.

В последующие годы, в связи с распространением домашней видеотехники, а также потому что «запретное» кино перестало быть таковым, кино клубы потеряли свою актуальность. Этому была еще одна причина: из клубной сферы ушли увлеченные харизматичные люди.

Вновь интерес к кино клубной форме общения в Перми начал возникать уже к середине 2000-х. При кинотеатре «Молот» образовалось полуподпольное «Другое небо», клуб интеллектуального кино, моментально ставший популярным среди молодежи. Благодаря позитивной энер-

гии организатора этого клуба, Кирилла Макарихина, на встречи «Другого неба» собиралось до 200 человек. Авангардное кино, в сопровождении медиа-перформансов Сергея Тетерина, показывали в кафе «Валида» и «Точка». В ПГУ начал регулярно собираться клуб «Киновызов». Киноклубы образуются в школах – во многом по причине того, что пермские школы в 2006 г. были укомплектованы медиаоборудованием.

Но, пожалуй, центральным событием пермской киножизни 2000-х стало образование Синематеки. В 2005 г. проект был оформлен в юридическое лицо – Некоммерческое партнерство «Пермская синематека», учредителями которого стали общественные и государственные структуры: Киностудия «Новый курс», Департаменты образования и культуры Пермской области, Пермская ГТРК «Т7».

Таким образом, уже изначально проект начал балансировать на грани общественной инициативы, государственной системы и культурного предпринимательства. Первоначальную поддержку «Пермская синематека» получила, став одним из победителей в региональном конкурсе «Пермь – культурная столица Поволжья 2006», дополнительно успешный старт был обеспечен активным лоббированием проекта в государственных и бизнес структурах его основателем П. Печенкиным, одно время совмещавшим ипостаси президента МКФ «Флаэртиана» и генерального директора Госкиноцентра «Пермкино». Именно по этой причине географически «Пермская синематека» разместилась в здании киносалона «Премьер» (ул. Пионерская, 17).

Летом 2007 г. содержание синематечного проекта влилось в структуру «Пермкино»: в настоящий момент «Пермская синематека» позиционируется как проект Госкиноцентра, с сохранением «брендового» имени и слогана: «Пермская синематека – умное кино».

За два с половиной года деятельности (официальное открытие проекта состоялось 10 февраля 2006 г.) «Синематека» стала широко известна пермской общественности Неделями национальных кинематографий, клубными тематическими программами и кинофестивалями, проводимыми совместно с российскими и зарубежными партнерами. Кроме того, «Пермская синематека» занимается разработкой социальных и медиаобразовательных программ, и, по сути, стала консультативным методическим центром медиаобразования для педагогов Перми и Пермского края. Получившая признание общественности, «Синематека» стала победителем в номинации «лучший культурный проект года» конкурса «Выбор пермской прессы» (2007).

Известность, точнее, узнаваемость пришла и к кинозалону «Премьер», ориентированному с момента прихода в него «Синематеки» на репертуар «другого кино». «Премьер» приобрел неофициальный статус артхаусного кинотеатра, а в пермской интеллектуальной среде, в том

числе среди образованной молодежи, заслужил репутацию клубного места, в котором показывают «лучшее в городе кино». Зрительские симпатии (проявившиеся, в частности, в активном голосовании на влиятельном пермском сайте teron.ru), оказали серьезную моральную поддержку проекту в кризисный момент его существования.

Кризисные ситуации, переживаемые Синематекой, как правило, есть следствие парадокса: как убеждает опыт, широкое общественное признание и активная жизнь «бренда» отнюдь не обеспечивают экономическую сторону существования культурного проекта. С одной стороны, артхаусный «Премьер» и «Синематека» – гордость пермской общественности. С другой, камерные залы «Премьера», при самых доступных ценах на билет, нечасто заполняются на 100%. Разумеется, есть тому субъективные причины, связанные со спецификой управления кинозалом, но есть и общие, объективные, среди которых – в целом снижение интереса к «умному» кино, сужение пространства «артхаусного» кинопроката... Об этом без устали твердят российские режиссеры и продюсеры, в частности, Антон Мазуров, программный директор московской компании «Другое кино»: «Политика прокатчиков и государства сделала неординарное кино недоступным для деградирующего зрителя»³. Психическая атака кинорекламы «1 канала» плюс «узколобая» политика кинопроката, ориентированного всецело на быструю прибыль от коммерческого репертуара – и в результате «другое кино» оказывается «за железным занавесом». В этой связи мало утешает тот факт, что фильм-победитель Каннского МКФ (2007) «4 месяца, 3 недели, 2 дня», «провалился» не только в пермском «Премьере», но в российском кинопрокате в целом.

Как следствие, артхаусный кинотеатр вынужден вырабатывать новые стратегии. Одна из них – расширение репертуара в сторону массового. Вторая, принципиально важная – ориентация на «организованного зрителя», формирование структуры «сетевых субъектов деятельности» (термин С. Л. Кропотова).

Это опять же парадоксально – пытаться измерять перспективу артхаусного кинотеатра от детского утреннего сеанса. Но – организованные отряды школьников, дружно шагающие в «Премьер» на фильмы по Аркадию Гайдару или на «Чапаева», внушают надежду, что со временем в их сознании возникнет привычка к восприятию и пониманию визуального образа, вырастет способность сопротивления агрессивному медиапоток.

¹ Воспоминания о В. Самойловиче опубли.: Уральская Новь. 2000. № 8. См. также: Королёв А. Будда, кинобудка... // Искусство кино. 2001. № 8.

² Киршин В. Частная жизнь. – Пермь, 2003.

³ Малюкова Л. Железный занавес вместо экрана / Интервью с А. Мазуровым // Новая газета. 2008. 14 апр.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ДОМА ПЕРМИ

В. А. Порозов

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ДОМА ПЕРМИ

Понятие «дом» в городском культурном пространстве, разумеется, не тождественно понятию «жилище». Его функции многообразны и многомерны, однако стержень их, основы, связаны, как правило, с именем владельца (чаще всего первого) или наиболее выдающегося жителя. С этой точки зрения любой образованный пермяк воспринимает как привычные ориентиры дома Мешкова, Дягилевых, Любимовой, Грибушина, Славянова.

Вероятно, в контексте истории пермской музыкальной культуры начинать сегодня в любом случае следует с «пермских Афин» – Дома Дягилевых. Для них нашлось место даже в плотном графике однодневного пребывания в крае Президента России. Но пермякам предложено не спешить: ведь памятник Сергею Дягилеву, стоивший немалых денег налогоплательщиков, многие так и не увидели. И как попасть сегодня в здание элитарной гимназии рядовому пермскому обывателю – неизвестно. Раньше хоть концерты регулярно проводили со свободным входом, теперь и этого нет. Поскольку ничто в истории не исчезает бесследно и не возникает на пустом месте, поневоле начинаешь сомневаться, так ли уж доступны были для пермяка эти пятьдесят исполнений «Ивана Сусанина». Возможно, их слушали одни и те же люди – узкий круг «приближенных», ведь грампластинок-то еще не было. Вот и «крутили» в свое удовольствие, особенно польский акт. Да и ассоциация с Афинами весьма характерна, если учесть, какой процент от реального населения и гостей греческого полиса составлял преуспевающий демос.

Иная судьба у дома Е. И. Любимовой. Меценатская, направленная на благо просвещения широких слоев населения деятельность нашла достойное продолжение. Дворец пионеров и школьников, драматический театр, наконец, наш горячо любимый ТЮЗ сохранили и преумножили демократическую ауру здания. Многие еще помнят общедоступность огромной китайской фарфоровой вазы, которую, по крайней мере, до перестройки, никто и не подумал ни утащить, ни разбить. Сопоставить это можно, пожалуй, лишь с деревянными креслами кинотеатра «Кристалл», сохранявшимися без единой царапины более четверти века, до начала 1990-х гг. А какая музыка звучала и до сих пор звучит в любимовских залах! Вспомним хотя бы постановки «Кандида», «Вишневого сада», «Берлиоза» или «тусовки» молодежного фолк-фестиваля «Камва» нынешним летом. И это только в дореволюционной анфиладе – по зрительному залу счет особый.

Возвращается народу и дом Н. В. Мешкова. Правда, как возвращается – видят все, и когда это окончательно случится – неизвестно. Все силы и деньги брошены на «русское бедное», в которое так успешно играют наши «богатые». Домов им мало: изуродован внешний вид здания речного вокзала (со стороны Камы) и его охранная зона (со стороны улицы), что опять противоречит существующему законодательству. Перед выездом из мешковского особняка, как могли, разгромили интерьеры. А пока поколение пермяков растет без краеведческого музея – без мамонта, без посоха Стефана Пермского, без швецовского мотора и, тем более, без замечательных музыкальных коллекций старейшего и богатейшего собирателя сокровищ пермской региональной культуры. Вся надежда на энергетику «пермского Саввы Морозова», хотя по сегодняшним масштабам его дом для музея Пермского края уже не годится, разве что для филиала – например, музея истории и культуры города Перми.

Выдающимся общественным деятелем, как известно, был Д. Д. Смышляев. Его дом в истории пермской музыкальной культуры – явление знаковое. Именно здесь функционировал третий и наиболее демократический клуб города – общественное собрание: самим названием прогрессивное купечество постаралось противопоставить его дворянскому, «благородному». Концерты, балы, вечера, репетиции симфонического оркестра («симфонические собрания»), деятельность знаменитой городской театральной дирекции... Затем работа музыкально-нотного отдела областной библиотеки. Легендарные ночные концерты ленинградских музыкантов в годы Великой Отечественной войны. Неоднократные попытки возродить музыкальные традиции дома, предпринимались в последние десятилетия. Так, всё еще не угасли надежды на энциклопедизм Г. С. Барабанщикова и мудрость спонсоров и организаторов городского культурного процесса.

Пока же сильных мира сего «благородное» явно притягивает сильнее, чем «общественное». В этом плане процветает салонное музицирование в доме Грибушина. Но обычный пермяк узнаёт об этом лишь из СМИ, без усталости данное явление воспевающих. Посторонних здесь не ждут, а зашедших на огонек встречают так, что те после за версту будут этот дом обходить. Вот они – традиции пермской аристократии, не имеющей глубоких исторических корней. Это остро подмечал еще столетие назад первый известный музыкальный критик края Б. М. Попов, не жалея острых «шпилек» по поводу «субсидируемой и отовсюду покровительствуемой фирмы Императорского русского музыкального общества». Подчеркивалось, что во главе пермской дирекции стояли «два чайных торговца, банкир и инженер, имеющие к музыке более чем проблематическое отношение», а знаменитый А. Д. Городцов, «согласившийся, несмотря на массу занятий,

быть в течение первого года председателем дирекции Филармонического общества», был избран лишь кандидатом дирекции, «так как директорские титулы понадобились там для чайно-банкирских покровителей». Императорскому обществу противопоставлялось Пермское филармоническое общество, «в массе своей состоящее из интеллигентного пролетариата» – по преимуществу, мелких чиновников, студентов, ремесленников и рабочих¹.

Сегодня политические страсти улеглись, и вклад пермского отделения Императорского русского музыкального общества в дело повышения культурного уровня губернского центра никто не оспаривает. К слову сказать, сам же Попов отмечал, что «квартетные вечера и дело музыкальной педагогики поставлены первой задачей пермского отделения ИРМО». Теперь по заслугам воспета деятельность и пианистки С. В. Гедговд, и скрипача Г. А. Нагловского, и меценатская роль купца С. М. Грибушина, хотя и признается очевидный «элитарный» характер организации, обосновавшейся главным образом в Благородном собрании и сосредоточившейся на камерной музыке². Обе музыкальные организации возникли в 1908 г. и просуществовали до 1912 г. В 1910 г. отделение РМО открыло класс игры на фортепиано и смычковых инструментах, хорового и сольного пения.

«Два чайных торговца», упоминаемые Б. М. Поповым – братья Николай Михайлович и Сергей Михайлович Грибушины, которые и были избраны директорами Пермского отделения ИРМО. «В доме Грибушиных, – отмечает краевед Е. А. Спешилова, – было несколько пианино и роялей, и в былые времена здесь собирались многочисленные гости на музыкальные вечера»³. Конфискованные революционерами инструменты послужили-таки «народу»: некоторое время в здании помещалась губернская музыкальная школа.

Интересные страницы музыкальной жизни Перми ХХ в. связаны с домами Розинга (в дальнейшем дом губернского правления), Попова, Синакевича. И. П. Розинг неумоимо поднимал культурный уровень пермской интеллектуальной элиты: если первый музыкант европейского масштаба, скрипач и композитор Л. В. Маурер выступал в Перми, что, скорее всего, несомненно, то прежде всего в доме Розинга. П. Е. Попов торговал железом и изделиями из него, что не помешало ему быть активным театралом и меломаном. С 1924 г. второй этаж дома занимает Дом учителя с его великолепными самостоятельными музыкальными коллективами. Дом А. В. Синакевича освящен самим именем руководителя уникальной исторической городской театральной антрепризы. Неплохо было бы время от времени вновь зазвучать музыке и в доме Н. Г. Славянова: музыкальность выдающегося ученого и инженера, как и всей его семьи, общеизвестна.

Уникальным в этом плане является дом Якуба Коласа. И жил-то он в нем всего ничего, а конкурентов по многоквартирному дому-терему на окраине города в региональной истории и культуре не оказалось. В жизни и творчестве великого национального поэта значительное место занимает музыка. Его творчество вдохновляло композиторов Белоруссии Л. М. Абелиовича, А. В. Богатырева, С. А. Кортеса, Д. А. Лукаса, И. М. Лученка, Г. К. Пукста, А. Е. Туренкова, Н. Н. Чуркина и др. Среди произведений, над которыми работал Якуб Колас в Перми, была поэма «Симон-музыка» («Симон-музыкант»). Судьба дома, прекрасно сохранившегося, проблематична. Он оказался посередине формирующегося из улицы Революции проспекта. Площадка для переноса не зарезервирована, вопрос о строительстве копии не ставится и не обсуждается. Всё идет к тому, что, как водится в нашем городе, проснемся – а его и нет. Очередной Флегинский опять заплатит десяток-другой тысяч рублей для охраны тех же памятников и вновь пропиарит часовенку или бесплатный киносеанс для пенсионеров.

А сколько таких домов еще не отмечено на карте исторической Перми! О них вспоминают даже гости нашего города из других регионов. Так, в 1929 г. с целью поступления в педагогический институт в Пермь приезжал известный в будущем краевед из Курганской области Александр Ульянович Астафьев. Во время недолгого, полуторамесячного пребывания в городе он успел познакомиться с одной из представительниц пермской интеллигенции Анной Петровной Волжаниной. Впечатление, произведенное во время коротких встреч принимавшим экзамены педагогом-филологом, было таково, что юноша на всю жизнь запомнил ее родственников, друзей, домашний адрес по ул. Верхотурской, ныне Н. Островского, д. 4. Немаловажной чертой в характеристике дочери профессора Ленинградского университета было то, что она – «отличная пианистка, любит Моцарта, Бетховена»⁴. Среди гостей дома в одну из традиционных сред оказались «студентки из медицинского института, молодая женщина – выпускница МГУ, специалист по истории античного мира и двоюродный брат хозяйки, поступавший на истфак».

В таких домах, таких семьях и сохранялись музыкальные традиции города в тяжелейшие 1920-е гг., подготовив их возрождение в стенах Дома ученых и оперного театра. Но дома эти мы не бережем, хотя много ли их осталось?

Например, два года назад был уничтожен дом, где родился и вырос самый знаменитый музыкант, которого дала России Пермь, – Арий Моисеевич Пазовский (ул. Советская, д. 38). А ведь он учился играть на скрипке у любимца городской общественности Л. И. Винярского, высшее музыкальное образование получил на средства пермяков, дебютировал как дирижер в нашем театре, в 1941 г. привез в родной город великую «Мариинку». Исчезновения дома никто не заметил.

Музыкальный бум, пережитый вместе со всей страной в послевоенный период, как и подобные явления в сфере литературы и театра, имел в среде пермской интеллигенции весьма мощную подпитку. Так, среди педагогов весьма удаленной от центра города средней школы № 1, находящейся в Нижней Курье, имели в своих небольших квартирах, в домах дачного типа и в «хрущевках», пианино и играли на них О. С. Бабаджан, В. И. Зубов, Б. Д. Миклин, Н. П. Осипова, Н. М. Рослякова, Л. А. Стрельман, О. В. Чупина. В квартире Т. П. Кольфгауз стоял рояль. Э. А. Вяткина, Т. П. Горбунова, Н. А. Карманникова, Л. Г. Ширинкина, А. А. Янкина также обучали своих детей игре на фортепиано⁵.

Современные ритмы, электроника и дизайн вытесняют музыкальные инструменты из интерьеров, музыку из душ людей, а наполнить современную многоэтажную громаду аурой одной личности, пусть даже самой выдающейся, становится все сложнее. Дома современной Перми многолики и универсальны. Их музыкальная составляющая будет восстанавливаться по черточкам и мозаичным фрагментам отдельных квартир и окон.

¹ Музыкальный труженик. 1909. 15 окт. № 20. С. 9-11; см. также: *Порозов В. А.* Пермь музыкальная. – Пермь, 2004. – С. 121-124.

² См.: *Пермь от основания до наших дней: Ист. очерки.* – Пермь, 2000. – С. 127.

³ *Спешилова Е. А.* Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди: 1723-1917. – Пермь, 1999. – С. 193.

⁴ Документальная автобиографическая повесть сельского учителя А. У. Астафьева «Записки изгоя»: Публикация и исследование текста / Подготовка текста Л. А. Астафьевой, Н. А. Астафьевой, Б. И. Осипова. – Омск, 1998. – С. 84.

⁵ Архив автора. Запись воспоминаний Н. Д. Миклиной, ветерана педагогического труда.

Л. М. Корж

НЕПРИЗНАННЫЙ МЕЦЕНАТ

К 100-летию создания в Перми первого на Урале отделения Императорского Русского музыкального общества

В конце XIX – начале XX вв. губернский город Пермь славился своими музыкальными традициями. Они начали складываться ещё в начале XIX в., но устойчивость и расцвет получили на рубеже веков.

Центром музыкальной и общественной жизни был городской музыкальный театр, построенный на пожертвования горожан. Отсчёт оперных сезонов ведётся с 24 ноября 1870 г., с постановки оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя» («Иван Сусанин»). Традиция не прерывалась, но при всей любви пермяков к опере постоянной оперной труппы в городе не было. В 1895 г. Пермская дума приняла решение о создании Городской

театральной дирекции. Она продержалась семь сезонов, и пять из них (1895—1900 гг.) были самым удачными за весь период существования дореволюционного театра. С этого времени на страницах столичной прессы пермяков стали называть не иначе как «опероманами».

Огромной по размаху была деятельность Александра Дмитриевича Городцова. Приехав в Пермь в 1894 г., он смог поставить хоровое дело на небывалую высоту. Он объездил всю Пермскую губернию. В городах, сёлах и деревнях под его руководством было создано более 400 хоров, столько не было во всей остальной России.

Концертные традиции в городе связаны с деятельностью Пермского музыкального кружка. Пик его деятельности пришелся на конец 80-х и 90-е гг. XIX столетия. В то время он представлял собой единственную музыкальную организацию в Перми, объединяющую около 100 исполнителей, влюблённых в искусство, независимо от профессии. Концерты проводились в здании Благородного собрания и пользовались большим успехом у горожан.

Вот в такую Пермь, динамично развивающуюся, имеющую сложившиеся культурные традиции и налаженные творческие контакты, в 1906 г. окончательно переезжает из родного Кунгура Сергей Михайлович Грибушин, главный распорядитель фирмы «Торговый дом «М. И. Грибушин и наследники». Фирма по продаже чая и сахара Грибушиных существовала с 1858 г. Их называли чай-сахарными королями. Все члены семьи Грибушиных были почётными гражданами Перми и Кунгура. Все проценты с прибыли семьи шли на благотворительную деятельность, которая была весьма обширной. С. М. Грибушин состоял членом Пермского губернского попечительства детских приютов, членом Пермского губернского тюремного комитета, попечителем Пермского училища слепых детей. Делом всей семьи Грибушиных было создание и постоянное содержание Сиропитательного дома в Кунгуре. Наряду с различными профессиями его воспитанники получали начальное музыкальное образование. Из их числа был создан духовой оркестр – неременный участник городских мероприятий в Кунгуре.

В 1905 г. С. М. Грибушин избирался в состав Пермской городской думы. Здесь он был на своём месте, ибо в ней преобладали представители купечества и городской буржуазии, принимавшие непосредственное участие в общественно-значимых мероприятиях.

Семья Грибушиных жила в Перми на Покровской улице, в респектабельном особняке, построенном по проекту известного архитектора А. Б. Турчевича. Этот дом является замечательным памятником архитектуры модерна и искусства художественной лепки. Парадная гостиная дома обладает великолепной акустикой. Здесь и проходили вечера, на которых собирались сливки пермского общества. Главным уго-

щением для гостей была музыка. Предпочтение отдавалось инструментальной музыке западно-европейских композиторов.

В 1909 г. в России отмечалось 50-летие Императорского Русского музыкального общества (ИРМО). В период общественного подъёма конца 1850-х – начала 1860-х гг. по инициативе Великой княгини Елены Павловны, композитора и пианиста А. Г. Рубинштейна и других музыкальных и общественных деятелей появилось Русское музыкальное общество (РМО). Первые 10 лет (1859—1869) оно функционировало под этим наименованием. За этот период были открыты Петербургская и Московская консерватории – первый весомый результат работы РМО. Великая княгиня Елена Павловна (урождённая принцесса Вюртембергская) способствовала привнесению в Россию традиций немецких музыкально-общественных и образовательных структур. Она любила, хорошо знала и поощряла развитие классического музыкального искусства на своей новой родине. В её салоне в зале Михайловского дворца (ныне здание Русского музея), постоянно проходили концерты камерной музыки. Для симфонических концертов был избран зал Благородного собрания (ныне это здание Петербургской филармонии).

В 1869 г. вся императорская фамилия взяла на себя покровительство над Обществом, выделив на его содержание ежегодную правительственную субсидию в 15 тысяч рублей. С этого времени общество стало называться «Императорское Русское музыкальное общество».

Первая попечительница руководила делами Общества до своей кончины (1873). За это время отделения ИРМО были открыты в Москве (1860), Казани (1864), Харькове (1871), Нижнем Новгороде, Саратове, Пскове (1873). Работа отделений состояла в подготовке и проведении концертов (профессиональными и любительскими силами) и в организации музыкального образования. Все лучшие музыкальные учебные заведения старой России существовали при ИРМО: музыкальные классы, училища, консерватории.

С 1873 г. президентом ИРМО стал Великий князь, второй сын Николая I, Константин Николаевич (1827—1892). В период его руководства Обществом сформировались первые отделения ИРМО в Сибири; здесь лидировали западно-сибирские города: Омск (1876), Тобольск (1878), Томск (1879).

Деятельность членов императорской фамилии в Обществе протекала в тесном сотрудничестве с выдающимися русскими музыкантами. Кроме А. Г. Рубинштейна руководящие посты в ИРМО занимал его брат Н. Г. Рубинштейн, возглавивший отделение Общества и Консерваторию в Москве, также П. И. Чайковский, С. И. Танеев, Э. Ф. Направник, В. И. Сафонов, А. К. Глазунов, М. М. Ипполитов-Иванов, С. В. Рахманинов и другие. Отношения между музыкантами и попечителями обще-

ства не всегда были гладкими, однако это не мешало расширению и совершенствованию деятельности ИРМО.

В начале XX столетия в России насчитывалось уже более 50 отделений ИРМО. Развитие классического музыкального искусства и образования требовало всё возрастающих капиталовложений. Средств, отпускаемых правительством на поддержание прежних и открытие новых отделений, не хватало. Здесь многое зависело от щедрости провинциальных меценатов и от культурно-созидательной политики местных городских дум.

Во всех городах отделения ИРМО также открывались по инициативе местных музыкантов и любителей музыки, причём на базе многолетнего существования собственных музыкальных кружков. Их реорганизация и превращение в подразделения всероссийской музыкально-общественной и образовательной системы ИРМО повышала официальный статус и профессиональный уровень провинциальных музыкальных объединений, а следовательно, общий уровень музыкальной культуры провинции.

Трудно представить более благоприятную ситуацию для появления отделения ИРМО, чем та, которая сложилась в Перми в начале прошлого века. В 1908 г. Пермь примкнула к общероссийскому культурному движению. Именно в нашем городе в 1908 г. было создано первое на Урале отделение ИРМО. Вице-председателем этого Общества был А. Н. Сериков – заместитель начальника Пермской железной дороги; директорами – Сергей Михайлович и Николай Михайлович Грибушины; К. Н. Либерман, управляющий Русским для внешней торговли банком; А. Д. Городцов; Н. П. Падалка, присяжный поверенный, юрисконсульт пермской железной дороги. Различных по социальному статусу и профессиональным занятиям людей объединило стремление вывести на новый уровень концертную и образовательную сферы музыкального искусства в Перми. Результаты не замедлили сказаться: в Благородном собрании чаще стали проходить концерты симфонической и камерной инструментальной музыки, появились новые музыкальные классы, в т. ч. в особняке Грибушиных, начались хлопоты по открытию Императорского (т. е. государственного) музыкального училища.

К сожалению, этой начавшейся созидательной работе не суждено было стать успешной. Её тормозили противоречия внутри дирекции Общества. Они начались с того момента, когда первыми лицами в дирекции были определены Грибушины. Известные пермские музыкальные общественные деятели, в том числе А. Д. Городцов, музыкальный критик Б. М. Попов, музыкант Н. И. Никитин не могли примириться с тем, что деятельность пермского музыкального кружка, пережившая свой взлёт в конце 1880-х и в 1890 гг., оттесняется на задний план. В столичной прессе о Грибушиных, как руководителей Пермского отделения ИРМО, появляются едкие заметки.

В 1909 г. А. Д. Городцов организовал Филармоническое общество. Цель Общества была та же, что и у отделения ИРМО, но средства были очень скромные. Поэтому инициативы по организации концертов в зале городского музыкального театра быстро сошли на нет. Конкуренция между Пермским отделением ИРМО и Филармоническим обществом ни для кого в городе не была секретом, в том числе и для российской прессы. Осенью 1912 г. деятельность обоих обществ прекратилась. Музыкальная жизнь вернулась в традиционное провинциальное русло: к частным музыкальным школам, концертам с участием Пермского квартета, музыкально-театральным благотворительным вечерам... Историческое время для Перми стать музыкальной столицей Урала было упущено.

В Екатеринбурге в 1912 г. местный музыкальный кружок был преобразован в отделение ИРМО. Это произошло также при содействии известного купца, владельца заводов Д. П. Соломирского. Он, как и С. М. Грибушин, обеспечил музыкальные классы инструментами, мебелью и всем необходимым для занятий. В 1916 г. на базе музыкальных классов при ИРМО было открыто музыкальное училище, ставшее первенцем среднего музыкального образования на Урале. Оно сумело выжить в сложные революционные годы и впоследствии было преобразовано в Уральскую государственную консерваторию.

Литература источники:

1. Особняк купца С. М. Грибушина (г. Пермь, ул. Ленина, 13): Научно-проектная документация архитектурного памятника конца XIX века. – Пермь, 1988.
2. *Верхоланцев В. С.* Город Пермь, его прошлое и настоящее. – Пермь, 1994.
3. *Порозов В. А.* Пермь музыкальная. – Пермь, 2004.
4. *Спешилова Е. А.* Старая Пермь. – Пермь, 2003.
5. *Шабалина Л. К.* Императорское Русское музыкальное общество и его роль в развитии отечественной музыкальной культуры и образования // Династия Романовых в истории и культуре России. – Екатеринбург, 2002.

Ю. А. Кашаева

«ВИД ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСКОМУ ДОМУ»

Административные здания являются внешним атрибутом власти. Они являются отражением особенностей власти, ее положения в городе. Дома высших лиц – сосредоточение этой власти. Естественно, эти здания должны отличаться от всех остальных своим обликом.

В истории г. Перми конца XVIII в. довольно много еще белых пятен. Известно, что с 1780 г. началось активное городское строительство, в первую очередь зданий для административных учреждений и должностных лиц. Одним из этих зданий стал генерал-губернаторский дом.

В фондах Пермского краевого музея в коллекции «Карты и планы» хранится чертеж «Вид генерал-губернаторскому дому»¹. Как указано на чертеже – это «специальный план назначаемому к постройке вновь в городе Пермь генерал-губернаторскому дому со служебными корпусами». Он представляет собой рукописный чертеж, выполненный на вержированной бумаге, с водяными знаками (герб города Страсбурга с литерами VDL(?)/VI (IV?). На чертеже обозначены основные части строения: «1. главный корпус нижнего этажа; 2. служебный корпус с конюшнею; 3. служебный корпус и коретные сараи; 4. понаклеике главного корпуса верхний этаж».

Интересными, имеющими несомненную историческую значимость представляются записи, выполненные на чертеже чернилами и почерком конца XVIII в.: «сей план имел сщастие подносить ея императорскому величеству июля 28 го дня 1785 года которой и удостоился высочайшаго утверждения генерал порутчик и кавалер Евгений Кашкин» (запись приводится в современной орфографии). Другими чернилами ниже: «в пермское наместническое правление препровожден 27 сентября 1785 года». Деятельность Е. Кашкина продолжалась на Урале до мая 1788 г., когда по его просьбе он был назначен Ярославским генерал-губернатором. Можно предположить, что на плане стоит автограф Е. П. Кашкина.

Имеются на чертеже и записи более позднего времени, которые свидетельствуют о судьбе этого чертежа. На обороте чернилами нанесена дата: «10 февраля 1936 г.», сам чертеж подклеен бумагой с делопроизводственными записями начала XX в. Мы не можем пока ответить точно, когда и при каких обстоятельствах этот чертеж попал в фонды музея. Но удалось выяснить, что 29.10.1969 г. он был уже поставлен на учет, кроме этого, имеется старый номер музея, имеется в списках историко-бытовой коллекции 1940-х гг. К сожалению, от кого поступил этот план и точное время пока неизвестно.

Возникает вопрос: соответствует ли чертеж, хранящийся в Пермском краевом музее, построенному в начале 1780-х гг. генерал-губернаторскому дому? На начальном этапе ознакомления с литературой по истории г. Перми конца XVIII в. однозначно ответить на этот вопрос не удалось.

Как пишет А. Дмитриев, «генерал Кашкин с выбранными из соликамских старожиллов отправился в Егошихинский завод. Он остановился в заводском доме на горе у церкви св. Петра и Павла, где жил управитель и была заводская контора. К деревянным зданиям наскоро сделали пристройки. Несколько домов начали строить вновь. В постройках проведено все лето 1780 г. Этим летом по проектированному плану, между прочим, был выстроен большой двухэтажный дом для губернатора. Дом этот выстроен с флигелями, службами, птичником и зверинцем – в параллель с заводским домом, боковую стороною на площадь к церкви»². В продол-

жение лета 1781 г. производилась постройка огромных казенных зданий для *наместника*, губернатора, вице-губернатора, для присутственных мест и главного поста военных караулов. Дома эти, сообразно утвержденному городскому плану, расположены вокруг площади, пред соборною церковью св. апостолов Петра и Павла, в таком порядке: квартиры высших чиновников на южную сторону площади, фасом к храму; корпус присутственный по западную – фасом на восток; гауптвахта в северо-западном углу площади, платформою в полдень. За недостатком кирпича употреблены в дело лес и бутовый камень – материалы, которыми изобилует окрестность. Деятельные работы по постройке казенных и частных зданий в Перми безостановочно продолжались даже все время наместничества Е. П. Кашкина и его преемника»³. А. Дмитриев приводит название дома наместника – «дворец», объясняя это название его обширностью. Все здания, считая и обширный «дворец» построены одновременно при основании города в 1781 г.⁴

В «Хозяйственном описании Пермской губернии» Н. С. Попов подробно описывает бывший генерал-губернаторский дом, в первую очередь его дальнейшее использование. В начале XIX в. там располагались все губернские присутственные места: губернское правление с канцелярией, канцелярия прокурора, палаты казенная, гражданская и уголовная, губернское и уездное казначейства, уездный и нижний земский суды, городская полиция и управления первой части города, врачебная управа и губернская типография⁵.

В учебном пособии «Пермь от основания до наших дней» читаем: «в 1781 г. были построены деревянные *дом наместника*, дом губернатора, здание губернского присутствия, здание губернских присутствий, гауптвахта»⁶.

В книге П. Корчагина «Губернская столица Пермь» опубликован чертеж фасада дома пермского генерал-губернатора начала XIX в. (хранится в РГИА)⁷, который практически не имеет черт сходства с музейным чертежом. 16 января 1784 г. был высочайше утвержден «План Губернского Города Перми» Иваном Лемом. К плану прилагались типовые проекты зданий, как пишет П. Корчагин, пока еще не обнаруженные в архивах. В 1781 г. у *генерал-губернаторского здания* был выстроен лишь один этаж⁸.

Наиболее полное описание приводится А. С. Терёхиным, который наиболее полно описывает архитектурную застройку Перми конца XVIII в. «После указа о переименовании города (20 ноября 1780 г. старого стиля) в Перми возводятся *дома генерал-губернатора*, вице-губернатора, губернатора и других крупных должностных лиц, а также здания присутственных мест. Все постройки размещены вблизи площади у Петропавловского собора. Таким образом, продолжается развитие уже существовавшего административного центра. Сохранился альбом «существу-

ющих строений г. Перми» конца XVIII – начала XIX в. Это натурные обмеры домов генерал-губернатора (с 1797 г. там размещались присутственные места), вице-губернатора, гражданского губернатора, гауптвахты (эти постройки были уничтожены пожаром 1842 г.). На усадьбе *генерал-губернаторского дома* по периметру участка было размещено 10 строений. Фасад главного одноэтажного здания, обращенный на площадь, имел лаконичные формы, свойственные строгому классицизму, – гладкое поле фасадной стены прорезано рядом окон хороших пропорций, не имеющих даже наличников, тягой отделен цоколь, а завершает фасад профилированный карниз. Слева от фасада – ворота, ограда и торцовый фасад дома канцелярии. Входы во все здания находились со стороны двора. Такое размещение построек на усадьбе и расположение входов со стороны замкнутого двора восходит к планировочным приемам уральской сельской усадьбы. Отсутствие декоративных элементов на фасадах также традиционно для уральских строений. Все здания, несмотря на значительную величину некоторых из них, выстроены из дерева, центральный дом имеет в плане размеры 24x8 сажень, высота до карниза – 4 сажени (до конька 7 сажень). Конструктивную схему здания составляют 4 продольные несущие стены с поперечными связевыми стенами (через 3 – 5 сажень). Это предопределило и планировку – соединение коридорной и анфиладной систем расположения комнат. Снаружи дом оштукатурен. Все остальные усадьбы и постройки повторяют (с небольшими изменениями) приемы, использованные при возведении генерал-губернаторского дома (за исключением дома гражданского губернатора, имевшего более парадный фасад)»⁹.

Столь длинная цитата вполне обоснованна. Есть основания полагать, что план генерал-губернаторского дома, хранящийся в Пермском краевом музее в определенных параметрах схож с описаниями А. С. Терёхина и фотокопией «обмерного чертежа плана усадьбы, зданий и главного фасада дома генерал-губернатора. 1780—1781 гг.» на вклейке книги. Основные различия касаются общего вида плана, несколько разнятся размеры. На фотографии А. С. Терёхина представлен план усадьбы, а на чертеже – только самого дома и прилегающих частей. По изобразительному стилю чертеж из коллекции музея идентичен опубликованному А. С. Терёхиным. Хотя на чертеже, хранящемся в музее, обозначено два этажа, скорее всего можно говорить о цокольном и верхнем этажах.

Пока, в истории чертежа «Вид генерал-губернаторскому дому» больше неизвестного и неясного. Этот вопрос требует дальнейшего исследования, но чертеж имеет, безусловно, историческую значимость.

¹ ПКМ. НВ 1334/2.

² Дмитриев А. Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 г. – Пермь, 1889. – С. 27-28.

³ Там же. С. 37.

⁴ Там же. С. 114-115.

⁵ Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии. – Ч. 3. – СПб., 1813. – С. 124.

⁶ История Перми от основания до наших дней. – Пермь, 2000. – С. 28.

⁷ Корчагин П. А. Губернская столица Пермь. – Пермь, 2006. – С. 72, 86.

⁸ Там же. С. 83, 85.

⁹ Терёхин А. С. Пермь. Очерк архитектуры. – Пермь, 1980. – С. 23-24.

А. Б. Киселёв

ОДНО ИЗ СТАРЕЙШИХ БАНКОВСКИХ ЗДАНИЙ В ГОРОДЕ ПЕРМИ

Капитализация Российской империи во 2-й половине XIX в. привела к массовому учреждению коммерческих банков, обеспечивавших потребность промышленности и торговли в кредитах и хранении вырученных средств. Среди таких банков создается и Волжско-Камский.

Устав Волжско-Камского коммерческого банка «Высочайше утвержден» 24 февраля 1870 г. ¹. В течение первого года отделения банка были открыты в Москве, Рыбинске, Нижнем Новгороде, Казани, Саратове и Астрахани. Правление банка находилось в Санкт-Петербурге. Основные операции, производимые банком, заключались в учете русских и иностранных векселей, выдаче ссуд и открытии кредитов на срок не более 9 месяцев, а также обслуживании вкладов ².

Источниками оборотных средств в акционерных коммерческих банках служили «собственные основные капиталы, собираемые посредством выпуска акций или паев и вклады посторонних лиц и учреждений» ³.

Сеть отделений Волжско-Камского коммерческого банка расширялась с каждым годом. В 1907 г. их было 25, а в 1913 г. – 41 по всей территории Российской империи ⁴.

Пермское отделение Волжско-Камского коммерческого банка открылось в октябре 1873 г. ⁵ Первоначально банк размещался по Петропавловской улице, в доме Ширинкина, рядом с городской думой (Коммунистическая, 27), а в начале 1880-х гг. был переведен в собственный дом на Покровской (Ленина, 32) ⁶. Примечательно, что здание было построено специально для банка. Часть помещений, имевших отдельный вход со двора, предназначалась для жилья банковских артельщиков ⁷.

В 1909 г. по разрешению Пермской городской управы в помещении банка была произведена перепланировка: устроена кладовая для вкладов, лестница в подвальный этаж, водяное отопление от котла в подвале. Тогда же парадный вход перемещен в крайний проем, а в месте его

первоначального расположения устроена кладовая, произведен косметический ремонт ⁸. Навес на столбах у парадного крыльца, в ширину всего тротуара, существовавший с 1880-х гг. ⁹, заменен на маленький кованный козырёк на кронштейнах.

К этому моменту сложился облик здания, в котором оно просуществовало до 1960-х гг.

Это прямоугольное в плане с незначительными выступами-ретирадами по флангам южного дворового фасада здание.

Главный фасад имеет симметричную композицию, акцентированную по центру ризалитом с четырехпилястровым портиком в уровне 2-го этажа. Роль фронтона играет ступенчатый аттик. В пределах ризалита, играя роль основания портика, находится балкон на металлических кронштейнах. Весь образ здания подчеркивает его солидность и, в то же время, изящество.

Особый интерес представляет южный фасад. Выступающие объемы создают курдонер, перекрытый общей кровлей. В центре фасада – 2-х-колонный портик со щипцовым фронтоном. В уровне мансардного этажа в портике устроен балкон.

Планировочная структура 1-го этажа – зальная с периметрально расположенными помещениями. При сопоставлении существующей планировки с архивными чертежами видно, что капитальная стена, расположенная в центре здания перпендикулярно улице, частично разобрана, в результате чего образован операционный зал. Также разобрана часть стены между операционным залом и помещением бывшей кассы. В интерьерах применена характерная для начала 20 в. отделка публичных заведений: стеновая панель высотой около 1,3 м выполненная штукатуркой (два ряда руста, многопрофильный карниз с декором в виде присборенной ткани по фризу), полупортал вокруг двери, штукатурные наличники окон. В хранилище сохранилась металлическая сейфовая дверь производства Германии с таким же декоративным обрамлением.

На 2-й этаж ведет широкая двухмаршевая каменная лестница с ограждением из металлических фигурных балясин. Балясины данного типа относятся к редко встречающимся, хотя и выполнялись на местных предприятиях (Мотовилиха, Добрянка). В качестве аналога можно привести ограждение лестниц в доме № 18а по ул. 25 октября.

Планировка 2-го этажа – коридорно-кабинетная с элементами анфилады (проемы не используются, частично заложены). На лестничной площадке расположено помещение, в котором сохранился пол из двуцветной метлахской плитки периода реконструкции 1909 г.

Во всех помещениях 2-го этажа восстановлен штукатурный профилированный потолочный карниз, переходящий в обрамление плафона.

Наибольший интерес с точки зрения уникальности декоративных элементов представляют две угловые печи в зале и камин в кабинете управляющего.

Угловые печи выполнены обратным полукругом и облицованы кафельными изразцами с декоративной рамкой по периметру зеркала печи. Камин с бронзовым прибором также в верхней части облицован кафельным изразцом и таковым же фигурным навершием.

Интересно перекрытие над подвалом, выполненное цилиндрическими сводами с распалубками над оконными и дверными проемами. При этом, в отдельных помещениях цилиндрический свод переходит в коробовой.

Волжско-Камский банк, как и большинство других коммерческих банков, был национализирован 14 декабря 1917 г.¹⁰ К сожалению, информация об использовании здания в период Гражданской войны не обнаружена.

1 апреля 1922 г. открывается Пермское отделение Государственного банка, канцелярия которого в 1920-е гг. располагалась в этом доме¹¹.

В этом же здании в 1923 г. размещался Пермский губернский финансовый отдел¹², а 12 июля 1923 г.¹³ (по другим сведениям – 23 июля)¹⁴ открылась Центральная трудовая сберегательная касса. К 1933 г. государственный банк переехал в свое старое помещение по адресу ул. 25 Октября, 16, а в здании по ул. Ленина, 32, разместилась Государственная сберегательная касса и районный Комитет финансово-банковских работников¹⁵.

По данным 1935 г. расположенная здесь гострудсберкасса имела номер 22¹⁶.

Кованый навес над входом и балкон на северном фасаде сохранялись до 1960-х гг.¹⁷ В последующие годы они были демонтированы, фасады отделаны с применением минеральной штукатурки, заложены окна подвала.

Решением Малого Совета Пермского облсовета от 20.05.1993 г. № 683 и распоряжением губернатора Пермской области от 05.12.2000 г. № 713-р здание отнесено к памятникам истории и культуры регионального значения.

В 2004—2007 гг. на средства собственника – Западно-Уральского банка Сбербанка России – выполнена полная реставрация памятника. При этом заменены балки перекрытий, восстановлен балкон и аттик над ним на главном фасаде. В большой степени восстановлена декоративная отделка интерьеров – оформление операционного зала 1-го этажа, парадной лестницы, кабинетов управляющего и большого зала. Сегодня это интереснейшее здание вновь выполняет свои первоначальные функции, предоставляя банковские услуги гражданам.

¹ Энциклопедический словарь под ред. проф. Андриевского И. Е. – СПб., 1891. – Т. II^А. – С. 943.

² Устав Волжско-Камского коммерческого банка. – СПб., 1870. – С. 5.

³ Большая энциклопедия. – СПб., Б.г. – Т. 2. – С. 180.

⁴ Отчет Волжско-Камского коммерческого банка за 37 отчетный год. – СПб., 1908; Отчет Волжско-Камского коммерческого банка за 43 отчетный год. – СПб., 1914.

⁵ Трапезников В. Н. Летопись города Перми. – Пермь, 1998. – С. 76.

⁶ Дмитриев А. Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 года с приложением летописи города Перми с 1845 до 1890 года. – Пермь, 1889. – С. 294.

⁷ Справочная книжка «Вся Пермь» на 1904 г. – Пермь, 1904. – С. 78.

⁸ ГАПО. Ф. 35 «Пермская городская управа». Оп. 1. Д. 105. Л. 54.

⁹ ГАПО. Ф/ф. Оп. 24п. Д. 74.

¹⁰ Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде: Путеводитель. – Л., 1956. – С. 352.

¹¹ Звезда. 1922. 7 июня.

¹² Книжка абонентов Пермской телефонной сети на 1923 год. – Пермь, 1923. – С. 51.

¹³ Пермь социалистическая: (Краткий очерк истории города с 1917 по 1973 гг.) /под ред. И. С. Капцуговича. – Пермь, 1973. – С. 39.

¹⁴ В интересах населения и государства // Вечерняя Пермь. 1982. 27 дек.

¹⁵ Справочник по гор. Перми. – Пермь, 1933. – С. 18, 44, 45.

¹⁶ Список абонентов пермской автоматической телефонной станции гг. Перми и Молотово на 1935 г. – Б. м., б. г. – С. 12.

¹⁷ ГАПО. Ф/ф. Оп. 61п. Д. 5488.

А. В. Бушмаков

СТРОИТЕЛЬ-БОГОСЛОВ

**Из истории здания главного корпуса
Пермского института искусств и культуры
(ул. Ленина, 29)**

Здание Пермского института искусств и культуры на углу улиц Ленина и Газеты «Звезда» до революции принадлежало Пермскому духовному училищу и являлось одним из самых больших архитектурных сооружений Перми. История строительства этого дома связана с человеком, имя которого вряд ли знакомо большинству пермяков, даже из числа тех, кто интересуется историей своего родного города – Геннадием Ивановичем Холмогоровым. Смотритель (т. е. начальник) Пермского духовного училища, богослов по образованию, он смог осуществить проект, считавшийся по тем временам почти не выполнимым, и полу-

чить признание сограждан как талантливый менеджер, или, выражаясь языком того времени, «делец-администратор».

Сын дьячка небольшого, захолустного села Камасина, Пермского уезда, Г. И. Холмогоров родился в 1841 г. В 1860-е гг. учился в Пермской духовной семинарии, проникнутой тогда революционным духом, но «благополучно избежал увлечений и злоключений своих товарищей, слишком ретивых прогрессистов». Его сдержанный характер и благоразумие сослужили ему хорошую службу, – когда в очередной раз потребовалось направить в духовную академию двух «надежных учеников» семинарское правление назначило одним из этих двух Холмогорова, хотя для окончания семинарского курса ему нужно было бы проучиться еще один год. Тот оправдал доверие начальства и в 1863 г. поступил в академию, которую окончил в 1867 г., заняв среди других выпускников довольно невысокое место, и с 15 сентября 1867 г. был назначен преподавателем логики, психологии и патристики Пермской духовной семинарии¹.

С 1867 по 1879 гг. Холмогоров работает учителем в семинарии. За это время ему пришлось преподавать самые разные предметы: гомиетику, литургику, практическое руководство для пастырей, церковную историю, еврейский язык, алгебру, геометрию и пасхалию. Однако таланты Холмогорова лежали совсем в другой области. Очень скоро епархиальное начальство оценило его как человека, могущего легко составить деловую бумагу, произвести подсчет или расчет, разработать проект и найти для него средства и т. д.²

Уже к концу 1870-х гг. Г. И. Холмогоров был достаточно известным в городе администратором. С этого времени его начинают выбирать на разные должности в городских и земских учреждениях: мировым судьей, членом попечительного совета женской прогимназии и Мариинской гимназии, членом Пермского епархиального училищного совета, членом-распорядителем Пермского общества взаимного страхования, гласным городской думы. В городской думе Холмогоров выступал нечасто и только по темам, касавшимся учебных заведений и строительства. В этих вопросах он считался экспертом и был членом почти всех комиссий городской думы, создаваемых для рассмотрения данных проблем³.

Репутация Геннадия Ивановича как дельца-администратора к концу 1870-х гг. была уже достаточно твердой, поэтому после отказа в 1879 г. протоиерея Любимова от должности смотрителя Пермского духовного училища окружной училищный съезд духовенства 16 августа большинством 19 против 4 голосов избрал его на эту должность. С этого момента, Холмогоров «попал на свою настоящую дорогу».

Первым делом он усердно принялся и за внешнее благоустройство училища и за упорядочение экономической отчетности и делопроизводства. Однако наиболее трудной задачей было расширение училищ-

ного здания и устройство при нем общежития для учеников. Купленное в 1868 г. у чиновника Образцова здание, хотя и было когда-то «барским домом» с высокими комнатами, паркетными полами, изразцовыми печами и лепными украшениями, но для многолюдного училища оказалось очень тесным и недостаточно приспособленным.

Необходимость расширить и переустроить здание училища давно уже была признана и училищным правлением, и окружным духовенством, поэтому еще в 1874 г. был открыт сбор обязательных и добровольных взносов с церковью и самого духовенства. Однако дело двигалось медленно – взносы поступали и записывались крайне неаккуратно. На очередных съездах окружного духовенства не раз ставился и обсуждался вопрос о том, не приступить ли немедленно к постройке общежития, но ввиду недостатка собранных средств депутаты каждый раз решали отложить постройку, ограничиваясь пока составлением и рассмотрением планов и смет.

Вступив в должность смотрителя, Г. И. Холмогоров подробно ознакомился с вопросом и выступил против съезда, городского архитектора и училищного правления, найдя в плане архитектора Летучего и вообще в постройке отдельного от училища корпуса для общежития «педагогические и хозяйственные неудобства». Он представил следующему очередному съезду духовенства вместе с подробной объяснительной запиской свой собственный план пристройки и смету к нему.

С 1880 г. общежительский капитал довольно быстро начал увеличиваться, благодаря большой аккуратности в поступлениях взносов, нарастанию процентов, пожертвованиям и присоединяемым к нему значительным остаткам от сумм на содержание училища. Причем суммы, сэкономленные стараниями Холмогорова, за десять лет составили внушительную сумму в 15 тысяч рублей. К 1883 г. капитал почти достиг сметной суммы (35 тыс.), но теперь ни училищное правление, ни съезды духовенства уже не удовлетворялись постройкой в пределах указанной сметы, решив строить сразу хорошее здание «на века». Кроме того, было решено построить при общежитии домовую церковь. Все эти изменения вызвали необходимость в новых планах и новых сметах. «Осторожный в действиях и строгий к требованиям целесообразности», Г. И. Холмогоров не раз менял и строго критиковал и свои, и чужие планы и сметы. В итоге строительным отделением губернского правления была принята смета на сумму до 82 тысяч рублей. Съезды духовенства сочли возможным ассигновать на постройку общежития и церкви при нем не более 65-ти тысяч рублей, предоставляя училищному правлению и строительному комитету производить работы хозяйственным или другим способом по их усмотрению.

30 мая 1885 г. Г. И. Холмогоров был назначен членом строительного комитета, фактически возглавив его работу, и приступил к постройке, не

пугаясь большой разницы между сметной и ассигнованными суммами. Причиной такого оптимистического подхода послужили предварительная и своевременная заготовка некоторых материалов, сделанная со значительной экономией против сметных сумм, и уверенность членов комитета в своей хозяйственной опытности, «особенно, в опытности и хозяйственности главного руководителя работ» Г. И. Холмогорова.

Постройка начата была 30 июня 1885 г., и через три месяца была готова вчерне и подведена под крышу. Летом 1886 г. почти все училищные здания были отделаны, за исключением зала.

Формально считаясь одним из членов комитета, при одинаковых с другими правах и обязанностях, Г. И. Холмогоров во все время существования комитета был его душой и общепризнанным главой; фактически делом постройки заведовал именно он. Остальные члены комитета, «принимая участие в решении главных вопросов по постройке и следя за общим ее ходом, инициативу дела и все его детали представляли Геннадию Ивановичу, вполне полагаясь на его опытность, усердие и преданность интересам училища».

В докладе строительному комитету Г. И. Холмогоров ходатайствует перед комитетом об исполнителе работ, подрядчике Драгунове, заслуги которого на самом деле ограничивались тем, что «он никогда не входил в пререкания со строительным комитетом, а всегда беспрекословно исполнял требования его». Общее же руководство работ, устранение всяких затруднений и остановок было делом строительного комитета, т. е. Г. И. Холмогорова. Необходимо отметить, что большая часть заготовок и работ исполнялась не через подрядчика, а хозяйственным способом, т. е. «предусмотрительностью, распорядительностью, заботами и трудами того же главного хозяина – руководителя постройки» Холмогорова. Несомненной заслугой Холмогорова было и то, что он сумел сдать Драгунову подряд на значительную часть работ (на 22 тысяч рублей), уложившись в общую сумму всей постройки в 60 тысяч. Дело в том, что за всю работу оптом Драгунов просил 70 тысяч и не соглашался взять менее.

Роль Холмогорова в постройке здания Пермского духовного училища засвидетельствована членом строительного комитета П. Н. Черняевым: «Геннадий Иванович вложил в дело постройки общежития, как говорится, всю свою душу; можно сказать, что ни один кирпич в этом громадном здании не положен без его указания, без его присутствия. Он приходил на стройку вместе с рабочими и уходил вместе с ними».

В акте комиссии, принявшей здание училища, сказано: издержки строительного комитета в сумме 69072 руб. 96 коп. далеко не достигли сметного итога 81 907 руб. 59 коп., то есть, кроме того, что все работы были исполнены очень качественно, Холмогорову удалось сэкономить очень значительную сумму. Холмогоров привлек и спонсо-

ров-благотворителей: училищная церковь была оборудована на средства купцов Г. К. Каменского и П. О. Камчатова.

К осени 1887 г. постройка была готова. «Пермские епархиальные ведомости» писали о ней с восторгом: «Размеры здания таковы, что прежний двухэтажный дом, в котором до перестройки помещалось все училище, составляет ныне лишь одно правое крыло импозантного корпуса (на фотографии начала XX века они ещё отчетливо отличаются по цвету – А.Б.), занимающего по внутреннему устройству и красивому фасаду второе в городе место после нового здания Мариинской женской гимназии»⁴.

Формально считалось, что здание училища построено по плану чертежника А. Пермякова под наблюдением гражданского инженера Р. Карвовского, однако, плану Пермякова предшествовали и легли в его основу соображения и чертежи самого Геннадия Ивановича, по его указанию, уже во время производства работ были сделаны существенные отступления от принятого плана, значительно улучшившие и вместительность, и гигиеническую правоспособность нового здания. Вместо предполагавшейся больницы был сделан большой рекреационный зал, а больница переместилась в надворный флигель и увеличилась на этаж. Таким образом, Холмогоров достиг сразу несколько целей: устроил в общежитии актовый зал, создал новые хорошие квартиры в доме под залом и отделил больных от здоровых. Сверхсметные расходы училищный финансист покрыл остатками от сметных назначений на содержание училища за разные годы.

Так богослов-преподаватель проявил неожиданные таланты менеджера и инженера, достигнув весьма впечатляющих результатов.

По свидетельству современников, Холмогоров «не боялся новизны и был чужд обычного стариковского равнодушия к разным нововведениям». Перед выходом в отставку он вел переговоры об устройстве в училище электрического освещения, по всему училищу был им проведен водопровод, классная мебель делалась по последнему слову школьной гигиены.

Училище находилось в здании до своего закрытия в 1918 г. Самому зданию пришлось пережить ряд суровых испытаний. Когда в конце 1918 г. войска Колчака заняли Пермь, в здании разместились контрразведка. В подвальном помещении колчаковцы пытали пойманных большевиков и их сторонников, трупы тут же в подвале засыпали землей. Позднее, в начале 1920-х гг. здание, требовавшее больших затрат на отопление и освещение, было заброшено и стало разрушаться. Растащили мебель (в городе было плохо с дровами), сломали окна, печи. Когда в 1923 г. пустовавшее здание бывшего духовного училища было передано Пермскому рабфаку, его пришлось долго приводить в порядок. При поддержке местных общественных организаций удалось частично приспособить здание под общежитие, где разместили большую часть студентов, а также оборудовали столовую с хлебопекарней и библиотеку⁵.

По признанию хозяйственного работника рабфака И. Никифорова, здание отдали рабфаку потому, что оно было слишком запущено и никому не нужно: «Весь подвал был завален землей и трупами. Тов. Щепетов, зав. рабфаком, говорит: «Очистить надо». Принялись за очистку. Гриша Колчанов собирает студентов на субботник вытаскивать эту землю и мусор. А в земле попадались, где нога, где рука и голова, а где и целый труп. Все из подвала вытаскали, и вот у нас и второе здание готово стало»⁶.

Через два года в здании разместили несколько техникумов: Уральский медицинский, землеустроительный, фармацевтический, в 1931—1933 годах – художественный техникум, а в 1931—1934 гг. – Высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу. В 1935 г. дом по ул. Ленина, 29, передали школе № 25, а с 1938 г. – Пермскому городскому Совету, который находился здесь до 1975 г. С 1975 г. здание бывшего Пермского духовного училища занял его нынешний владелец – Пермский государственный институт искусств и культуры.

¹ Формулярный список о службе смотрителя Пермского духовного училища Холмогорова Г. И. ГАПО. Ф. 609. Оп. 1. Д. 3. Л. 1- боб.; Геннадий Иванович Холмогоров: (Некролог). – Пермь, 1900. – С. 3-4.

² Геннадий Иванович Холмогоров: (Некролог). – Пермь, 1900. – С. 3-7.

³ См.: Журналы Пермской городской думы за 1880 год. – Пермь, 1880. – С. 90; Журналы Пермской городской думы за 1882 год. – Пермь, 1883. – С. 37.

⁴ ПЕВ. 1887. С. 391-392.

⁵ Соколов А. В. Очерк развития Пермского рабочего факультета // Пермский рабфак за 10 лет: Юбилейный сборник: 1919-1929. – Пермь, 1928. – С. 11.

⁶ Никифоров И. Теперь не то // Пермский рабфак за 10 лет: Юбилейный сборник: 1919–1929. – Пермь, 1928. – С. 142.

Т. В. Иванова

ЦЕРКОВНАЯ ПЕВЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В МУЗЫКАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ В ПРИКАМЬЕ (Пермское духовное училище)

Истоки певческого обучения детей в начальных школах Прикамья можно обнаружить в деятельности горнозаводских школ. О необходимости приобщения школьников к церковному пению неоднократно высказывался В. Н. Татищев, активно занимавшийся организацией школьного дела на Урале. Об этом он писал в инструкции «Учреждение, коим порядком учителя русских школ имеют поступать» – замечательном памятнике отечественной педагогической мысли первой половины XVIII в.

Столь пристальное внимание В. Н. Татищева к церковно-певческому обучению учеников горнозаводских школ можно объяснить несколькими

причинами. Во-первых, в стремлении приобщить детей к ценностям православия он следовал общевоспитательным традициям своего времени. Во-вторых, обучение церковному пению было вызвано необходимостью подготовки певчих для местных храмов. Третьей причиной можно назвать усилившийся приток старообрядцев на Урал. В этих условиях подготовка певчих, воспитанных на образцах официальной церковной музыки, должна была способствовать распространению как этих ценностей, так и новых исполнительских традиций.

Важное место занимало обучение церковному пению в духовных учебных заведениях края.

Первое духовное учебное заведение региона – Пермская духовная семинария – была основана в 1800 г. пермским иерархом Иоанном (Островским). Сменивший его епископ Иустин (Вишневский) внес большой вклад в дальнейшее развитие духовного образования. Видный церковный деятель, имевший большой опыт преподавательской работы, автор «Полной грамматики славянского языка», человек, тесно соприкасавшийся с европейской культурой во время службы при русском посольстве в Венеции и Вене, епископ Иустин сделал немало для расширения всего учебного курса в Пермской духовной семинарии. Организация певческого обучения в семинарии также встретила активную поддержку с его стороны. По предписанию епископа практическое освоение певческого репертуара в церквях было соединено с обучением партесному пению всех учащихся в самой семинарии. «Обучать пению всякий день... по окончании вторых латинских классов, в краткие дни со свечами казенными», – писал он*.

В 1818 г. в Перми в соответствии с указом «О усовершенствовании комиссии Духовных Училищ; о начертании правил для образования сих Училищ и составлении капитала на содержание Духовенства» было открыто трехклассное духовное училище. Училище состояло в ведении епархиального архиерея, подчинялось Пермской духовной семинарии.

В 1843 г. семинария переехала в новое трехэтажное каменное здание, где училище заняло первый этаж. В 1850 г. семинария купила для училища двухэтажный каменный дом с цокольным этажом на углу улиц Покровская и Оханская. В этом здании Духовное училище и располагалось до своего закрытия в 1917 г.

Характеризуя постановку музыкального образования в Духовном училище, необходимо прежде всего отметить, что его содержание целиком составляла церковная музыка и певческая деятельность. Причем урокам пения здесь придавалось не меньшее значение, чем занятиям по другим предметам. Поэтому проверка знания «нотного пения» входила в программу вступительных испытаний абитуриентов. В начале XX в. в Пермском и Камышловском духовных училищах традиционная музыкальная подготовка была дополнена обучением игре на скрипке.

Музыкальная подготовка в духовных учебных заведениях обеспечивала общемузыкальное развитие учеников, освоение ими основного церковного репертуара, приобретение навыков пения и даже инструментальной игры. Это позволяло выпускникам заниматься музыкально-педагогической деятельностью в церковно-приходских школах, в училищах и гимназиях.

В отечественной музыкальной педагогике духовная музыка всегда рассматривалась как средство воспитания личности.

Церковное пение представляет особую шкалу ценностей, где наивысшим достоинством является не эстетическая привлекательность и гармония, но полезность для души. Еще с апостольских времен сформулированы основные качества духовного пения, бережно хранившиеся в святой Руси – назидательность, утешительность, благодать. Собственно нравственный компонент в духовной музыке всегда был основным.

Древнерусская певческая культура по-особому трактовала музыкальное искусство. Музыка воспринималась онтологическим явлением, цель которого встраиваться в богослужебный ритуал и, вместе с архитектурой, иконописью, убранством храма, свидетельствовать о божественных истинах. При этом возникал особый тип синкретизма, основанный на единстве обряда, слова, мелоса. Данный синкретизм уникален не только степенью влияния на личность, но и глубиной участия, сравнимой лишь с фольклорными действиями.

Русская духовная музыка является и ярким примером адаптации заимствованных традиций и приемов. Певческое искусство Руси представляет собой тип транскрипции чужого языка. Здесь можно усмотреть и психологический феномен полного доверия к греческому канону, и глубокое освоение и присвоение его идей.

Не менее важным представляется воспитание в певчих адекватной самооценки. В церковном хоре возникала удивительная духовная связь между участниками-певцами, основанная на общности вероисповедания и уклада жизни, нравственных категорий, правил поведения, и, главное, на молитвенном соборном единстве. Рождающийся в таком процессе хор был изначально лишен стремления к лидерству, взаимного недоверия, разности во вкусах и этических нормах.

Необходимо отметить отсутствие борьбы за сценический успех. Вместо этого происходило совместное духовное и музыкальное творчество, которое умножало возможности каждого участника. В постоянном чередовании богослужений ошибка в пении рассматривалась не как угроза карьере, а как нравственный урок. От частной неудачи не зависела ни самооценка, ни репутация певца, так как складывались они многими годами напряженного музыкального и нравственного труда.

В древнерусском пении сформировалось уникальное отношение к исполнению произведений. Практически отсутствовало ремесленничество, все технические моменты даже в обучении связывались с символическими и нравственными понятиями. Не существовало разделения на репетиционный период, на стадию интерпретации, – творческое начало и благоговейное отношение к каждому звуку пронизывало все этапы работы над произведением. Таким образом, понятие черновой работы с необходимой концентрацией на техническом аппарате для исполнителей было несвойственно. Окраска звука, фразировка, тембровое единство и другие вокальные и ансамблевые качества выстраивались не сами по себе, а в процессе поиска наилучшей интерпретации богодухновенных слов.

Таким образом, сложившаяся в духовной музыке модель творчества характеризуется постоянным самосовершенствованием исполнителей, выработкой мастерства через осознание эстетических и этических целей.

В последние десятилетия XX в. активно возрождается искусственно прерванная традиция духовно-певческого воспитания и образования как синтеза религии и искусства. Духовная музыка сегодня становится неотъемлемой частью репертуара профессиональных хоровых коллективов, учебных хоров музыкальных учебных заведений, детских хоровых студий, хоров воскресных и общеобразовательных школ.

В Прикамье постепенно решается проблема профессионального обучения регентов. В 1996 г., по благословению Владыки Афанасия, при Часовне Святителя Стефана Великопермского, были созданы Вечерние Курсы Практикующих Регентов. В октябре 2003 г. в Пермской епархии состоялось открытие Пермского Духовного Училища. Учебный план включает богословские предметы и специальные дисциплины, среди которых церковное пение. Спустя 85 лет, в Перми возобновлено духовное образование, имевшее здесь глубокие корни.

В бывшем здании Духовного училища на углу улиц Ленина и газеты «Звезда» с 1975 г. располагается Пермский государственный институт искусства и культуры. Теперь здесь вновь звучит хоровая музыка, возрождая прерванную традицию.

* *Шестаков И.* История Пермской духовной семинарии Архимандрита Иеронима. – Изд. 2-е. – Екатеринбург, 1900. – С. 23.

ДОМ С КИКИМОРОЙ

У замечательного писателя русского зарубежья Михаила Осоргина, нашего земляка, есть новелла «Пирог с адамовой головой», в которой рассказывается странная история, случившаяся в Перми в одном «нехорошем» доме. (Осоргин М. А. Мемуарная проза. Пермь, 1992). Осоргин, надо сказать, как никто другой, любил вспоминать пермяков, выводя их в своих произведениях то как «известных по качеству», то как «марионеток», проходящих мимо. Но не бесследно проходящих, а обязательно оставляющих хоть какую-то черточку в истории. Пригодились писателю, разлученному с родиной, и некоторые уральские легенды, байки. О том, к примеру, как «хватила Кондрашка» одного пермского дельца – за то, что он заставлял своих рабочих таскать со старого кладбища могильные плиты.

Предысторию осоргинской новеллы позволяет воссоздать очерк «Таинственный дом» Ф. Кудринского, малоизвестного автора, судя по всему, долго жившего в Перми и изучавшего местные исторические предания. Опубликован его «физиологический очерк» (так можно определить жанр произведения, памятуя о дельном направлении в социальной беллетристике и журналистике России XIX-го века) в газете «Волгарь», а уж затем был перепечатан в «Пермских губернских ведомостях» (1895, № 53, 60, 73, 75).

Ценные свидетельства мы находим также в «Сборнике статей о Пермской губернии» Д. Д. Смышляева (Пермь, 1891), современника тех событий.

Дом на углу Петропавловской улицы и Театральной площади строился в 1840-х гг. Возвести его намеревался советник Пермской уголовной палаты – солидный, вроде бы, пожилой человек, из дворян, православный. История эта как нельзя лучше служит иллюстрацией того непреложного факта, что внешняя личина нередко не имеет ничего общего с настоящей сущностью человека. Вот и Елисей Чадин – так звали хозяина упомянутого дома – был барин как барин, орденов имел кучу, да и надгробный памятник наследники этого состоятельного пермяка «отгрохали» ему позднее, как полагается, из вечного материала, внушительных размеров. А славу-то о себе «раб Божий Елисей» оставил худую...

Психологическую первопричину драматических событий, разыгравшихся вокруг дома Чадина, Ф. Кудринский определил так: «Тщеславное желание казаться заставило его предпринять постройку громадного дома, но скупость была причиной того, что дом так и оставался вчерне, недоконченным».

Дом строился экономично, с использованием дешевого труда «дворовых людишек», которые все делали сами – изготовляли кирпич, возводили стены и т. д. Но дальше потребовалась отделка, приготовление к жилью, нужны были новые и значительные средства. И необходимость денежных затрат остановила прижимистого хозяина (сам он жил одиноким в небольшом флигельке, примыкавшем к строившемуся громадному дому).

Однажды во время прогулки по соседнему городскому кладбищу хозяин присмотрел заросшие травой чугунные надгробия. И его осенило: вот подходящий строительный материал. Ночью он послал дворовых людей на черное дело...

Как писал М. Осоргин, Чадин подражал «великолепным римским папам, обратившим памятники Аппиевой дороги в строительный материал... Выходило дешево, прочно, и кикимора заранее радовалась таинственной отделке своего будущего жилья...».

На свои именины «чумазый» (это любимое словечко Салтыкова-Щедрина, а как такого воротилу еще назвать?) пригласил гостей, в том числе именитых людей, отцов города. И когда сняли покрывало с именитого пирога, все с ужасом увидели: на нем отчетливо проступила... Адамова голова – череп и скрещенные кости. Гости спешно ретировались, сбежали и домашние работники. Дом опустел.

Кстати, в очерке Ф. Кудринского есть одна неувязка психологического свойства. Автор упоминает, что среди именитых гостей Чадина был и князь Долгорукий, еще один чудодей, который был выслан из столицы в Пермь за проказы аморального характера, так сказать, на перевоспитание. Князюшка этот не бросал своих чудачеств, любил поиздеваться над смиренным пермским населением. То фаворитку свою (любовницу) выставит в «райском» наряде (то есть голой) в окне. То собак спустит на прохожего. А еще любил потчевать своих гостей разными «деликатесами», приготовленными... из хомяков. Однажды скормил гостям своего пуделя. В конце концов, Долгорукий был выслан еще дальше, в Верхотурье. После всего сказанного трудно поверить, что такой чудодей испугался необычной картинки на пироге.

Впрочем, объяснение «чуду» вполне житейское: отпечталось изображение с намогильной плиты, использованной при кладке печи. После этого случая Чадин и «откинулся», умер, не приходя в сознание.

Дмитрий Дмитриевич Смышляев приводит иную версию случившегося, социального свойства. Поскольку хозяин-барин обращался со своими дворовыми «людишками», слугами, очень скверно, мог их за любую промашку и унижить, и высечь, – они и решили отомстить ему таким способом: испекли пирог на надгробии с адамовой головой и эпитафией.

В доме Чадина так никто и не смог жить, кроме Кикиморы. Известное дело, живой человек не любит мертвых домов, поэтому «заселяет» их фантомами воображения. Хотя Ф. Кудринский пишет, что в мертвом доме на самом деле шла своя оригинальная жизнь, и загадочные существа могли быть, скорее всего, бездомными бродягами.

Еще одно ответвление пермского предания о «доме с кикиморами» – его загадочная подземная жизнь. Легенда развивалась в разных направлениях, и вширь, и вглубь, вбирая в себя и возвышенных созданий, и исчадий ада. Ф. Кудринский пишет о том, что находилось под нехорошим домом Чадина: «у него в новом-то доме, говорят, целые погреба нашли – и все кости и кости...». Объяснение перепуганные жители нашли одно: «с нечистым снюхался».

Но есть, опять же, и другое свидетельство, вполне реального свойства. Обратимся вновь к Д. Д. Смышляеву. Известный общественный деятель и краевед рассказывает, как архитектор Константин Алексеевич Золотавин осматривал необитаемый дом. (Между прочим, архитектор Золотавин похоронен также на старом православном Егошихинском кладбище, на могилке его стоит каменная «гольгофа», а «в соседях» у него – живописец Верещагин, священники и многочисленные купцы). В подвальном этаже архитектор открыл «необыкновенной глубины колодезь». Назначение колодца трудно было объяснить даже специалисту. Может, это провалившаяся горная шахта бывшего Егошихинского завода, а, может, сам Чадин приспособил выемку для каких-то своих темных делишек.

Д. Д. Смышляев писал, что старые горные выработки вообще давали повод к таинственным рассказам. Например, говорили, что из оврага речки Медведки проведен под всей Пермью подземный ход, а устроили его с незапамятных времен разбойники, которые укрывались там и прятали награбленное добро. «Этот пресловутый подземный ход, – пишет Смышляев, – может быть, действительно существует, и даже немудрено, что в нем действительно могли укрываться разбойники, но представляет он собою, конечно, ни что иное как заброшенную заводскую штольню...»

Подземные ходы, подвалы и выемки загадочного происхождения открывают в наше время почти каждый год во время строительства новых домов в пермских дворах. Последние по времени открытия – на ул. Пермской (Кирова), под салоном «Гармония», а также возле бывшего ДК «Телта». Открывшиеся строителям подземелья очень похожи на ходы, а на самом деле они представляют собой канализационную сеть города.

Однако обывателю необходимы истории, от которых бы леденела кровь. Если их не подкидывает сама жизнь, тогда в ход идут фантазия и домысел.

Случайно или нет, но во время страшного пожара в сентябре 1842 года здание на углу Петропавловской сохранилось, хотя весь город «горел легко», жилому фонду был нанесен страшный урон: пламя уничтожило около 300 домов.

Здесь интересно проследить, какие метаморфозы претерпело общественное мнение, в основе которого лежало суеверие. Достоверно виновников пожара так и не удалось установить. Но если сравнить доступные нам источники, в которых описывается несчастье, обрушившееся на Пермь, то в каждой причине пожара трактуются по-разному. Однако характерно, что Михаил Осоргин, последний из авторов, обратившихся к трагедии 1842 года, исключил из числа виновников поляков. Писатель не стал рассматривать национальную подоплеку, он дезавуировал досужие сплетни, иронически прокомментировал их одной фразой: «По господствовавшему мнению, его подожгли либо черти, либо поляки».

В воспоминаниях Д. Д. Смышляева «польскому следу» отведено места побольше. Что касается автора очерка «Таинственный дом», то он вольно или невольно акцентировал внимание читателей именно на поляках, подробно записав, а частью додумав, досужие разговоры и сплетни. Объяснение этому Ф. Кудринский дает следующее:

«Особой репутацией в северо-русском крае пользовались ссыльные поляки. По особенностям своего национального типа и быта, которых не могло изгладить даже продолжительное пребывание в среде великороссов, они не привлекали симпатий коренного русского населения. Их не любили и часто подозревали в разного рода преступлениях и общественных бедствиях – вроде поджогов, в содействии разбойничеству, даже в распространении эпидемических болезней и т. п.»

Не удивительно, что полякам доставалось в обывательских рассказах больше, чем кому-либо. Говорили, что пожар «это именно их дело, и недаром они поляки, это уж такая нация, созданная Богом для одной цели – вредить интересам русских». Вывод автора: «К рассказам о пожаре примешивались, таким образом, сплетни политического характера...». Ф. Кудринский пытается уловить «основную физиономию слуха», но это ему плохо удается, поскольку все было так разнообразно, противоречиво и нелепо.

Обобщение Ф. Кудринского насчет отсутствия симпатий к полякам в среде простого народа, возможно, и соответствовало истине в определенный период. Однако характер пермяка таков, что страдальцы – любые, хоть беглые каторжники, хоть «мученики польского дела» – всегда вызывали сочувствие в душе и желание помочь хоть «по малости». Со временем поляки (среди которых, впрочем, были не только ссыльные) вросли в местное общество, ассимилировались, и симпатии пермяков неизбежно проявились по отношению к врачам, учителям, садовникам и даже чиновникам, без учета их «проклятого» польского происхождения.

С пожаром 1842 года связана дальнейшая судьба чадинского дома. Все выгорело вокруг, а этот дом-призрак выстоял. И объяснение этому чуду молва нашла одно-единственное: присутствие нечистой силы. Например, одна старушка видела кикимору в белом платке, которая мелькала в окне во время пожара и отгоняла пламя.

«Дом все стоял, и его формы, освободившиеся от соседних построек, выглядели вызывающе. Он как бы вытянулся вверх и стал выше обыкновенного. А его темные окна глядели так мрачно... Ну как в самом деле не увидеть в них чего-нибудь, хотя бы даже в чепце? Слух о кикиморе скоро стал общеизвестным, и толпа со страхом и удивлением глядела на этот дом, пощаженный огнем...»

Собственно, ничего удивительного не было в том, что дом не сгорел: дом каменный, крыша – железная. Ни полов, ни рам в окнах не было, загореться, стало быть, нечему. Но трезвые доводы на сознание толпы не действовали.

Представьте себе, пермское общество решило сломать чадинские хоромы! Сначала домом владели наследники Чадина, но жить в нем не смогли. Затем его купил известный предприниматель и заводовладелец М. Г. Сведомский. Произошло это не в конце 1840-х гг., как указывает Ф. Кудринский, а несколько раньше, поскольку Сведомский умер в 1847 г. До своей кончины Михайла Гаврилович успел перестроить, а фактически построить заново деревянную церковь на городском (Егошихинском) кладбище, откуда воровал плиты барин-чудодей. Дом же на углу Петропавловской был уступлен городскому обществу. Спустя почти полвека дом разломали.

На этом месте и была построена в 1887 г. Мариинская женская гимназия по проекту архитектора Ю. О. Дютеля. Поневоле думаешь: надо было столько вытерпеть этому участку пермской земли, чтобы на нем появился, наконец, настоящий дворец, памятник архитектуры федерального значения. Славное получилось здание, с красивой домовою церковью, интерьер которой прекрасно сохранился до наших времен, хотя колокольня снесена.

Все было благополучно, значит, кикимора покинула это место. В советские годы в здании гимназии размещался и Пермский университет, и Дворец труда, а с 1930 г. – сельхозинститут, ныне – сельскохозяйственная академия... Был, правда, у меня знакомый скульптор, который очень недоволен остался этим зданием. Сделал мемориальную доску в честь М. И. Калинина – “всесоюзный староста” выступал здесь однажды. Но не прижилась скульптура: не прошло и пяти лет, как сковырнули Михаила Ивановича...

В родовой памяти пермяков должна запечатлеться на века высшая кара богохульнику, покусившемуся на святое. В рассказе М. Осоргина

«Пирог с адамовой головой» есть впечатляющее описание того, как умирал хозяин дома, воровавший надгробные плиты: “Голова тряслась, губы бормотали жалкие слова о покойниках, попавших в начинку пирога. Когда его соборовали, он отворачивал голову от креста, как будто ему совали в рот кусок пирога с Адамовой головой...”

Не менее красочно живописует последние часы жизни героя своего очерка Ф. Кудринский: «Через несколько дней Чадина хоронили. Со времени своих именин (звали его Елисей, а день святого Елисея приходится на 14 июня) он так и не приходил в себя и не узнавал своих даже близких знакомых. Он просил только не есть пирог, потому что в нем покойник... но что он не виноват, если кругом его дома устроили кладбище, из которого вылезают покойники...».

Казалось бы, эта история могла послужить хорошим уроком и предупреждением для излишне энергичных и оборотистых застройщиков, которые в наши дни вознамерились построить многоэтажный дом в десятке метров от того самого городского кладбища (для чего им пришлось загнать в трубу даже речку Стикс). Но нет, выводов для себя современные деловые и прижимистые «строители», похоже, не сделали.

Такова «физиономия» одной из самых популярных пермских легенд, причудливо замешанной на слухах и реалиях из жизни наших предков. Времена меняются, а нравы остаются неизменными. Когда берут верх предубеждения, когда невежество и суеверия торжествуют, то равные права на жизнь приобретают и кикимора, и неприятели чужаков, которые «понаехали тут».

Т. Б. Ремезовская

ПЕРВАЯ ЗЕМСКАЯ АПТЕКА (ул. Ленина, 30)

Здание, в котором разместилась первая и в течение долгих лет единственная аптека Перми (ул. Ленина, 30), построено на рубеже XVIII-XIX вв.

Первоначально губернский город снабжался лекарствами из временной аптеки кунгурского лекаря 12 класса Рейхе, специально прикомандированного в Пермь после образования губернских учреждений¹. 21 декабря 1811 г. в ответ на прошение пермского губернатора Министр полиции «позволил учредить аптеку» в губернском городе Перми «под ведомством Приказа общественного призрения». Для этого Приказом приобретен у мещанина Калашникова за 5000 рублей каменный дом². В течение 1812 г. дом ремонтировался, закупалось необходимое оборудование и материалы. В ноябре 1812 г. «по свиде-

тельствующему... инспектора, достаточное количество лекарств изготовлено, и аптека в такой приведена порядок, что отпуск лекарств производится без всякой остановки»³. Официальное открытие состоялось 1 декабря 1812 г.⁴ Аптекарским чиновником Медицинский департамент назначил провизора Карла Румеля, бывшего гезелем (помощником аптекаря) при аптеке Приказа общественного призрения Томской губернии, с жалованием в 400 рублей в год⁵.

Основное назначение аптеки состояло в снабжении медикаментами Александровской больницы с домом умалишенных и богадельней.

Приказ общественного призрения следил не только за закупкой лекарств и оборудования, но и за тем, чтобы здание было максимально приспособлено для своих целей – в 1811—1829 гг. на ремонт и частичное переустройство затрачено 2.700 рублей 20 копеек. В 1826 г. на средства Приказа слева от здания аптеки по Покровской улице выстроена каменная лаборатория, стоимостью 3.048 рублей⁶.

В сентябре 1842 г. здание аптеки, как и большинство строений центральной части города, пострадало от большого пожара⁷, и было восстановлено с частичной перепланировкой по составленному в предшествующем, 1841 г., плану⁸.

1 января 1864 г. императором Александром II утверждено Положение о земских учреждениях – органах местного самоуправления, на которые возлагались: «заведывание земскими повинностями, капиталами и имуществом, делами по обеспечению народного продовольствия, земскими путями сообщения, взаимным земским страхованием имущества, лечебными и благотворительными заведениями, попечение об общественном призрении и народном образовании, восполнение земледелию, торговле и промышленности и т. д.»⁹ В Пермской губернии земские учреждения начали свою работу в 1870 г., приняв в свое управление учреждения Приказа общественного призрения.

Аптека в Перми, как и другие учреждения общегубернского значения, находилась в ведении Губернского земской управы¹⁰. В докладе о состоянии аптеки 1-му очередному губернскому земскому собранию было отмечено следующее: «254 ст. Устава Врачебного предписано иметь при аптеке: 1) комнату рецептурную; 2) материальную, расположенную так, чтобы ни сырость, ни излишняя теплота не могли изменять качество хранящихся в ней материалов и медикаментов; 3) кокторию (помещение, в котором готовят настои и отвары) и лабораторию; 4) сухой подвал; 5) ледник и 6) сушильню для врачебных растений и приличное сухое место для хранения трав, цветов, корок, корней и т. п. Сверх этих указаний закона практика показывает необходимость при вольной продаже лекарств иметь просторное помещение для рецептурной комнаты с приличною обстановкой.

Принятая ныне в земство аптека Приказа не представляет ни одного из тех требований, которые указывает закон и практическая необходимость. Рецептурная тесна, а обстановка ее обветшала до невозможности; материальная также требует распространения; коктория тесна, темна, с негодной печью, необходимых принадлежностей нет или они в самом жалком состоянии, шкафа для хранения посуды нет; внутренность лаборатории совершенно разрушена с давних времен; подвал наполнен постоянно водой; ледник требует переделки. Кроме того, некоторые печи и трубы нужно или заново переложить или исправить»¹¹.

Аптека в таком состоянии приносила значительные убытки, поэтому ставился вопрос о полной ее ликвидации или сдачи в аренду. Однако 2-е чрезвычайное Пермское губернское земское собрание пришло к выводу о необходимости приведения ее «в состояние вполне соответствующее ее назначению»¹². На первоначальные переделки требовалось по смете 3.809 рублей 40 копеек¹³.

Уже в следующем 1872 г. отмечалось, что «согласно желанию Пермского губернского земства аптека переделана: из нижнего этажа перенесена в верхний, вход в аптеку устроен вновь удобный... В настоящей аптеке нет теперь той тесноты и неопрятности, какие встречали ревизионные комиссии прежних собраний. В нижней этаже помещается квартира управляющего аптекой, и он ею доволен. Флигель при доме аптеки каменный, в котором помещалась на время перестройки по лету сего 1872 г. и самая аптека, очень тесна и грязна. Этот флигель для лаборатории и требует значительных переделок. В комнате лаборатории необходимо увеличить окна и сделать в своде потолка тягун (вытяжку). Нужно переделать все очаги и печи с теми приспособлениями, какие необходимы для аптечной лаборатории. Для складки склянок, трав, корней и проч. есть при флигеле хороший деревянный амбар, помещительный и сухой». А в 1873 г. оконные рамы заменили на новые со вставкой «бемских» стекол¹⁴.

После приведения в порядок помещения и управления, аптека начала приносить прибыль. Для губернской Александровской больницы медикаменты отпускались по себестоимости только с наложением накладных расходов. «Затем, уже при известной скидке с аптекарской таксы, установленной губернской управой с ведома Пермского губернского земского собрания, аптека производит вольную продажу лекарств по рецептам с уступкой 20 % и медикаментов без рецептов – 30 %, а общественные и благотворительные учреждения пользуются скидкой 50 %»¹⁵.

В 1882 г. вследствие «настояния» Пермского губернатора был возбужден вопрос о расширении помещения аптеки. Губернское земское собрание в 1884 г. поручило управе «через опытного техника составить план и смету на пристройку, что и было исполнено управой через архи-

тектора Дютель»¹⁶. По смете, составленной Дютелем, перестройка аптеки обошлась бы в 5534 рублей 75 копеек. Однако, в 1886 г. было решено, что необходимости в расширении аптеки нет¹⁷. В 1887 г. к этому вопросу вернулись, но проект Дютеля был отвергнут Врачебным отделением, так как он не мог исправить всех недостатков здания. После чего был предложен другой, «прежде составленный» план, на котором пристройка предполагалась не с левой, а с правой стороны, т. е. предлагалось соединить аптеку с лабораторией надстройкой второго этажа¹⁸.

На 15 чрезвычайной сессии Пермского губернского земского собрания, состоявшейся в мае 1887 г., было решено расширить здание аптеки в соответствии с предложенным проектом, открыв для этой цели кредит в 10 тыс. рублей, который должен был быть возмещен из прибылей аптеки¹⁹.

На 17 очередном собрании (январь 1887 г.) план откорректировали. По новому плану проезд во двор аптеки организовали не через арку между аптекой и лабораторией, а сквозь ворота по левую сторону аптеки²⁰.

По постановлению Губернской Управы от 26 июля 1887 г. все работы были сданы Пермскому купцу П. Е. Драгунову за 10 тыс. рублей, из которых 200 рублей удержано Управой за составление проекта. Все оговоренные по контракту работы Драгунов производил из своего материала и должен был окончить не позднее 1 августа 1888 г.²¹

Фактически, к осени 1888 г. были окончены кладка стен, перекрытия и столярные работы. Отделка интерьера старого здания аптеки не была произведена, так как Управа «затруднилась» перевести аптеку в пристройку, опасаясь сырости и неизбежной в этом случае порчи медикаментов²².

Полностью работы завершились летом 1889 г. Во время ремонта старого здания аптека помещалась в новой пристройке. По окончании работ она заняла весь верхний этаж. Половину нижнего, справа, занимала лаборатория и материальная, в другой половине, по-прежнему, осталась квартира управляющего. Тем же летом во дворе был построен погреб и навес, а сам двор вымощен²³.

В начале XX в. (до марта 1908 г.) химико-аналитическая лаборатория была переведена из здания аптеки на усадьбу приюта душевнобольных²⁴.

5 января 1918 г., на год раньше Декрета Совнаркома, и первыми среди городов Урала, все аптеки в Перми были национализированы²⁵.

Здание аптеки было муниципализировано в соответствии с Декретом ВЦИК от 20 августа 1918 г.²⁶ и продолжало использоваться по первоначальному назначению. В 1925 г. здесь располагалась Пролетарская аптека и контора Пермского отделения Уралмедторга²⁷. В 1933 г. – Уралмедснабпром, базисная аптека и оптическая мастерская²⁸. В 1935 г. – базисная аптека, Свердловмедснабпром²⁹. До 1968 г. аптека имела № 1, позднее – № 258³⁰.

На основании решения Малого Совета Пермского областного Совета народных депутатов от 20.05.93 г. № 683 и распоряжения Губернатора Пермской области от 05.12.2000 г. № 713-р здание является объектом культурного наследия регионального значения.

¹ ГАПО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 34. Л. 73.

² ГАПО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 75. Л. 7об.

³ Там же. Л. 73об.

⁴ ГАПО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 34. Л. 76.

⁵ Там же. Л. 2об.-3.

⁶ ГАПО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 75. Л. 7об.

⁷ РГИА. Ф. 773. Оп. 43. Д. 54. Л. 14-15; Дмитриев А. А. Очерки из истории губернского города Перми. – Пермь, 1889. – С. 215-216.

⁸ РГИА. Ф. 1488. Оп. 3. Д. 256.

⁹ Ежегодник Пермского губернского земства и календарь на 1914 г. – Пермь, 1914. – С. 48.

¹⁰ Журналы первого очередного Пермского губернского земского собрания декабрьской сессии 1870 г. с докладами Губернской управы и другими приложениями. – Пермь, 1871. – С. 110.

¹¹ Там же. С. 128-130.

¹² Журналы 2-го чрезвычайного Пермского губернского земского собрания с докладами Губернской управы. – Пермь, 1871. – С. 192.

¹³ Журналы первого очередного Пермского губернского земского собрания декабрьской сессии 1870 г. с докладами Губернской управы и другими приложениями. – Пермь, 1871. – С. 130.

¹⁴ Журналы Пермского губернского земского собрания третьей очередной сессии (1872 г.) с приложениями. – Пермь, 1873. – С. 209-210.

¹⁵ Журналы XVI очередного Пермского губернского земского собрания с приложениями. – Пермь, 1886. – С. 275.

¹⁶ Журналы XVII очередного Пермского губернского земского собрания с приложениями. – Пермь, 1887. – С. 207-210.

¹⁷ Журналы XVI очередного Пермского губернского земского собрания с приложениями. – Пермь, 1886. – С. 160.

¹⁸ Журналы XVII очередного Пермского губернского земского собрания с приложениями. – Пермь, 1887. – С. 210.

¹⁹ Журналы Пермского губернского земского собрания XV чрезвычайной сессии и доклады управы сему собранию. – Пермь, 1887. – С. 20.

²⁰ Журналы XVII очередного Пермского губернского земского собрания с приложениями. – Пермь, 1887. – С. 105-106.

²¹ Журналы XVIII очередного Пермского губернского земского собрания с приложениями. – Пермь, 1888. – С. 108.

²² Журналы XIX очередного Пермского губернского земского собрания с приложениями. – Пермь, 1889. – С. 224-225.

²³ Журналы XX очередного Пермского губернского земского собрания с приложениями. – Пермь, 1890. – С. 138.

²⁴ ГАПО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 5. Л. 89.

²⁵ 10 лет национализации аптек // Звезда. 1928. 18 янв.; Аптеке – 125 лет // Звезда. 1937. 4 февр.

²⁶ Список муниципализированных домов гор. Перми // Жилищный вопрос. – Пермь, 1923. – С. 44.

²⁷ Список абонентов Пермской окружной телефонной сети на 1925 год. – Пермь, 1925. – С. 24, 32.

²⁸ Справочник по городу Перми. – Пермь, 1933. – С. 22, 28, 48.

²⁹ Список абонентов Пермской автоматической телефонной станции с междугородными и районными линиями на 1935 год. – Пермь, 1935. – С. 9, 20.

³⁰ *Спешилова Е.* Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди: 1723-1917. – Пермь, 1999. – С. 212.

Е. П. Субботин

УСАДЬБА КУПЦА МАРТЫНОВА И ЕГО ДОЧЕРИ, ПОТОМСТВЕННОЙ ДВОРЯНКИ КОСТРОВОЙ (Торговая улица, 35)

Во время подготовки справочника «Кафедральное кладбище Перми» мое внимание привлекли две личности – дворянки Костровой Анны Петровны, скончавшейся 20-го (похороненной 22-го) октября 1916 г. от тифа в возрасте 32 лет (1), и ее отца – пермского купца 2-й гильдии Мартынова Петра Ивановича, скончавшегося 23-го (похороненного 26-го) декабря 1914 г. от паралича сердца в возрасте 65 лет (2). Оба похоронены на интересующем меня кладбище.

В Пермском областном архиве мне удалось ознакомиться с «Делом Пермской Дворянской Опекы об учреждении опекунского управления над имуществом и личностями детей умершей дворянки Анны Петровны Костровой» (3). В деле оказались:

а) биографические данные Мартынова и Костровой;

б) адрес их жительства – Торговая, 35 (ныне ул. Советская, 35; между ул. Сибирской и ул. Газеты «Звезда»). Дом этот прекрасно сохранился до наших дней.

Это исследование позволяет представить быт и жизнь пермяков рубежа XIX-XX веков, проследить историю дома.

Семья А. П. Костровой.

Родители: отец – Мартынов Петр Иванович, купец 2-й гильдии; мать – Мартынова Таисия Николаевна.

Муж – Костров Дмитрий Иванович, потомственный дворянин, Земской начальник 5-го участка Вятской губернии, коллежский асессор. По указу Его Императорского Величества определением правительствующего Сената от 27 ноября 1914 г. Костров Д. И. признан в потомственном дворянском достоинстве, с правом внесения в 3-ю часть дворянской родословной книги.

Сын Сергей (р. 11.8.1907, Пермь), крещен в Градо-Пермском Спасо-Преображенском соборе, восприемниками при крещении были: пермский 2-й гильдии купец Петр Иванович Мартынов и жена протоиерея Павла Дмитриевича Кострова.

Дочь Нина (р. 1.11.1915, Пермь), крещена также в этом соборе, восприемники при крещении – пермская мещанская вдова Мария Яковлева Мартынова и пермский мещанин Василий Александрович Афанасьев.

После смерти Анны Петровны Костровой ее муж, Дмитрий Иванович, подал Прошение в Пермскую дворянскую опеку о назначении его опекуном над оставшимися малолетними детьми, Сергеем и Ниной, и их имуществом. К Прошению, которое было удовлетворено, приложена опись недвижимого имущества, принадлежавшего Анне Петровне.

Недвижимое имение потомственной дворянки А. П. Костровой досталось ей в совладении с остальными наследниками (после смерти их матери, Таисьи Николаевны Мартыновой): Любовью Петровной Афанасьевой, Надеждой Петровной Зыряновой и Василием Александровичем Афанасьевым. Имение находилось в 1 части г. Перми, по Торговой улице в 44 квартале, под № 35(68).

Опись имущества.

«Имение это заключается в дворовом месте, с деревянным одноэтажным домом, с двухэтажным каменным домом, с двухэтажным каменным домом по улице, с двухэтажным полукаменным флигелем во дворе и надворными строениями.

Границы имения: составляют с лицевой стороны двора – Торговая улица, а с боков усадебные места, входя во двор по правую сторону Веры Кузьмовны Пермяковой, а с левой духовного ведомства (Архирейск. подворья).

Пространство дворового места занимает по улице 15 S саж., а во дворе 34 саж..

На описанном дворовом месте следующие строения:

1) Дом одноэтажный деревянный, на каменном фундаменте, крытый железом, длин. 8 саж., ширин. 5 саж. и высот. 2 саж., в котором 5 – комнат; одна русская печь с плитой и три голландских; 12 – окон, с двойными рамами. В доме полы, окна и двери окрашены масляной краской, а потолки и стены отштукатурены и стены оклеены обоями; дом требует капитального ремонта.

2) Дом каменный 2-х этажный, крытый железом, длин. 9 саж., ширин. 5,33 саж. и высот. 3,30 саж., в котором в верхнем этаже 5 – комнат, 10 – окон, с двойными рамами; одна русская печь и три голландских, а в нижнем этаже – магазин с входными дверями и двумя окнами с улицы, с одной голландской печью, на задах во дворе кухня с русской печью и 5 – окнами, с двойными рамами; в обоих этажах полы, окна и двери окра-

шены масляной краской, а потолки и стены оштукатурены; стены оклеены обоями. Между этим домом и деревянным домом вход с калиткой.

3) На дворе флигель 2-х этажный полукаменный, крытый железом, длин. 6 саж., ширин. 5,33 саж. и высот. 3,30 саж.; в обоих этажах 5 – комнат; во всем флигеле 20 – окон, с двойными рамами; две печи русская и голландская; полы, окна и двери окрашены масляной краской; стены оклеены обоями; потолки и стены оштукатурены. Флигель снаружи обит тесом и окрашен.

Примыкают к флигелю полукаменные сени длин. 2,50 саж., ширин. 1,50 саж. и высот. 1,30 саж.

4) Службы деревянные, крытые железом, длин. 9 саж., ширин. 4 саж. и высот. 1,33 саж.; при них навес на 4 каменных столбах, забран тесом и такой же навес на 5 деревянных столбах.

5) Службы деревянные, крытые железом, длиною 8 саж., ширин. 3 саж. и высот. 1,10 саж. ветхие.

6) Баня деревянная, крытая железом, длиною 5 саж., ширин. 2 саж. и высот. 1 саж., с сенями, крытые железом, длиною 2 саж., ширин. и высот. 1 сажень – (старая).

7) Дровяник – дощатый, крытый железом, длиною 5 саж., ширин. 1,8 саж. и высот. 1 саж.

8) Дровяник – дощатый, крытый железом, длиною 6,30 саж., ширин. 1,5 саж. и высот. 1 сажень.

9) Навес, крытый тесом, длин. 2,50x1,80 саж.

10) Беседка – ветхая.

11) Два отхожих места, деревянные, крытые тесом.

В описанном имении проживают квартиранты: в деревянном одноэтажном доме – фотограф Бабинцев (4) с платою 75 руб. в месяц; в каменном доме вверху – мастерская Окунь (5), с платою 60 руб. в месяц и внизу магазин Мориц и Брамер (6), с платою 125 руб. в месяц; в остальном флигеле живут: вверху – наследники Таисии Николаевой Мартыновой – Афанасьевы, с платою 65 руб. в месяц и внизу сироты потомственной дворянки Анны Петровны Костровой с платою 40 руб. в месяц.

Все вышеназванное имущество в настоящее время можно оценить в 80.000 руб.

Означенная опись была составлена 8 февраля 1917 г., согласно определению Пермской Дворянской опеки от 4 января за № 5, опекуном потомственным дворянином Дмитрием Ивановым Костровым, в присутствии члена Пермской Дворянской опеки Василия Васильева Хмелева и свидетелей, понятых пермского мещанина Василия Александровича Афанасьева и пермского мещанина Дмитрия Петровича Мартынова».

История дома.

1885 г. – дом записан на Мартынову Анфису (возможно, допущена ошибка, правильнее будет – Таисья – авт.) Николаевну (7).

В 1894—1909 г. – фотография Анатолия Анатольевича Москвина (8).

С 1912 г. – граверное заведение Кац Вохима Иевелевича (9)

В 1909—1916 г. – фотография Марии Григорьевны Морозовой (10).

1911—1913 г. – редакция еженедельного журнала «Искусство и жизнь», возглавляемая военным капельмейстером Михаилом Зиновьевичем Басовом-Гольдбергом (11).

С 1924 г. – в квартире № 3 жил старейший фотограф Матвей Осипович Кузнецов (12), первый председатель Пермской кооперативно-промышленной артели «Фото-коллектив», созданной 22 ноября 1929 г., расположенной в этом же доме.

1959 г. – магазин № 86 «Обувь» (13).

1964 г. – магазин «Сортируем овощи» (14).

Ныне по адресу ул. Советская, 35, с апреля 2008 г. расположены: на первом этаже здания Кредитное потребительское общество «Прикамье», на втором этаже – ООО «Промпотенциал» (теплоизоляционные материалы).

Источники:

1. Метрическая книга Пермского Спасо-Преображенского кафедрального собора на 1916 г. ГАПО. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1073. Л. 31об.-32.

2. Метрическая книга Пермского Спасо-Преображенского кафедрального собора на 1914 год. ГАПО. Ф. 37. Оп. 6. Д. 1057. Л. 39об.-40.

3. Дело Пермской Дворянской Опеки об учреждении опекунского управления над имуществом и личностями детей умершей дворянки Анны Петровны Костровой. ГАПО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 47.

4. Бабинцев Павел Яковлевич, пермский мещанин. В 1916 г. дал объявление в газете «Пермские губернские ведомости», что в его фотографии – Торговая ул., 35 – «Продаются по случаю ликвидации торговли фотографическими принадлежностями фотографические аппараты разм. 9x12, 13x18, 18x24, 24x30, дорожные 40x50, павильонный аппарат для колографий и копир. стол, а также объективы». (ПГВ. 1916. 23 июня).

5. Окунь Ицко Мейерович, гравер; мещанин Рогальского уезда, Могилевской губернии; держал в Перми в разные годы фабрику каучуковых штемпелей, граверное заведение, типографию для мелких работ. Изготавливал должностные знаки, пломбирные щипцы, клейма, визитки, издавал открытки.

Автор штемпелей, которыми гасились марки уездов Пермской губернии (Камышловской уездной управы, Красноуфимской уездной управы, – обе 1895 г.; Кунгурской уездной управы – 1908 г.). (*Руднев Ю.* Новое о земской почте и ее марках: Земская почта в Пермской губернии // Советский коллекционер. 1972. № 10. С. 87).

6. Мориц Генрих Карлович, рижский мещанин, и Брамер Николай Николаевич, в 1917 г. владели домом по улице Торговая, 26. (Список лиц и учреждений, имеющих, на основании ст. 24 Городового положения, Право участия в городском избирательном собрании для выборов гласных Пермской городской думы на четырехлетний срок с 1917 г. – Б. м., б. г. – С. 36).

7. *Минеев Г. И.* Полный адрес домовладельцев губернского города Перми с приложением подробного городского плана. – Пермь, 1886. – С. 35.
8. *Слешилова Е. А.* Старая Пермь. – Пермь, 1999. – С. 97.
9. Адрес-календарь Пермской губернии на 1913 год. – Пермь, 1913. – С. 183.
10. На Криворожской выставке пермская фотография М. Г. Морозовой получила большую золотую медаль. (*Трапезников В. Н.* Летопись города Перми. – Пермь, 1998. – С. 160).
11. В 1909 г. открыл с женой, Любовью Николаевной, музыкально-драматическую школу. (*Бартейл А.* История еврейской общины Перми. – Пермь, 2004. – С. 21).
12. Кузнецов Матвей Иосифович (29.11.1891, завод Ашар Осинского уезда Пермской губ. – 27.03.1984, Пермь), старейший фотограф Перми. В 1912–1926 гг. учился в Пермском художественном техникуме, в 1924–1929 гг. преподавал в нем. Участник выставок. Учредитель Пермского общества художников. (Данные предоставлены краеведом В. Семянниковым). Снимал в Перми в 1911 г. полет на аэроплане Василия Каменского (Вечерняя Пермь. 1981. 7 февр.), а в 1928 г. – Владимира Маяковского (Вечерняя Пермь. 1991. 12 нояб.).
13. Пермь: Краткий справочник. – Пермь, 1959. – С. 270.
14. Справочник абонентов Пермской МТС. – Пермь, 1966. – С. 77.

Т. Б. Ремезовская

ДОМ АРХИЕРЕЙСКИЙ

Архиерейский дом – хозяйственное управление при епископских кафедрах для содержания епархиальных архиереев. В функции архиерейского дома входят руководство хозяйством епископа, управление землями, угодьями и имуществом, заведование доходами и расходами и т. д. По организационной форме архиерейский дом представляет собой монастырь.

История кафедрального собора и покоев для архиерея с крестовой церковью начинается еще до образования Пермской епархии в 1799 г.

Еще в 1781 г. при активном участии Пермский и Тобольский генерал-губернатора Е. П. Кашкина был решен вопрос о переводе в Пермь Ставропигиального Преображенского Пыскорского монастыря. Указ Синода об основании монастыря последовал 3 апреля 1784 г.¹ В этот же год началась разборка монастырских зданий на р. Лытве, для доставки камня на судах в Пермь², и был составлен первый план, по которому предполагалось воздвигнуть монастырь на высокой Егошихинской горе, с восточной стороны от завода (современный район «Горки»). Последовавшая затем длительная переписка гражданских властей с епархиальными, затормозила дело на несколько лет³. Главное затруднение встретилось в недостатке средств для строительства, кроме того, затерялся сам план, составленный Кашкиным и исправленный Вятским еписко-

пом Лаврентием. Поэтому сменившему Кашкина А. А. Волкову пришлось в 1789 г. заказывать новый план. Его составителем был, вероятно, тобольский архитектор Гучев, выбравший новое место на Слудской горе, несмотря на то, что на Егошихинскую гору с немалыми трудностями была поднята часть материалов. На основании этого плана унтер-шихмейстер П. Т. Васильев, обучавшийся в известной московской школе М. Ф. Казакова, готовящей архитекторов не только для Москвы, но и для провинции⁴, составил чертежи и сметы на 151.313 р. 2 к. ассигнациями (из которых в Перми недоставало 135.920 р.)⁵. В 1791 г. чертежи были переделаны вятским губернским архитектором Ф. М. Росляковым, который и может рассматриваться как один из авторов первоначального проекта архиерейского дома и корпуса для монахов⁶. В 1792 г. поступило распоряжение Сената «*Присупить к строению*»⁷.

Первые здания монастыря были заложены 26 мая 1793 г. Местность была покрыта густым еловым лесом, который вырубил, оставив ряд деревьев для будущего сада. Прежде всего, возвели юго-западный жилой корпус с настоятельскими покоями и келейной церковью во имя св. Стефана Великопермского⁸. В 1797 г. началось строительство собора. Эти постройки и были переданы для организации епархиального управления, для того чтобы уменьшить казенные расходы⁹.

При первом епископе Иоанне Островском к бывшему настоятельскому дому, ныне покоям архиерея, были пристроены каменные флигели и служебные помещения, а так же продолжено строительство кафедрального собора¹⁰.

В 1818 г. на паперти собора заложена колокольня, возведение которой длилось более 14 лет.

В первой четверти XIX века усадьба Архиерейского дома, которая занимала весь квартал № 2 и значительную часть квартала № 1, постепенно застраивается со стороны Камы каменными корпусами. На углу Широкого переулка (ул. Кунгурская, Комсомольский пр.) располагался двухэтажный дом духовной консистории, к востоку от него: корпус ... в нем помещены для кладки железа кладовая и баня; корпус низменный; корпус небольшой, вмещающий в себе кузницу...; корпус каменный, занимаемый монашествующими Архиерейского дома ... в нем келий 8... под келиями устроен довольно просторный летний погреб, один амбар и один каретник; а в саду – двухэтажный дом летней резиденции архиерея¹¹.

В 1843 г. для духовной консистории строится новое здание (ул. Газеты «Звезда», 2), в бывшем устраиваются жилые кельи. Под жильем позднее перестраивается и корпус кузницы¹².

В 1850-е гг. по проекту губернского архитектора Г. П. Летучего собор соединяется при помощи крытых переходных галерей в единый комплекс с архиерейским домом и колокольней. Вокруг алтарной части фор-

мируется кладбище, на котором хоронили не только духовных лиц, но также многих именитых жителей губернии.

В 1860-е гг. весь квартал № 2 обнесен каменной стеной¹³, а в 1864 г. в саду вновь насадили деревья, разбили клумбы и проложили аллеи «английский манер»¹⁴.

Во второй половине XIX в. юго-восточная часть квартала была отведена под конюшенный двор, на котором построили также и деревянный дом с жилыми комнатами «для конюхов и другой прислуги...»¹⁵.

По «сведениям о казенных зданиях в г. Перми» за ведомством Архиерейского дома на 10 августа 1879 г. на участке по Монастырской (ныне Орджоникидзе) улице значилось каменное 2-этажное здание с 20 комнатами, три 2-этажных и два 1-этажных каменных флигеля. Помещения в них распределялись следующим образом: помещение архиерея – 9 комнат, келии братии и прислуги – 10, крестовая церковь – 2, епархиальное попечительство – 2, кухня архиерея – 1, квартира кафедрального протоиерея и священника – 12, кухня для певчих – 2, квартира для певчих – 9, квартира протодиакона – 6, летний дом архиерея – 6, канцелярия архиерея – 1¹⁶.

В 1893 г., оспаривая у города права на участок земли, примыкающий к зданиям Архиерейского дома со стороны р. Камы, Правление Пермского Архиерейского дома писало, что «...Правление Архиерейского дома не получает не каких материальных выгод от пользования этим местом... Оно представляется ему крайне необходимым только для того, чтобы оградить монастырские келии от непосредственного соприкосновения с улицей, где иногда происходят сцены житейские, совсем неприличные для взора монашествующей братии и потому, как известно, всегда монастыри окружаются стенами и заборами от сообщения с миром»¹⁷. Однако из сохранившихся документов Пермского Архиерейского дома становится ясным, что часть помещений на усадьбе Архиерейского дома отдавались в аренду как священникам, не служащим в кафедральном соборе¹⁸, так и мирянам¹⁹, а в переписке, относящейся к более позднему периоду Правление Архиерейского дома признавало, что священнослужители представляют большинство, но не всех обитателей архиерейского дома²⁰.

В 1895—1896 гг. по Набережной вместо небольшого корпуса, где располагались баня и погреб, строятся два полукаменных жилых дома²¹, изначально предназначенных для сдачи внаем²².

В апреле 1897 г. «на ограде Архиерейского дома» была начата постройка еще одного полукаменного двухэтажного дома «под наблюдением техника г. Турчевича и согласно составленного последним плана»²³.

В 1907—1908 гг. был перестроен корпус для певчих²⁴, после чего все пять домов, расположенным на усадьбе Архиерейского дома со стороны р. Камы, стали сдавать в аренду. Для первых этажей были устроены

входы со стороны набережной²⁵. При домах имелись: одна кладовая, 3 погреба, 6 дровяников и 4 амбара²⁶. Юго-восточная часть квартала продолжала использоваться как конюшенный двор.

Таким образом, был сформирован ансамбль Архиерейского дома с домом архиерея, кафедральным собором, кладбищем, садом, жилыми домами и службами, сохранившийся с некоторыми утратами до настоящего времени. За более чем вековую строительную историю прослеживается тенденция к периметральной застройке усадьбы, с все большим включением в нее зданий светского использования.

Строения были муниципализированы на основании декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»²⁷. Жилые дома по Набережной и угловой дом по Оханской улице (обозначенный на планах как «дом кучерской») использовались как муниципальное жилье. В архиерейских покоях разместили госпиталь Губэвака, Пермскому музею передали домовую Митрофаньевскую церковь²⁸, а с марта 1922 г. – здание целиком. После ремонта, 7 ноября 1922 г. в торжественной обстановке там открылась экспозиция художественного музея (сейчас Пермская государственная художественная галерея)²⁹. Кафедральный собор действовал до 1931 г. после чего был передан музею и переоборудован под художественную галерею, которая занимает его по настоящее время³⁰. В 1932 г. территорию архиерейского кладбища, сада и хозяйственного двора занял зоологический сад³¹.

Спасо-Преображенский кафедральный собор рассматривался как памятник истории и культуры с 1920-х гг. Постановлением Совета Министров РСФСР от 04.12.1974 г. № 624 кафедральный собор и здание архиерейского дома поставлены на государственный учет как памятники архитектуры республиканского значения. Жилые дома и архиерейское кладбище являются объектами культурного наследия регионального значения на основании решением малого Совета Пермского облисполкома № 683 от 20 мая 1993 г. и распоряжения Губернатора Пермской области № 713-р от 05.12.2000 г.

В настоящее время идет поэтапный процесс возвращения построек Пермского архиерейского дома Пермской епархии.

¹ ГАПО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 386. Л. 22.

² *Словцов И.* Пыскорский Преображенский ставропигиальный 2-го класса монастырь. – Пермь, 1869.

³ *Дмитриев А. А.* Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 года с приложением летописи города Перми с 1845 до 1890 года. – Пермь, 1889. – С. 46-49.

⁴ ПЕВ. 1881. С. 108.

⁵ *Дмитриев А. А.* Указ. соч. С. 46-49.

⁶ *Пестова А. И.* Пермский Спасо-Преображенский кафедральный собор как памятник архитектуры и интерьерного искусства второй половины 18 – нач. 20 вв. // Пермское Прикамье в истории Урала и России: (материалы Всероссийской науч. конф.). – Березники, 2000. – С. 270.

⁷ *Удинцев А.* Из прошлого // ПГВ. 1885. № 37. С. 4.

⁸ *Дмитриев А. А.* Указ. соч. С. 89-90.

⁹ Полное собрание законов Российской империи. – Т. 25. – СПб, 1830. – С. 813; ГАПО. Ф. 189. Оп. 1. Д. 5. Л. 23; Ф. 193. Оп. 1. Д. 2.

¹⁰ Адрес-календарь Пермской епархии на 1894 г. – Пермь, 1894. – С. 111.

¹¹ ГАПО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 147. Л. 34-36.

¹² ГАПО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 307. Л. 37.

¹³ ГАПО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 386. Л. 22.

¹⁴ ГАПО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 307. Л. 55.

¹⁵ Там же. Л. 53 об.

¹⁶ ГАПО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 338. Л. 52-53 об.

¹⁷ ГАПО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 285. Л. 7 об.-8.

¹⁸ ГАПО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 390. Л. 43.

¹⁹ Там же. Л. 10.

²⁰ ГАПО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 386. Л. 32 об.-33.

²¹ *Верхоланцев В.* Летопись г. Перми с 1890 по 1912 г. – Пермь, 1913. – С. 23.

²² ГАПО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 404. Л. 1, 2, 13.

²³ Там же. Л. 5.

²⁴ ГАПО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 448. Л. 1.

²⁵ ГАПО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 379. Л. 2, 3.

²⁶ ГАПО, Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 539. Л. 1.

²⁷ Список муниципализированных домов гор. Перми //Жилищный вопрос. – Пермь, 1923. – С. 28; ГАПО. Ф. р-1204. Оп. 1. Д. 13. Л. 120.

²⁸ ГАПО. Ф. р-19. Оп. 1. Д. 43. Л. 119.

²⁹ *Харитонова Е. Д., Серова С. В.* Пермский областной краеведческий музей: Исторические очерки. – Пермь, 1990. – С. 32.

³⁰ ГАСО. Ф. р-102. Оп. 1. Л. 842. Л. 10.

³¹ Звезда. 1998. 1 авг.

Е. Е. Боброва

«Я БЫЛА ОЧАРОВАНА ДОМОМ...»

(пермский Дом Дягилевых в воспоминаниях Е. В. Дягилевой)

В радостной атмосфере пермского дома на улице Сибирской сформировался целеустремленный характер, художественный вкус, а в душе навсегда поселилась любовь к искусству у будущего импресарио мирового масштаба Сергея Павловича Дягилева (1872—1929).

Елена Валерьяновна Дягилева (1852—1919) была второй женой отца С. П. Дягилева Павла Павловича Дягилева (1848—1914) – одного из девяти детей владельца Бикбардинского винокуренного завода ¹, глас-

ного Пермской городской думы, известного мецената Павла Дмитриевича Дягилева (1808—1883). Полковник П. П. Дягилев переехал с семьей в Пермь в августе 1879 г., но первое знакомство Е. В. Дягилевой с городом и домом состоялось весной 1876 г., когда большая семья Дягилевых собралась в Перми на свадьбу Николая Павловича Дягилева (1851—1897) – младшего брата П. П. Дягилева. «Я знала, что пермский дом большой, но вот и всё... – написала Елена Валерьяновна в своих воспоминаниях. – Никогда восторженных отзывов о нем, как, например, о Бикбарде, ни от кого в Петербурге не слыхала; может быть, оттого я и была так поражена им... Я никак не ожидала размеров, в которые попала, переступив его порог. Он произвел на меня впечатление продолжения Камы... Я была очарована домом...» ². Сравнение с рекой не случайно, так как Елена Валерьяновна прибыла в Пермь на пароходе, проводя, по собственному признанию, целые дни на палубе и с любопытством наблюдая за баржами, плотами – «плывущим уголком жизни» ³.

Знаменательно, что встречавший семейство сына на пристани П. Д. Дягилев в первый подъехавший экипаж сначала усадил невестку, а затем, как вспоминает сама Елена Валерьяновна, «приказал нянюшке подать мне Линчика ⁴ и прибавил: «Войди в мой дом с сыном твоим на руках».

В отличие от светлой атмосферы дягилевского дома («мы были все молоды, пока еще почти беззаботны, и нам было очень весело вместе» ⁵), пермское общество при первом знакомстве произвело на двадцатичетырехлетнюю женщину не самое лучшее впечатление. В отсутствие хозяйки дома Анны Ивановны Дягилевой (1818—1888) Елена Валерьяновна выполняла ее обязанности на танцевальном вечере, данном в честь жениха и невесты П. Д. Дягилевым в своем доме. Она была обескуражена следующим: «Со мной лично не отказывались беседовать, но при малейшей попытке моей обобщить разговор, соединиться группой, я встречала отпор: наступало грозное молчанье, и взгляды дам скрещивались как шпаги. Оказалось, что большинство в споре друг с другом и не разговаривают между собой» ⁶. Призывы Елены Валерьяновны о помощи, обращенные к братьям мужа, вызывали смех и совет предоставить гостей самим себе. Улучшил настроение молодой хозяйки лишь сюрприз, который пермские Дягилевы приберегли к ужину: «Из дальнего угла громадной столовой, где был накрыт отдельный стол, раздалось вдруг стройное красивое пенье: это был лидертафель ⁷ Пермского музыкального кружка, основанного Иваном Павловичем. Эти квартеты а capella были прямо удивительны. Голоса чудесные, исполнение прекрасное» ⁸.

Иван Павлович Дягилев (1838—1906), о котором упоминает Елена Валерьяновна, это старший брат ее мужа, земский деятель, первый председатель Осинского уездного земского собрания и уездной управы ⁹.

Он играл на нескольких музыкальных инструментах, имел репутацию отличного аккомпаниатора, дирижировал оперными спектаклями в Перми, собрал хорошую музыкальную библиотеку. Усилиями И. П. Дягилева в 1870 г. в Перми впервые была поставлена опера М. Глинки «Жизнь за царя», любимое произведение семьи Дягилевых на протяжении нескольких последующих поколений¹⁰. Музыкальный кружок, созданный по инициативе И. П. Дягилева в 1874 г., по мнению исследователей, сыграл большую роль в воспитании многих пермяков, не говоря уже о младшем поколении Дягилевых (Сергее, его сводных братьях, кузенах и кузинах). Репертуар кружка был достаточно разнообразен: романсы, народные песни, арии и сцены из опер «Евгений Онегин», «Русалка», «Трубадур», «Эрнани». «Жизнь за царя» в концертном исполнении, а иногда и с привлечением профессиональных артистов, более пятидесяти раз была поставлена кружковцами. Часто концерты в доме Дягилевых, так же, как и концерты музыкального кружка в Благородном собрании, заканчивались «живыми» картинами на темы живописных работ русских художников, сценами из опер¹¹.

Когда семья П. П. Дягилева – его жена, сыновья Сергей, Валентин (1875—1929) и Юрий (1878—1957) – переехала в Пермь (чего очень желал П. Д. Дягилев), Павла Павловича в 1881 г. выбрали старшиной музыкального кружка, который, по наблюдению Е. В. Панаевой, казалось, пережил уже период расцвета и пребывал в агонии, но «Павел Павлович воскрешает его к радости всего общества»¹². П. П. Дягилев обладал прекрасным голосом и был одаренным музыкантом. Все свободное от службы время отдавал музыкальным занятиям, участвуя в домашних музыкальных спектаклях и концертах. Между тем, полковник Дягилев в Перми в 1883—1893 гг. служил уездным воинским начальником, а в 1884—1888 гг. выполнял также обязанности командира Ирбитского отдельного батальона, расквартированного в Перми.

В 1884 г. «Павел Павлович складывает с себя звание старшины Благородного собрания и возвращает свои членский взнос. Все офицеры Пермского гарнизона следуют его примеру. Причина – драка в стенах собрания двух членов, которых не исключают за неприличное поведение. В обществе по этому случаю переполох. Город предоставляет Павлу Павловичу помещение для офицерского собрания»¹³.

Пермское общество начала 1880-х гг. так характеризуется Еленой Валерьяновной: «Местная коренная часть его состояла исключительно из купцов, очень крупных богачей и помельче. Пришлый же элемент, самый разношерстный, принадлежал миру чиновников, которых служба забрасывала сюда со всех сторон России и которые большей частью смотрели на пребывание свое в Перми, как на переходную ступень к получению места в более центральные губернии. Местных

дворян в Пермской губ. нет. Землевладельцы ее записаны в дворянские книги других губерний (кажется, преимущественно в Московской) и самые крупные из них, как Строгановы, Демидовы, Голицыны и т. п., не живут в своих пермских владениях. А из менее крупных только и находились налицо Дягилевы, Голубцовы и впоследствии Сатины (наследники имений Всеволожских)»¹⁴.

Глава дома П. Д. Дягилев активно занимался благотворительностью и ввел Елену Валерьяновну в местное дамское благотворительное общество, в котором сам состоял казначеем. Сложившийся уклад дягилевского дома настраивает Е. В. Дягилеву, человека внимательного, с добрым сердцем, на участие в «общественно-полезных» акциях, концертах. В то же время годы пребывания в Перми связаны с некоторыми не самыми приятными, а, порой, и трагичными событиями в жизни дома. Так, некоторое время спустя после убийства в Петербурге в 1881 г. императора Александра II, в доме Дягилевых арестовывают семинариста Платона Кудрявцева, «рекомендованного в репетиторы к сыновьям Ивана Павловича самим архиереем»¹⁵. По сведениям краеведа В. Н. Трапезникова этого семинариста подвергли тюремному заключению на два месяца и надзору полиции в Перми на год за то, что при обыске у него была найдена часть нелегальной подпольной семинарской библиотеки: сочинения Писарева, «Исторические письма» Лаврова, «Политическая экономия» Милля с примечаниями Чернышевского, прокламации исполнительного комитета партии «Народная Воля»¹⁶. Е. В. Дягилева отмечала, кстати, что политика – «слабость большинства из Дягилевых»¹⁷.

В 1882 г. происходит пожар в надворных постройках пермского дома¹⁸. В этом же году заболевает Павел Дмитриевич и в январе 1883 г. умирает¹⁹. После смерти главы большой семьи Дягилевых по решению его вдовы Анны Ивановны, унаследовавшей все имущество, хозяином дома «назначается» старший сын Иван Павлович Дягилев, который очень дружен с братом Павлом Павловичем и невесткой Еленой Валерьяновной. Последняя на страницах своих воспоминаний часто называет деверя Ванюшкой или Жанушкой. Еще один брат – Николай Павлович, дипломированный юрист – в 1883 г. переводится на службу в Пермь товарищем прокурора²⁰. В родовом гнезде Дягилевых по-прежнему многолюдно, не смолкают звуки рояля и детский смех. В 1883 г. одиннадцатилетний Серёжа Дягилев поступил во второй класс мужской гимназии, не забывая о занятиях музыкой под руководством одного из старшин музыкального кружка, руководителя хоров на всех концертах, гимназического преподавателя немецкого языка Эдуарда Эдуардовича Деннемарка. Бывал у Дягилевых и выпускник Миланской консерватории Эдуард Степанович Кабелла, создавший в 1886 г. первую музыкальную школу в Перми²¹.

Нередкий гость в пермском доме Дягилевых – сестра Е. В. Дягилевой Александра Валерьяновна Карцова (1853—1942) – певица, ученица Полины Виардо. В 1887 г. «Карцовы приезжают к нам после сезона в Лондоне», – пишет Е. В. Дягилева²². Александра Валерьяновна охотно занималась с племянником Сережей вокалом и выступала на домашних концертах.

На одном из традиционных костюмированных балов у Дягилевых в 1889 г. побывал Адольф Рейзенауэр (1863—1907) – известный пианист, совершавший концертные туры по Германии и России, в том числе и по городам Урала и Сибири. Любопытно, что с записью об этом событии в воспоминаниях Е. В. Дягилевой соседствует такая информация: «Незнакомая парочка Щерба-Раввич застряла в Перми по дороге в Сибирь вследствие весенней распутицы и прогостили у нас два месяца»²³.

Последние два года пребывания в Перми были не слишком счастливыми для Елены Валерьяновны. Сыновья далеко, учатся в Петербурге (Сергей в университете, Валентин и Юрий в Александровском кадетском корпусе), а мужа подводит здоровье. Самое же главное, дом, ставший родным и любимым, в 1891 г. «конкурсным управлением по делам несостоятельных должников Дягилевых» продан за долги Городскому обществу и земству. Елена Валерьяновна с мужем переселяются «в домик Капачинского с тремя окошечками на улицу»²⁴. Она вынуждена давать уроки пения, но, несмотря на испытываемые семьей финансовые трудности, продолжает заниматься общественной деятельностью и участвует в подготовке концерта в пользу голодающих – «последнее наше общественное дело в Перми»²⁵.

Павел Павлович и Елена Валерьяновна Дягилевы окончательно уехали из Перми в 1893 г. В дягилевском доме в 1894 г. разместилась женская прогимназия, преобразованная в 1907 г. в гимназию имени императора Александра II. В настоящее время здесь расположено учебное заведение, сохраняющее лучшие традиции гимназического образования – гимназия № 11 им. С. П. Дягилева.

В вышедшем в 2005 г. своеобразном путеводителе – книге прогулок по Перми – можно прочесть: «Теперь в Доме Дягилева другая атмосфера... В одной из комнат воссоздана обстановка старого особняка. На стене висит громадное зеркало в старинной резной раме. Когда отражаешься в его чуть дымчатой от времени поверхности, кажется, что перемещаешься в иное, далеко отстоящее от окружающего движения, шума и гула ребячьих голосов пространство. Уйдешь, а твоё отражение так и останется в туманном зазеркалье»²⁶.

¹ Бикбарда – родовое имение Дягилевых в Пермской губернии. Здесь располагался винокурный завод, больница, школа, трактир, гостиница

двор, господский дом с прудом, стояла церковь, заложенная Дмитрием Васильевичем Дягилевым (1773–1823) и перестроенная в 1850 г. его сыном Павлом Дмитриевичем.

² Дягилева Е. В. Семейная запись о Дягилевых. – СПб.; Пермь, 1998. – С. 150.

³ Там же. С. 147.

⁴ Линчик – Валентин Павлович Дягилев (1875–1929), сын П. П. и Е. В. Дягилевых. В будущем – профессор военной истории. Получил хорошее музыкальное образование, по семейной традиции пел и играл на различных музыкальных инструментах. Тесно общался со старшим братом Сергеем вплоть до его отъезда за границу, помогая в организации художественных выставок.

⁵ Дягилева Е. В. Семейная запись... С. 150.

⁶ Там же. С. 151.

⁷ Лидертафель (Lidertafel, нем.) – певческое общество.

⁸ Дягилева Е. В. Семейная запись... С. 151.

⁹ На территории Осинского уезда Пермской губернии располагались имения Дягилевых Бикабарда и Николаевское.

¹⁰ Дягилева Е. В. Семейная запись... С. 252.

¹¹ Егорова Е. И. Семья Дягилевых и культурная жизнь Перми XIX века // Сергей Дягилев и художественная культура XIX–XX веков. 17–19 апреля 1987 г.: Материалы науч. конф. – Пермь, 1989. – С. 8.

¹² Дягилева Е. В. Семейная запись... С. 197.

¹³ Там же. С. 201.

¹⁴ Там же. С. 197.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Трапезников В. Н. Летопись города Перми. – Пермь, 1998. – С. 85.

¹⁷ Дягилева Е. В. Семейная запись... С. 99.

¹⁸ Там же. С. 199.

¹⁹ Там же. С. 200.

²⁰ Там же.

²¹ Егорова Е. И. Семья Дягилевых и культурная жизнь... С. 8–9.

²² Дягилева Е. В. Семейная запись... С. 203.

²³ Там же. С. 203.

²⁴ Там же. С. 207.

²⁵ Там же.

²⁶ В поисках Юрятина: Литературные прогулки по Перми. – Пермь, 2005. – С. 155.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИНТЕРЬЕРОВ ДОМА ДЯГИЛЕВЫХ

После отъезда семьи Дягилевых из Перми в Санкт-Петербург дом, располагавшийся на пересечении улиц Сибирской и Большой Ямской, был передан женской прогимназии. Несколькими годами позднее была проведена его перестройка, со стороны улицы Большая Ямская (ныне ул. Пушкина) появился двухэтажный пристрой. Интерьеры бывшего жилого дома были видоизменены, приспособлены под учебные классы. Таким образом, память о бывших хозяевах дома была стерта на многие десятилетия. Те, кто обучался в советский период в школе № 11 им А. М. Горького, и не подозревали о том, насколько богатая культурными традициями жизнь дома Дягилевых протекала в этих стенах столетие назад. На протяжении последних двадцати лет ведется работа по возрождению Дома Дягилевых. Создан мемориальный музей, экспозиция которого повествует о месте и роли Дягилевых в судьбе России, о пермском периоде жизни великого импресарио – С. П. Дягилева, содержит материалы о прославленных «Русских сезонах», представляет зрителям коллекции современного искусства.

Идея реконструировать исторические интерьеры дома Дягилевых легла в основу музейных экспозиций, раскрывающих не только внешнюю, но и внутреннюю, весьма насыщенную духовно-творческую жизнь «Пермских Афин», именно так называли дом Дягилевых в XIX веке.

Историко-культурное экспозиционное пространство призвано выполнять функции своеобразной завязки действия. Посетитель, попадая в интерьеры старинного дома, получает возможность пребывать в пространстве провинциальной дворянской культуры.

Предметом проектирования стала базовая часть провинциальной культуры – бытовая среда, бытовая типология: архитектура и интерьеры дома, способы, формы и продукты хозяйствования, особенности конструкции и стилистики окружающих вещей. Словом, все то, что характеризует внешний образ того времени.

Таким образом, акцентируя внимание на бытовых функциях, мы готовим базу для эмоционального и интеллектуального восприятия условной модели эпохи второй половины XIX в., точнее, её внешнего, социально-бытового и историко-информативного пласта. А эта модель является основой следующего, более сложного уровня экспозиций, поскольку этот философско-поэтический уровень, где исследуется не быт, а Бытие, является основным объектом концепции реконструкции интерьеров.

Фото 1880-х гг. передает облик гостиной в доме Дягилевых – одного из наиболее богато отделанных помещений. Диваны, кресла, столики, расставленные группами вдоль стен, располагали к отдыху и беседе. Люстры подчеркивали парадный характер комнаты. Паркет был наборного дерева, сложного рисунка. В общем ансамбле комнатного убранства большую роль играла драпировка окон.

Из воспоминаний современников Дягилевых мы узнаем, что в гостиной имелся рояль фирмы «Шредер», пианино и богатая нотная библиотека. По четвергам в доме устраивались большие приемы: собирались члены пермского музыкального кружка, близкие знакомые: учителя, врачи, инженеры. На концертах исполнялись романсы, народные песни, арии; играл струнный квартет чиновника акцизного управления М. П. Норина и пели хоры и ансамбли под руководством Э. Э. Деннемарка. Часто концерты в доме Дягилевых заканчивались живыми картинами на темы живописных работ русских художников, домашними спектаклями, сценами из опер – непременно элементом семейных вечеров и литературно-художественных салонов.

Воссозданные к настоящему моменту «гостиная», «столовая» и «кабинет» – это мемориально-иллюстративные экспозиции, построенные по тематико-хронологическому принципу.

Экспозиция «Гостиная семьи Дягилевых» состоит из нескольких эпизодов. Главная ее составляющая – фрагмент залы, реконструированный по старинной фотографии. Далее представлены экспозиции, раскрывающие темы: «Русские сезоны С. П. Дягилева», «Театрально-декорационное искусство». А справа, вдоль стены, ряды кресел. Возможно, это места для друзей и знакомых, приглашенных Дягилевыми, а может быть это места, оставленные для наших современников, потенциальных посетителей музея, слушателей музыкально-поэтических вечеров и камерных концертов.

Основная задача музейной реконструкции – восстановление типологических интерьеров или их фрагментов. К сожалению, полностью восстановить все интерьеры особняка Дягилевых не представляется возможным по двум причинам.

Во-первых: там, где в позапрошлом столетии находились жилые комнаты, сейчас размещены учебные классы. Согласно плану пермского дома, выполненного тринадцатилетним Валентином Павловичем Дягилевым (Линчиком), столовая находилась в той части дома, где сейчас расположен проходной выставочный зал. Перестройка центральной части дома, осуществленная в начале XX века, значительно изменила очертания отдельных жилых помещений.

Во-вторых: не сохранилось в достаточном объеме вещественных и документальных источников для полной реконструкции внутреннего убран-

ства жилого дома. Дошедшие до нас старинные фотоснимки конца XIX века точно передают облик лишь отдельных интерьеров дома Дягилевых.

На одном из них запечатлена комната Елены Валерьяновны. Перед нами интерьер «уютной роскоши» с некоторой избыточностью мебели, драпировок, дорогих украшений – символом домашнего благополучия. Плавные округлые формы мебели создавали впечатление удобства, прочности и комфорта. Мягкая мебель, удобная, небольших размеров, обитая пестрой материей. Характерно ее определение – «без дерева», т. е. без четкой архитектурной структуры мебели ампира. Ансамбль убранства дополняли бронзовые канделябры, декоративные вазы, часы и другие предметы. В простенках комнаты размещались зеркала с подстолями, декорированными изделиями из бронзы и фарфора. Все это превращало комнату в подобие шкатулки с драгоценностями. Зелень в интерьере превращает уголки комнаты в экзотические садики, обрамляя окна, отделяя еще более дом от суеты и шума города. Как-то особенно внушительно висела на окнах бархатная драпировка; мебель, зеркала – все это было тяжеловесно-богато. В городе жизнь текла медленно, «на улицах никому не тесно», за окнами дома – низкая застройка, оставлявшая простор для глаза; небо, зелень, свет.

Существует документальная база и для экспозиционной интерпретации темы «Кабинет Павла Дмитриевича Дягилева». Просторный кабинет украшал большой письменный стол. Убранство отличалось обилием фотографий, которыми заполнялись не только стены, но каждое свободное место на столиках, этажерках. Небольшие, обычно в строгом обрамлении фотографические портреты заполняли пространство стен. Немало способствуя зрительной дробности интерьеров, фотографии как бы подчеркивали и то ощущение тесноты, которая располагала к уюту. Фотографии привносили в интерьер лирику воспоминаний, сохраняли связь времен, оставаясь подчас тем единственным, что хранило память о давнем доме.

Итогом исследования материалов о домашней библиотеке Дягилевых стала выставка книг, представленная в одной из витрин в экспозиции «Кабинет П. Д. Дягилева». В течение нескольких десятилетий существования мемориального музея в его фондах собрано большое количество уникальных печатных изданий. Возможно, в будущем посетитель увидит две библиотеки: одну – условно-мемориального характера, другую – живую, действующую, способную обслужить читателей, состоящую из книг по истории, культуре и искусству России и Прикамья.

Павел Корибут-Кубитович – двоюродный брат Сергея Дягилева – вспоминал: «На стенах столовой и громадного кабинета деда висели большие старинные гравюры Рембрандта, Рафаэля, Рубенса и проч. В шкафу у деда хранились великолепные издания музеев Мюнхена, Флоренции, Парижа; дед позволял рассматривать их в своем присутствии, и Серёжа уже с детства знал имена и произведения многих великих художников»¹.

Пермский краевед В. А. Дылдин на основе письменных источников и фотодокументов изучил историю создания художественной коллекции Дягилевых. Он высказал предположения о том, какие живописные и графические работы украшали интерьеры старинного дома: «Воссоздать интерьеры комнат в бывшем доме Дягилевых на Сибирской представляет большую трудность. Без знания того, что украшало стены особняка, при жизни прежних хозяев, это будет почти невозможно»².

Предстоит уточнить, какие именно произведения были в пермском особняке Дягилевых. Возможно, в будущем отдельные музейные экспозиции будут дополнены копиями живописных произведений, некогда украшавших стены дома на улице Сибирской.

В ближайшем будущем будет продолжена работа по реконструкции исторических интерьеров Дома Дягилевых на основе имеющихся документальных, вещественных источников, и посетители смогут увидеть экспозиции, воссоздающие творческую атмосферу «Пермских Афин».

¹ Лифарь С. Дягилев. – СПб., 1993. – С. 26.

² Сергей Дягилев и русское искусство XIX-XX вв.: Культурные и стилевые традиции на рубеже веков: Материалы науч.-практ. конф. – Пермь, 2002. – Т. 2. – С. 174.

Т. Н. Карлюк

УНИКАЛЬНЫЙ ОСОБНЯК В МОТОВИЛИХЕ (мемориальный дом-музей Н. Г. Славянова)

Есть в Перми, по ул. 1905 года (бывшая ул. Большая) дом № 37, весьма характерный для городской застройки конца XIX в. Здесь с 1888 по 1893 гг. жил со своей семьёй выдающийся инженер-металлург, изобретатель дуговой сварки плавящимся металлическим электродом Николай Гаврилович Славянов (1854—1897).

Вся изобретательская деятельность уроженца Воронежской губернии, выпускника Санкт-Петербургского горного института Н. Г. Славянова неразрывно связана с Пермью, куда он приехал в 1888 г., получив назначение на Пермские пушечные заводы. Став управителем оружейных и механических фабрик, а с 1891 г. – горным начальником крупнейшего завода России, Николай Гаврилович проводил научные изыскания в области электротехники, металлургии, механики. Электросварка, впервые продемонстрированная им в 1888 г., была запатентована не только в России, но и во Франции, Италии, Австро-Венгрии, Бельгии, США и Швеции.

Дом в Мотовилихе, по ул. Большой, 37, в котором он сделал все свои мировые изобретения, был построен по его проекту. Судя по старинным фотографиям, здание выглядело живописно: одноэтажный кирпичный особняк с семью окнами по фасаду и фигурным фронтоном; имелись особой конструкции тротуары и фонари, а также палисадник с узорчатым забором¹.

Это был тёплый уютный дом, с отоплением из восьми печей; освещался пятьюдесятью лампочками². При установлении Советской власти и национализации зданий Мотовилихинского завода в 1918 г. дом был отдан под рабочий клуб, затем в нём в разное время размещались библиотека им. Я. М. Свердлова, отдел технического обучения, кладовая ВОХР, камера хранения, гаражи цеха № 64 и другие службы.

До нас дом Н. Г. Славянова дошёл в следующем виде. Одноэтажное прямоугольное кирпичное здание, снаружи оштукатуренное под рустовку, главный фасад которого выходит на ул. 1905 года семью окнами. Стены завершены зубчатым карнизом. Центр главного фасада выделен орнаментом. Углы здания отмечены рустованными пилястрами.

Первоначальный облик здания изменён поздними перестройками: заложена кирпичом часть проёмов (возможно, оконных или дверных), к боковому левостороннему фасаду пристроено парадное крыльцо. С западной стороны главного фасада, почти в центре наружной стены, находится оконный проём. Раньше это, скорее всего, были двери, ведущие в жилое помещение.

В конце XIX в. дом Н. Г. Славянова стал центром, где собиралась техническая интеллигенция Мотовилихи. Здесь обсуждали новинки науки и техники, размышляли о путях развития электротехники в России.

Сегодня двери дома гостеприимно распахнуты для жителей и гостей краевого центра. Мемориальный дом-музей Н. Г. Славянова принял первых посетителей в 1988 г.

Авторы экспозиции, научные сотрудники Пермского областного краеведческого музея попытались воссоздать обстановку тех лет, когда здесь жила семья Славяновых.

Особое место в экспозиции занимает уникальный экспонат – «стакан» Славянова – образец электросварки из черных и цветных металлов, отмеченный дипломом и медалью Всемирной выставки в Чикаго в 1893 г.

В доме есть уютная гостиная, где в конце XIX в. устраивались музыкальные вечера, на которых звучали произведения П. И. Чайковского, Л.-В. Бетховена, И.-С. Баха в исполнении хозяина дома. В семье Славяновых были сильны музыкальные традиции. Николай с детства запомнил, как в родовом имении, в селе Никольское Задонского уезда Воронежской губернии, он с братьями и сестрами принимал участие в семейных музыкальных вечерах. На втором этаже деревянного дома

в Никольском была музыкальная комната, и всех детей (их было в семье одиннадцать человек) учили играть на рояле, скрипке, виолончели, флейте. Домашние концерты Славяновых славились среди окрестных помещиков и привлекали много гостей³.

Занятия музыкой Николай продолжил в студенческие годы. Во время учебы в Петербургском горном институте, даже будучи очень стесненным в денежных средствах, он брал напрокат пианино, платя за это вдвое дороже, чем за комнату, которую он снимал⁴.

Увлечение музыкой Н. Г. Славянов пронес через всю жизнь. В его пермском доме имелись фисгармония и рояль. Николай Николаевич Славянов, старший сын ученого, ставший впоследствии гидрогеологом, членом-корреспондентом АН СССР, вспоминал, как в доме по ул. Большой занятия научной работой сменялись у отца отдыхом за роялем или фисгармонией. Игра на рояле иногда длилась часами. Любимой музыкой отца была классическая, особенно произведения Бетховена, и среди них – «Лунная соната»⁵.

Николай Гаврилович учил музыке своих детей. Особенно хорошо научился играть на рояле Александр, к тому же он и пел приятным баритоном.

На домашних вечерах после Николая Гавриловича музыкальные произведения исполняли Варвара Васильевна, сыновья Николай и Александр, и дочь Людмила. Случалось, на этих вечерах бывали рабочие с электролитной фабрики.

На святках в доме устраивались балы-маскарады, спиритические сеансы за круглым столом, во время которых обитатели дома и их гости вызывали из «загробного мира» души знаменитых физиков и электротехников. Сеансы продолжались, пока на проделках с «духами» не была поймана одна из знакомых. После обнаружения жульничества сеансы прекратились. Также в гостиной проходили веселые журфиксы (званные вечера).

Теперь, как и прежде, в центре гостиной стоит беккеровский рояль, по вечерам зажигается люстра, и комната наполняется чарующими звуками старинных вальсов и романсов. Проведение музыкальных вечеров и праздников (Рождество, Масленица, Пасха) в духе семейных традиций Славяновых – стало в музее доброй традицией.

Сохранился рабочий кабинет ученого. Большой письменный стол из резного дуба, покрытый зеленым сукном, за которым было удобно и спокойно работать, прекрасная библиотека – именно здесь рождались замыслы новых технических изобретений.

Побывав в 1885 г. в заграничной командировке в Бельгии и Германии и увлекшись электротехникой, Николай Гаврилович переоборудовал одну из комнат дома под опытную мастерскую и лабораторию. Здесь он проводил много времени, разрабатывая сначала модели, а затем рабочие чертежи своих проектов⁶.

О судьбе творческого наследия хозяина дома рассказывают материалы, посвященные современным способам сварки. Посетители музея могут познакомиться с использованием новых видов сварки и конструкционных материалов в различных областях науки и производства.

На сегодняшний день музей получил известность как историко-технический центр. Наряду с постоянной экспозицией работают различные выставки, позволяющие расширить познания в области науки и техники истории края.

Сотрудники музея решили не ломать прекрасных традиций гостеприимного в прошлом славяновского дома. И сейчас, как и прежде, в нем устраиваются шумные весенние, летние и зимние праздники с «живыми картинами», шарадами, розыгрышами, просмотром картин волшебного фонаря, танцами.

Растут фонды музея. Неожиданны судьбы вещей, необычны пути, которыми они приходят в музей, чтобы остаться здесь навсегда, обретая новую жизнь – жизнь музейного экспоната. С момента создания дома-музея Н. Г. Славянова источники поступления экспонатов были самыми разными. Так, в 1988 г. внук ученого, В. Н. Славянов передал в музей личные вещи деда – письменный стол, кресло, два стула. В 1989 г. прелестный предмет прикладного искусства середины XIX в. – серебряное пасхальное яйцо, украшенное китайской финифтью, семейную реликвию рода Славяновых, – принес пермский краевед М. Н. Колпаков. Значительно пополнились фонды музея в год его 10-летнего юбилея. Давний друг музея, заслуженный художник России А. Н. Тумбасов подарил свой пейзаж с видом окрестностей города Железноводска, где старший сын выдающегося электротехника, Н. Н. Славянов, известный ученый в области изучения минеральных вод, открыл ряд источников.

Среди учреждений-дарителей – АО «Пермские моторы», Технический Университет, Киевский институт электросварки им. Е. О. Патона, Московский политехнический музей и др.

За последнее время фонды музея пополнились материалами, полученными в результате переписки с родственниками Н. Г. Славянова. Так, внук Николая Гавриловича, Владимир Николаевич Славянов, кандидат геолого-минералогических наук, автор более ста научных работ и ряда изобретений прислал множество копий интереснейших документов – среди них «Геральдические ведомости» (1995 г.) с перечнем знаменитых предков, а также «Диплом», выданный самому Владимиру Николаевичу Союзом потомков российского дворянства. Из Санкт-Петербурга, от другого внука ученого, Александра Николаевича Славянова пришла бандероль с богатейшим документальным материалом – сведения о братьях Николая Гавриловича.

Тот факт, что коллекции мемориального дома-музея Н. Г. Славянова формируются при широчайшем участии общественности, придает им своеобразную и неповторимую ценность. Вот почему с момента открытия музея составной частью экспозиции стала выставка даров.

На сегодняшний день музей в славяновском доме посещают не только специалисты сварочного производства, но и воспитанники детских садов, школьники, студенты гуманитарных факультетов вузов города и зарубежные гости.

В музее постоянно устраиваются выставки из богатейших фондовых коллекций Пермского краевого музея. Если вспомнить, что слово музей происходит от греческого «храм муз», то можно без преувеличения сказать: в мемориальном доме-музее Н. Г. Славянова каждый находит свою музу.

¹ ГАПО. Ф. р-33. Оп. 5. Д. 680. Л. 75.

² ГАПО. Ф. р-33. Оп. 1. Д. 8. Л. 24-26.

³ Шарц А. К. Николай Гаврилович Славянов. – Пермь, 1965. – С. 5.

⁴ Чеканов А. А. Николай Гаврилович Славянов. 1854–1897. – М., 1977. – С. 31.

⁵ Славянов Н. Н. Воспоминания об отце // Электричество. 1954. № 6. С. 84.

⁶ Битинская Л. Н. Биографический очерк о жизни и деятельности Н. Г. Славянова // Славянов Н. Г. Труды и изобретения. – Пермь, 1988. – С. 259.

В. С. Колбас

ВКЛАД Л. С. КАШИХИНА В ИЗУЧЕНИЕ АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ ПРИКАМЬЯ (гостиница «Королёвские номера» в Перми)

Историк-архивист Леон Сергеевич Кашихин (1932—1997)¹ с 1984 г. и практически до конца своих дней трудился в должности искусствоведа в Пермском специальном научно-реставрационном управлении, где занимался, в основном, составлением исторических записок на памятные места и отдельные памятники истории и культуры. За эти годы ему приходилось заниматься исследованием памятников истории и культуры Перми, Березников, Добрянки, Ильинского, Кунгура, Ножовки, Осы, Оханска, Пожвы, Полазны, Соликамска, Суксуна, Усоляя, Чёрмоза, Коми-Пермяцкого автономного округа. Черновики и копии подготовленных им исторических справок (всего 55 единиц хранения) Л. С. Кашихин оставил в своём архиве, который незадолго до смерти передал мне на хранение.

Структура записок, являвшихся частью научно-проектной документации реставрационного управления, как правило, состояла из аннотации, историографического обзора по теме исследования; истории освоения и застройки территории; истории проектирования, строительства и

эксплуатации конкретного памятника. В заключение давалась общая оценка памятника и предложения по его использованию. В конце каждого (за редким исключением) комплексного научного исследования, проведённого Л. С. Кашихиным, представлена обширная библиография, а в приложении – выписки из литературных источников и архивных документов и иллюстративный материал (фотографии, планы, чертежи и пр.).

15 исторических записок составлено Л. С. Кашихиным по памятникам города Перми: театр юного зрителя (ул. Большевикская, 68); римско-католический костёл (ул. Горького, 28); дом купца И. Н. Попова, где жил в ссылке государственный деятель М. М. Сперанский (ул. 25 Октября, 1 / ул. Орджоникидзе, 15); Богородицкая школа (ул. Кирова, 55/17); дом купца Д. С. Жирнова (ул. Кирова, 57); доходный дом С. А. Лака (ул. Кирова, 72); часовня святителя Стефана, епископа Пермского (Комсомольский пр., 18); особняк купца С. М. Грибушина (ул. Ленина, 13); кинотеатр «Победа» (ул. Орджоникидзе, 90); соборная мечеть (ул. Осинская, 5); церковь Казанской иконы Божией Матери или Усыпальница Каменских (ул. Плеханова, 39); гостиница «Королёвские номера» (ул. Сибирская, 5); дом губернатора (ул. Сибирская, 27); дом изобретателя электросварки Н. Г. Славянова (ул. 1905 года, 37). Почти все эти здания в настоящее время являются памятниками истории и культуры федерального или местного значения².

Особо выделим краткую историческую справку, составленную Л. С. Кашихиным на здание гостиницы, известной в Перми по фамилии её владельца как «Королёвские номера». В деле, насчитывающем 12 страниц, помимо самого текста справки, имеется пять негативов и три позитива с видами гостиницы и её рекламой в справочных дореволюционных изданиях.

«Королёвские номера» находились в доме № 5 (ранее – № 3) по улице Сибирской, которая в дореволюционные годы была главной улицей Перми. В самом начале улицы, у Камы, в 1910 г. было построено на средства пермского купца В. И. Королёва трёхэтажное кирпичное здание в стиле модерн. Автором проекта здания, по данным архитектора А. С. Терёхина, является пермский губернский инженер Емельян Иванович Артёмов.

Внимательно проштудировав справочную книгу «Вся Пермь» на 1910 год, Л. С. Кашихин приводит биографические сведения о владельце дома. Василий Иванович Королёв имел лесную и дровяную торговлю на берегу Камы и на Дровяной площади, являлся гласным Пермской городской думы, состоял старостой Успенской (Старокладбищенской) церкви и был членом совета церковно-приходского попечительства при Петропавловском соборе в Перми. Помимо дома № 3 по улице Сибирской, ему принадлежали ещё два дома: на улице Вознесенской, № 10 (ныне Луначарского) и на ул. Екатерининской, № 13 (ныне ул. Больше-

вистская). К исторической справке приложена фотокопия рекламного объявления: «Новые в Перми первоклассные номера «Королёвские» в центре города, Сибирская улица, электрическое освещение, ванна, водопровод, водяное отопление и общий зал. Телефон 443. Посыльные. Русская и кавказская кухня под наблюдением опытного повара». В рекламном объявлении, опубликованном в Адрес-календаре и справочной книге Пермской губернии на 1912 год (его фотокопия тоже имеется в деле), заведение это называется не просто «номера», – теперь оно именуется «гостиница и номера» «Королёвские», где подают «вина лучших фирм». Что любопытно, название гостиницы В. И. Королёва в этих объявлениях даётся не через букву «ё», а через «е», поэтому и читается как «Королёвские», что, несомненно, создавало дополнительный рекламный эффект и привлекало к гостинице внимание.

Изучая Адрес-календари и справочные книжки Пермской губернии на 1911–1917 годы, Л. С. Кашихин установил, что с 1911 по 1915 гг. владельцем гостиницы значится купец А. Д. Степанов, который, предположительно, взял её в аренду у В. И. Королёва. Александр Дмитриевич Степанов был известным и уважаемым в Перми человеком: он торговал бакалейными и колониальными товарами, имел в доме № 38 по улице Покровской (Ленина) свой магазин, состоял членом Пермской городской управы, почётным членом и членом губернского попечительства о детских приютах, комиссии по разбору и призрению нищих города Перми, губернского тюремного комитета, городского сиротского суда, братства св. Стефана Пермского при гимназической церкви. В Адрес-календарях на 1916 и 1917 гг. владельцем гостиницы вновь значится купец В. И. Королёв. Сославшись на краеведа Е. А. Спешилову, Л. С. Кашихин пишет, что В. И. Королёв владел домом № 3 по улице Сибирской до 1919 г., пока не ушёл вместе с отступавшими под напором Красной Армии частями адмирала А. В. Колчака.

Очень скупо, одним абзацем упоминается о пребывании в «Королёвских номерах» в 1918 г. великого князя Михаила Александровича Романова и его секретаря Брайана (Николая Николаевича) Джонсона, об их трагической гибели. Читатель исторической справки отсылается к первым появившимся в печати публикациям об этом преступлении большевиков: кандидата исторических наук В. Г. Светлакова (Позиция. 1990. № 17) и краеведа С. А. Торопова (Вечерняя Пермь. 1990. 15 янв.).

О судьбе дома купца В. И. Королёва в годы советской власти Л. С. Кашихин пишет очень бегло. В советское время гостиница «Королёвские номера» была муниципализирована и поступила в ведение пермского горкомхоза, её переименовали в гостиницу «Центральная». Так она называлась до 1933 г., пока рядом не появилось здание новой гостиницы, которая «позаимствовала» название у своей соседки и до сего дня

носит название «Центральная». Гостиницу «Центральную» (Сибирская, 9) пермяки до настоящего времени называют «семиэтажкой».

В «Королёвских номерах» (в то время гостинице «Центральной») останавливались многие известные деятели культуры и искусства. В частности, В. В. Маяковский в 1928 г. снимал 13-й номер; в июне 1929 г. здесь жил В. А. Луговской с бригадой писателей, в программе пребывания которых в Прикамье были встречи с читателями и проведение вечеров поэзии. Но процитировав отрывок из путеводителя С. А. Торопова «Пермь» (Пермь, 1986), Л. С. Кашихин этим и ограничился.

В заключение он констатирует: «За послереволюционные годы значительно изменился не только интерьер бывших роскошных «Королёвских номеров», но и произошла существенная перепланировка и перестройка внутренних помещений на всех трёх этажах здания. Так, судя по старым планам здания и показаниям очевидцев, до революции гостиница насчитывала 22 номера. В советское время из них сделали 50». В 1960—1970-е годы в здании бывшей гостиницы купца В. И. Королёва находилось общежитие Пермского обкома КПСС.

В настоящее время в здании на улице Сибирской, 5, которое передано под общежитие № 1 Пермского академического театра оперы и балета им. П. И. Чайковского, происходят изменения и переделки. Так, в 1991 г. по инициативе В. Г. Краснова (уроженца Перми, ныне гражданина США, доктора философии, бывшего профессора Монтерейского института международных исследований, председателя общества российско-американской дружбы в Вашингтоне) и при поддержке пермской общественности на фасаде здания бывшей гостиницы была установлена мемориальная доска работы скульптора А. А. Уральского. На ней была изображена горящая свеча, рядом текст: «Из этого здания бывшей гостиницы «Королёвские номера» 12 июня 1918 года тайно и обманно были похищены и увезены на бессудный расстрел Великий Князь МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ РОМАНОВ и его секретарь, английский подданный, Брайан Джонсон. Вечная память невинно убиенным!»³. К сожалению, мемориальная доска провисела недолго: была серьёзно повреждена вандалами, поэтому её пришлось снять. Обломки доски хранятся у В. Г. Краснова.

Но вместо утраченной доски на здании «Королёвских номеров» в 1998 г. появилась другая мемориальная доска. На ней, ниже скульптурного барельефа М. А. Романова, выгравированы слова: «В этом здании в 1918 году жил Великий Князь Михаил Александрович Романов (1878—1918)»⁴.

Об этих мемориальных досках Л. С. Кашихин в своей краткой исторической справке уже не пишет, поскольку закончил работать над ней 27 мая 1991 г., а доски появились позднее. Важно другое обстоятельство: Л. С. Кашихин одним из первых поставил вопрос о том, чтобы

сохранить «Королёвские номера» как памятник истории и культуры, и внёс посильный вклад в историю изучения этого здания на улице Сибирской, 5. И не только этого! Низкий ему поклон.

¹ Наш Леон. – Пермь, 1998; Колбас В. С. Кашихин Леон Сергеевич // Краеведы и краеведческие организации Перми. – Пермь, 2000. – С. 145-146.

² См.: Государственные списки памятников истории и культуры Пермской области. – Пермь, 2001. – С. 11-12, 123, 136-139, 142.

³ Мемориальные доски Перми: Справочник. – Пермь, 2008. – С. 92; Обращение к гражданам Перми В. Г. Краснова, уроженца нашего города // Уральская Голгофа. – Пермь, 2006. – Вып. 1. – С. 58.

⁴ Мемориальные доски Перми: Справочник. – Пермь, 2008. – С. 92.

Т. П. Чуракова

ДОМ КУЗНЕЦКИХ (ул. Газеты «Звезда», 21)

При переезде из архиерейского дома в 2007 г., помимо особняка Н. В. Мешкова, краеведческий музей получил часть помещений в двухэтажном старинном здании на углу улиц Газеты «Звезда» (Оханская) и Кирова (Пермская). Дом принадлежал купцу Александру Николаевичу Кузнецкому и его жене Любове Евгеньевне. Дела у них шли хорошо. Дом в центре, если не из лучших в городе, то вполне солидный, каменный, двухэтажный с красивым, украшенным колоннами, парадным крыльцом. В соседнем, им же принадлежавшем доме по ул. Пермской, у них был свой магазин, где бойко шла торговля швейными машинами. Прибыль давала не только торговля; Кузнецкие производили для горожан головные уборы, открыв шапочно-картузную мастерскую. У купца было много детей: сын Владимир; дочери: Ольга, Наталья, Александра, Екатерина и Августа. В метрической книге пермских церквей есть еще запись о рождении 25 марта 1884 г. дочери Надежды¹, судьба которой неизвестна.

После смерти родителей магазин по наследству перешел сыну Владимиру. Но век его был недолгим, и дальнейшего продолжения семейное предпринимательство не получило. У дочерей была своя судьба: трое из них вышли замуж и отчий дом покинули, незамужние – Наталья и Ольга – стали жить на доходы от сдачи дома в наем. Нижний его этаж еще при жизни родителей был арендован супругами Розановыми и использовался под прачечное заведение, куда горожане отдавали стирать белье, а верхний в 1904 г. Кузнецкие сдали в аренду Марии Николаевне Зиновьевой для размещения в нем учебного заведения.

27 июля 1904 г. М. Н. Зиновьева открыла в доме Кузнецких частное учебное заведение 3-го разряда для приготовления детей обоего пола к поступлению в младшие классы средних учебных заведений. 1 сентября 1907 г. это учебное заведение было преобразовано в частную женскую профессиональную школу с курсом прогимназии. 23 июня 1909 г. она переименована в частную женскую прогимназию. 17 сентября 1910 г. ей были даны права правительственных прогимназий, а 19 января 1913 г. она была преобразована в гимназию².

Любопытно, что 20 лет назад именно в Пермский краеведческий музей поступил большой комплекс материалов, связанных с историей этого учебного заведения. На этой же улице Кирова, в доме № 11 до 1984 г. жила Екатерина Семеновна Микова, работавшая до революции секретарем и классной наставницей в гимназии Зиновьевой. В 1919 г. вслед за отступающей армией Колчака она должна была вывезти из города гимназический архив. Но этого не случилось. После нескольких дней, проведенных на вокзале, она вернулась к себе домой и спрятала архив гимназии в чулан. Так в большом амбарном сундуке он и пролежал более 60 лет, пока племянница Миковой не передала бумаги в краеведческий музей.

Архив насчитывает более 200 единиц хранения. Это фотографии, учебные пособия, большое количество документов: прошения о приеме, квитанции и расписки о плате за обучение, ведомости, свидетельства об окончании гимназии, кассовая книга, характеристики учителей и обширная переписка с организациями и частными лицами. Большой документальный фонд позволяет воспроизвести историю этого учебного заведения с деталями и цифрами. В 1916 г. в гимназии обучалось 336 учениц. Классов было 10: младший и старший приготовительные, семь основных, один дополнительный педагогический по математике и естествознанию. На службе в гимназии состояло 29 человек: у 11 было высшее образование, у 6 – специальное педагогическое, у 12 – среднее³. Учителем истории и географии был известный историк и летописец Перми В. С. Верховланцев; рисование и чистописание преподавали художники с академическим образованием И. П. Чирков и В. А. Мамаев; М. Н. Зиновьева вела уроки русского и французского языков.

В документах имеется формулярный список о службе начальницы гимназии М. Н. Зиновьевой: «Образование получила в Московской частной женской гимназии, в которой окончила курс наук с награждением золотой медалью, удостоена педагогическим советом названной гимназии звания домашней наставницы по французскому языку. Сверх этого держала при Костромской гимназии экзамены по латинскому языку»⁴. М. Н. Зиновьева возглавляла гимназию до 25 августа 1917 г., когда по собственной инициативе, из-за плохого здоровья, передала правление

корпорации педагогов, оставшись работать преподавателем русского языка. 1 июня 1918 г. она была освобождена от этой должности, как сказано в формулярном списке, «для поступления на историко-филологический факультет Пермского университета».

Гимназия существовала, в основном, на средства от сбора платы за обучение, которая составляла в год: в младшем приготовительном классе 25 рублей, в старшем приготовительном – 50, по 60 рублей в основных классах и 75 – в восьмом педагогическом. За обучение европейским языкам взималась плата по 5 рублей за каждый предмет. Город давал на содержание школы 1500 рублей, такие же суммы перечисляли в её фонд губернское и уездное земства⁵.

В гимназии учились девочки разных национальностей и вероисповеданий: русские, украинки, татарки, башкирки, еврейки; встречались даже француженки, итальянки, гречанки, немки и полячки. Социальный состав был также весьма разнороден. Наряду с дочерьми купцов, парходчиков, инженеров здесь учились девочки, родители которых не всегда были в состоянии заплатить за учебу. В 1912 г. при гимназии возникло общество вспомоществования, основной целью которого было оказание материальной помощи нуждающимся ученицам.

Распорядок дня состоял из учебных занятий, экскурсий, посещения церкви, иногда театра и кинотеатра. В праздничные дни устраивались спектакли и выставки. Школьная форма имела отличия от других учебных заведений города: она была серого цвета, в младших классах с воротником «стойкой», в старших – с отложным белым воротником и белыми манжетами. Поверх надевался черный или праздничный белый фартук с пелериной до локтя. Наряд завершала серая фетровая шляпка с полями. Несмотря на нарядную форму, за наличие в доме «стирального заведения» зиновьевских гимназисток в городе дразнили «прачками».

В 1913 г. городская Дума выделила гимназии для строительства собственного здания участок земли размером в 925 квадратных сажень. Но начавшаяся вскоре Первая мировая война сделала невозможным осуществление этого плана. В условиях военного времени в гимназии устанавливается особый распорядок занятий. В связи с тем, что в 1914 г. школа была занята под лазарет для раненых и воинский постой, уроки проходили в Мариинской женской гимназии. Произошли изменения в расписании, занятия проводились в две смены. В связи с мобилизацией на фронт врача гимназии и преподавателя гигиены М. В. Кокориной не стало занятий по этому предмету, на некоторое время прекратились уроки гимнастики. Зато много внимания уделялось патриотическому воспитанию: гимназистки работали санитарками в лазаретах, шили белье для раненых. В письме от 14 октября 1914 г. попечителю Оренбургского учебного округа Зиновьева сообщает такие сведения: «Педагогический персонал гимназии совместно с

учащимися оборудовал на свои средства 10 кроватей, что представляет собой пожертвование в 400 рублей, кроме этого пожертвования ими дано во временное пользование оборудование 15 кроватей»⁶. В другом письме этому же адресату председатель педагогического совета школы Г. Орлов пишет: «Педагогический персонал и ученицы пожертвовали для лазарета гимназии 405 вещей на сумму 265 рублей; на уроках рукоделия, в свободные часы и на дому ученицы изготовили 1870 вещей из материалов, представленных Губернским земством и обществом Красного Креста»⁷.

Гимназия просуществовала до лета 1919 года. 5 июля, сразу после освобождения города от Колчака, в Пермский революционный комитет было направлено сообщение, в котором говорилось: «Помещение, инвентарь и все пособия сохранились полностью, учебное заведение может приступить к правильному функционированию»⁸.

Годом раньше дом Кузнецких был национализирован. В 1921 г., по сведениям Е. А. Спешиловой, в нем были открыты вечерние курсы иностранных языков – английского, французского, немецкого, эсперанто, итальянского и польского; а в 1922-м – татарская школа.

Сейчас здание занято Пермским краевым институтом повышения квалификации работников образования и Пермским краевым музеем.

¹ ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 330.

² ПКМ. НВ 3814/57.

³ Там же.

⁴ ПКМ. НВ3814/39-1.

⁵ ПКМ. НВ 3814/57.

⁶ ПКМ. НВ 3814/36-8.

⁷ ПКМ. НВ 3814/36-28.

⁸ ПКМ. НВ 3814/61.

Л. С. Цвирко

ДОМ МЕШКОВА И ЕГО ВЛАДЕЛЕЦ

С конца 80-х гг. XIX в. лучшим украшением набережной Камы в Перми был дом, принадлежавший некогда Николаю Васильевичу Мешкову. Название «Дом Мешкова» прочно закрепилось за ним, а имя бывшего владельца по праву занимает почетное место в истории города и Пермского края.

Красивейший в городе, «великолепный» особняк был построен в 1889 г. по проекту архитектора А. Б. Турчевича. Дом возник не на пустом месте. Его предшественник – дом Яковлевых – сгорел в пожаре 1842 года и простоял в развалинах более сорока лет. В 1885 г. обгоревшее здание вместе с усадьбой приобрел Н. В. Мешков, превративший дом

«в настоящий дворец, на удивление всем пермякам». Проект А. Б. Турчевича сохранил архитектурную основу прежней постройки 1820-х гг., автором которой предположительно является И. И. Свиязев¹.

Дом Мешкова, расположенный у пристаней и железнодорожного вокзала, в конце XIX – начале XX вв. был не просто купеческим особняком, но и неофициально играл роль представительского здания, визитной карточки города. Для многих приезжающих Пермь начиналась именно отсюда. Изображения дома тиражировались на многих почтовых карточках. Автор одного из фельетонов в начале XX в. с иронией писал о блестящей перспективе развития города, отчасти отражая уже существующую ситуацию: «Знатные и незнатные иностранцы будут обязательно останавливаться в Перми, снимать фотографии с дома Мешкова, пить пиво Поклевского»².

Однако дом Мешкова сразу приобрел черты общественного здания не только благодаря внешнему виду, но и вследствие особенностей его использования. Жилые помещения занимали лишь часть дома. Остальные – сдавались в наем правительственному контролю Уральской железной дороги, переведенному из Екатеринбурга в Пермь в 1889 г., по земельно-устроительному отряду горных заводов на Урале, и использовались под контору пароходства Н. В. Мешкова³.

С наступлением XX века в доме происходили заметные для города события. В 1901 г. в бельэтаже особняка открылась первая в Перми художественная выставка А. К. Денисова-Уральского⁴. Летом этого же года здесь проходило одно из собраний учительских курсов, организованных Пермским уездным земством на деньги Н. В. Мешкова. Во время проведения курсов в доме на набережной побывали лидеры партии эсеров Г. А. Гершуни и Е. К. Брешко-Брешковская, а также один из основных идеологов народнического движения Н. К. Михайловский. Хозяин дома в связи с этими событиями был впервые арестован полицией и выслан на год в Самару⁵.

В 1905 г., с началом первой революции в России, дом Мешкова стал одним из центров общественной жизни города. В ноябре 1905 г. в донесениях пермского полицмейстера губернатору он фигурирует почти ежедневно. Здесь проходили собрания (иногда с утра до позднего вечера) представителей самых разных профессий: почтово-телеграфных служащих и чернорабочих, учителей и служащих аптек, модисток и кухарок. Количество одновременно собравшихся доходило до 250 человек.

Очевидно в связи с происходящими событиями появился даже слух о большом запасе бомб в доме Мешкова, о чем тоже сообщалось в донесении губернатору. Губернатор потребовал от полицмейстера (оба – временно исполнявшие обязанности) недопущения этих собраний «без соблюдения требований закона». Полицмейстер, в свою очередь, потре-

бывал от Мешкова проводить собрания только с его разрешения, и заявил о необходимости осмотра дома, якобы для проверки его пожарной безопасности. Мешков в ответном письме с проведением проверки согласился, но по поводу собраний возразил: «Манифестом 17 октября разрешены собрания и союзы безусловно... Собрания, происходящие в моем доме, являются не публичными митингами, ибо о них нигде вперед не публикуется; собираются же в моем доме одновременно только люди одинаковой профессии для обсуждения своих профессиональных нужд, и ко мне приходят только за ключом от помещения...»⁶. Аргументов против этих доводов Мешкова у властей тогда не нашлось. Но летом 1908 г. его все-таки судили за предоставление помещения для собраний и финансовую помощь бастовавшим в 1905 г. почтово-телеграфным служащим. На суде, благодаря блестящей защите, Мешков был оправдан⁷.

На фоне всех этих событий (особенно событий 1905 года) представить частную жизнь Мешкова в его доме довольно трудно. Каким был в повседневной жизни сам хозяин? Кем были члены его семьи? Каковы были внутренняя планировка дома и его интерьеры? Информации по этому поводу сохранилось немного.

Документов о назначении внутренних помещений или фотографий с интерьерами дома пока не обнаружено. Логично предположить, что жилые помещения располагались изолированно, т. к. в доме постоянно находились посторонние люди. В одном из писем второй жене, Екатерине Семеновне Бажиной, Мешков писал: «Дома, в Перми, есть у меня дом, там есть и камин, в маленькой единственной столовой..., а прелесть её заключается в том, что, кроме одного окна, столовая имеет ещё дверь прямо в садик, на террасу, на воздух и к цветам»⁸. Следовательно, столовая находилась на первом этаже.

Выставка А. К. Денисова-Уральского демонстрировалась в бельэтаже (т. е. на втором этаже) дома. Собрания в 1905 г. проходили в «верхнем этаже»⁹, это не мог быть третий этаж – мансарда, т. к. количество одновременно собравшихся достигало 200 и более человек. А это означает, что они проходили также в помещениях второго этажа. И в первом, и во втором случае вряд ли события происходили в жилых комнатах. Следовательно, жилой частью был, по всей видимости, первый этаж. В пользу этой версии говорит и арочная форма окон первого этажа, и их более эффектный внешний декор по сравнению с окнами второго этажа.

Кабинет же Мешкова, откуда он слушал речи собравшихся на учительских курсах, вполне мог находиться не в жилой части дома, а рядом с конторой пароходства, на втором этаже.

Некоторые отрывочные сведения дают возможность предположить, каким было внутреннее убранство дома, или, по крайней мере, судить о вкусах хозяина. Например, в том же письме Е. С. Бажиной Мешков

пишет: «Мягкую мебель вообще я никогда не любил». Проводивший много времени в делах, Мешков, был в повседневной жизни непритязателен. Младшая сестра Таисья считала, что он недостаточно хорошо одевается и вообще мало заботится о себе. Таисья Васильевна не поддержала поначалу его затею строительства на Заимке Дома просветительных учреждений. В одном из писем Мешков цитирует её слова о том, что глупо думать об облегчении жизни пьяниц, нищих и воров, а лучше было бы ему «о себе подумать, как отдохнуть поехать, да одеться поприличнее, и взять от жизни все удобства и удовольствия...»¹⁰.

В то же время Мешков, загруженный работой, очевидно, ценил возможность уединения, уют и комфорт. В его доме была хорошая мебель и ковры. По крайней мере, часть этих вещей, как сообщала городская хроника, была обнаружена в феврале 1919 г., в период захвата Перми белогвардейцами, у бывшего чиновника управления Пермской железной дороги Н. С. Анфёрова¹¹. Позже, уже в советский период жизни, Мешков покупал ковры для своей московской квартиры, сообщая Е. С. Бажиной: «Шлю ... два небольших ковра, вместо одного (большого – Авт.) потому, что нам не по квартире и не по привычкам особое собирательство и роскошь»¹².

Как проходила семейная жизнь Мешкова в доме на набережной в соседстве с казенными учреждениями, в обстановке многолюдных собраний? Членами его семьи были: жена, две дочери, мать и младшая сестра. Но семья эта была не совсем обычной.

Женился Мешков вскоре после приезда в Пермь на привезенной им из Казани дочери дворянина, статского советника, Вере Никаноровне Болгарской¹³. Брак оказался неудачным. Не разводясь официально, супруги, очевидно, разъехались, и Вера Никаноровна вернулась к родственникам в Казань. Во всяком случае, в 1910 г. она значится в списке домовладельцев г. Казани¹⁴.

Неизвестно, как долго жила Вера Никаноровна в доме на набережной и жила ли там вообще. К началу XX в., скорее всего, в Перми её уже не было. Для такого предположения есть несколько оснований. Во-первых, иначе вряд ли стал бы Мешков в 1902 г. на допросе заявлять, что помогал в организации прогулок участников учительских курсов для получения возможности ухаживать за молодыми учительницами: это было бы бестактным по отношению к жене и не способствовало сохранению взаимного уважения после фактического развода. По свидетельству же внучки Мешкова, Ирины Васильевны Батюшковой его отношения с первой женой оставались добрыми и уважительными до конца её дней¹⁵. Иное дело, если Вера Никаноровна уже не жила в городе, и все об этом знали.

Во-вторых, в начале XX в. Мешков познакомился с Марией Ивановной Морозовой, с которой в Петербурге проживал по одному адресу¹⁶.

Скорее всего, именно она ошибочно названа его женой в сообщении «Пермских губернских ведомостей» об обыске в петербургской квартире Мешкова по ул. Бассейной, 42.

Николай Васильевич воспитал двух дочерей: Таисью и Елену (в литературе до сих пор упоминалась только одна – Елена). Обе девочки были приемными детьми – подкидышами¹⁷. Старшей – Таисье (Тиночке) – в 1904 г. было уже двадцать лет, она жила в Москве и за границей, и обучалась живописи у Валентина Серова. Известно, что она прожила недолгую жизнь и умерла в Праге во время Первой мировой войны¹⁸.

Младшая дочь Мешкова Елена (Лёля) жила в Перми по меньшей мере до 1907 г., когда с золотой медалью окончила Мариинскую гимназию¹⁹. Впоследствии Елена вышла замуж за племянника Мешкова, Василия Николаевича Батюшкова, сына его сестры Надежды Васильевны, жившей с семьей в Самаре. Елена стала пианисткой, ее муж – художником²⁰.

Часто бывая в разъездах, Мешков перепоручал заботу о детях матери и сестре. Тем не менее он не отстранялся от воспитания и радовался возможности побыть вместе с ними: «Как я спокоен и доволен пожить теперь с дочками. Вот что значит держать детей в страхе, Вы (Нассонова А. Д. – Авт.) посмотрели бы, как они меня за это любят, и какая у нас дружба». Мешков беспокоился за «слабую, увлекающуюся» Лёлю, заботился о нравственном развитии дочерей, рекомендуя им прочитать что-либо и обсуждая потом прочитанное для того, чтобы они учились «разбираться в людях»²¹.

К началу XX в. в доме уже не было матери Мешкова, Елены Ивановны, умершей в 1899 г.²² Общеизвестно, что Николай Васильевич очень любил мать и ей посвятил свое самое крупное благотворительное дело – ночлежный дом на Заимке. Но Елена Ивановна была для сына не только любимой и уважаемой матерью, она была соратницей в его делах. Совсем неслучайно Мешков в одном из писем сообщал: «Вот еду по Каме, по милой Каме к Перми, ко всему тому, что мы вместе с моей мамочкой сделали и создали...»²³.

После смерти отца на попечении Мешкова, кроме матери, остались сестры. Младшая из них – Таисья (Таинька) – долгое время жила в семье брата и была его помощницей. Своих детей у Таисьи Васильевны не было, заботиться о детях близких людей стало ее судьбой. Она сопровождала дочерей Мешкова и многочисленных племянников по линии старшей сестры в различных поездках. Для одной из таких поездок в Италию, по свидетельству Любви Павловны Розановой, внучки падчерицы Таисьи Васильевны, нанимали целый поезд (!?)²⁴. В 1904 г. Таисья Васильевна вышла замуж за вдовца, акцизного чиновника Ивана Васильевича Розанова, и взяла на себя заботу о пяти его детях²⁵. С этого времени она уже не жила в Перми постоянно, но бывала здесь и по-прежнему опекала Елену (Лёлю).

Таким образом, к 1905 г. в доме Мешкова жили, очевидно, лишь сам хозяин и его дочь Лёля. «Открытость» дома, вероятно, не мешала им. Впоследствии, в 1910-е гг. Мешков бывал в Перми редко. Он жил в Петербурге, Самаре, Москве и других городах, но Пермь продолжал считать своим домом. Именно в этот период Мешков осуществил свои грандиозные проекты, связанные со строительством в городе ночлежного дома и организацией Пермского университета.

К 1917 г. особняк фактически перестал быть жилым, часть его помещений Мешков передал в пользование университету²⁶.

После 1917 г. дом на набережной вместе с усадьбой был национализирован. Большую часть времени, прошедшего с тех пор, он находился в распоряжении менявших названия управленческих структур водного транспорта²⁷. Логично предположить, что Мешков, работавший в 1920-е гг. в Наркомате путей сообщения, бывал во время командировок в своем бывшем доме по долгу службы. По крайней мере, известно, что в город он приезжал. О том, какие чувства во время этих поездок испытывал бывший хозяин особняка, можно догадываться по общему тону его писем: «Кроме разочарования, здесь получить ничего нельзя, а разочарования, как и всюду – сколько хочешь...»²⁸. Вероятно, последней была его поездка в Пермь летом 1927 г., когда он жил в гостинице «Заря», в одном квартале от дома на набережной, и писал Е. С. Бажиной о «большой пермской усталости»²⁹. Домом для него теперь стала московская квартира, а Пермь отошла в прошлое, как и все его большое дело.

Отрадно, что сам Мешков не стал забытым прошлым для Перми. Здесь остались университет и его дом на набережной. К сожалению, оказавшись без настоящего хозяина, особняк на протяжении десятилетий ветшал, приобретая тот жалкий вид, в котором пока и пребывает. Однако с передачей дома Пермскому краевому музею появилась перспектива его возрождения. В настоящее время здесь ведутся ремонтно-реставрационные работы, в результате которых архитектурный шедевр обретёт, наконец, достойный вид и станет культурным центром, открытым для всех желающих.

¹ Дмитриев А. Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 года с приложением летописи города Перми с 1845 до 1890 года. – Пермь. – С. 222, 350, 360; Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР: Пермская область. – М., 1978. – С. 81.

² Прогулки по старой Перми: Страницы городского фельетона конца XIX – начала XX века. – Пермь. 1998. – С. 48.

³ Дмитриев А. Указ. соч. С. 360; Справочная книга «Вся Пермь» на 1911 год. – Пермь. 1911. – С. 54, 81.

⁴ Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР: Пермская область. – М., 1978. – С. 79-81.

**ОСОБНЯК НА БЕРЕГУ КАМЫ
(ул. Газеты «Звезда», 2)**

⁵ Семенов В. Л. Н. В. Мешков – пермский миллионер, либерал и просветитель. – Пермь. 2002. – С. 27-33.

⁶ ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 91. Микрофиши 10, 11.

⁷ Семенов В. Л. Указ. соч. С. 34-39.

⁸ Письмо Н. В. Мешкова Е. С. Бажиной, 5 ноября 1914 г. Музей истории ПГУ.

⁹ Семенов В. Л. Указ. соч. С. 37.

¹⁰ Письмо Н. В. Мешкова Е. С. Бажиной из Петрограда, 25 февраля 1915. Музей истории ПГУ.

¹¹ Сибирские стрелки. 1919. 18 февр. № 18. С. 4; Весь город Пермь: Адрес-календарь на 1904 год. – Пермь, 1903. – С. 181, 450.

¹² Письмо Н. В. Мешкова Е. С. Бажиной без даты (1926?). Музей истории ПГУ.

¹³ Метрическая книга Свято-Троицкой церкви г. Перми. 1877. ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 321. Л. 328.

¹⁴ Справочная книга «Вся Казань». – Казань, 1910. – С. 25.

¹⁵ Аленчикова Н. Дар внучки Мешкова // Ретроспектива. 2007. № 4. С. 58.

¹⁶ К задержанию банды террористов // ПГВ. 1908. 14 февр. № 37. С. 3; Письмо Н. В. Мешкова А. Д. Нассоновой из Москвы, 28 сентября 1914. Ильинский краеведческий музей; Морозов А. Ю. Петербургское наследие пермского миллионера. – Пермь, 2007. – С. 44, 46.

¹⁷ Метрическая книга Градо-Пермской Свято-Троицкой церкви. 1884 г., ч. 1. ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 320; Метрическая книга Петро-Павловского собора, 1890 г., ч. 1. ГАПК. Ф. 37. Оп. 6. Д. 339. Л. 14.

¹⁸ Письмо Р. И. Рабиновича А. С. Стабровскому. Музей истории ПГУ; Неопубликованные материалы беседы Н. Д. Аленчиковой с Л. П. Розановой. 2008.

¹⁹ Мариинская женская гимназия в Перми к пятидесятилетию юбилею (1861–1910). – Пермь, 1913. – С. 136.

²⁰ Аленчикова Н. Указ. соч. С. 59.

²¹ Письмо Н. В. Мешкова А. Д. Нассоновой из Нижнего Новгорода, 5 июня 1906 г. Ильинский краеведческий музей.

²² Рабинович Р. И. Опальный миллионер. – Пермь, 1990. – С. 92-93.

²³ Письмо Н. В. Мешкова Е. С. Бажиной с теплохода, 2 (15) сентября 1924 г. Музей истории ПГУ.

²⁴ Неопубликованные материалы беседы Н. Д. Аленчиковой с Л. П. Розановой. 2008.

²⁵ Выпись из метрической книги Григорие-Богословской церкви с. Григорьевского Оханского уезда. Ч. 2. 1904; Формулярный список о службе Ивана Розанова. 1903, 25 апреля. Личный архив Н. Д. Аленчиковой.

²⁶ Рабинович Р. И. Указ. соч. С. 102.

²⁷ Научно-проектная документация на объект культурного наследия регионального значения «Дом пароходчика Н. В. Мешкова с воротами». Т. 2. Кн. 2 // Областной научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Пермской области. – Пермь, 2006. – С. 29-34.

²⁸ Письмо Н. В. Мешкова Е. С. Бажиной, 15 сентября 1924 г. Музей истории ПГУ.

²⁹ Письмо Н. В. Мешкова Е. С. Бажиной из Перми. 3 августа 1927 г. Музей истории ПГУ.

В 1800 г., когда открылась особая Пермская епархия, в Перми была организована консистория. У неё долго не было своего здания.

Краевед Е. А. Спешилова в своей книге о старой Перми пишет: «Когда в 1843 г. духовная семинария, располагавшаяся в нескольких деревянных домиках на улице Монастырской¹ и Оханской², переехала в новое здание, старые дома снесли, а на этом месте для консистории построили двухэтажное каменное здание; оно было оштукатурено и обнесено красивой металлической решеткой на каменном фундаменте...»³.

Возле консистории был «архиерейский» сад, в котором стояла ротонда с видом на реку. Когда в 1890 г. в Пермь приехал А. П. Чехов, то ему, по его словам, попасть в сад не удалось, так как у входа висело объявление: «Нижним чинам и собакам воспрещается»⁴.

В 1919—1922 гг. многие здания в Перми были заняты госпиталями и лазаретами. В доме бывшей консистории располагался околоток терполка, нечто вроде военной поликлиники.

После окончания гражданской войны в здании по ул. Газеты «Звезда», 2, разместилось окружное архивное бюро. А в 1934 г. сюда с улицы Ленина, 29, переехал художественный техникум⁵.

В годы Великой Отечественной войны здание занимал госпиталь, а потом, до 1977 г., – спецотделение областной клинической больницы № 3. Потом сюда переехал областной врачебно-физкультурный диспансер.

О пребывании в этом здании художественного техникума в литературе обычно упоминают вскользь⁶. Хочется восполнить этот пробел. Об учебе в этом здании рассказали выпускники техникума: О. Д. Коровин, П. А. Оборин, В. И. Дудин, Л. А. Рогожникова, Н. А. Баянов, Н. И. Мальцева и другие. Но особенно ценны воспоминания бывшего преподавателя Пермского художественного техникума (ПХТ) Д. П. Цупа, который приехал в Пермь в 1937 г. после окончания Академии художеств. Вот что он писал: «Дела и жизнь Пермского художественного училища⁷ проходили в здании, на длинном фасаде которого, под карнизом, сохранилась крупная надпись «Пермская духовная консистория». Если подходить без иронии, то преемственность вполне закономерная, у них обоих задачи совпадали: формирование духовного облика подопечных личностей. Здание двухэтажное, на берегу Камы. Местоположение отличное, да и хорошо тем, что в квартале от него возвышается бывший кафедральный собор, ныне Пермский областной художественный музей»⁸.

Д. П. Цуп оставил нам на 14 машинописных листах не только описание здания, где он преподавал, но и характеристики на многих своих учеников, получивших навыки мастерства в стенах особняка на берегу Камы. Вот еще один отрывок из его воспоминаний: «А вот Серёжа Дьячков⁹. Живой и подвижный, словно он не на занятиях живописью, а в спортивном зале. Всегда полон замыслов. Замыслы не умещаются в ёмкости, которой является он, Серёжа Дьячков... Критику и разбор его работы выслушивает как-то набычившись, пригнув голову, смотрит исподлобья. Его характерная реакция на замечание: «А почему?» В разговоре с ним надо все обосновать. Трудно и радостно работать с ним»¹⁰.

Дмитрий Павлович Цуп (1908—1995) относился к числу тех немногих педагогов ПХТ (он вёл рисунок), которых удалось разыскать, а в 1988 г. и побеседовать с ним. Незадолго до смерти он получил письмо из Мюнхена. Там решили издать справочник лучших европейских художников-графиков и просили его прислать сведения о себе¹¹.

А вот что запомнилось об учебе в ПХТ (ПХУ) О. Д. Коровину: «Училище переехало на ул. Оханская, 2. Прекрасное место над Камой. Дом – особняк с большим садиком. Уютно! К реке вел крутой и дикий спуск. На берегу ветхие сараюшки, баржи, лодки, якоря вросли в землю, чайки, высокое небо и гудки пароходов. Речной трамвайчик ходил на ту сторону, и там, на берегу, возле тополей мы купались иногда»¹².

Особая страница в истории ПХТ – подготовка художников-декораторов для музыкальных и драматических театров страны. В 1934 г. состоялся первый выпуск художников-декораторов. Подготовкой их занимались преподаватели А. Н. Бакалейников, Е. Н. Шуйский, Б. Н. Соколов.

Анатолий Николаевич Бакалейников окончил Московский государственный институт театрального искусства. В Перми, куда он приехал в 1937 г., работал в театре оперы и балета. А в Пермском художественном училище он вел историю искусств и декоративное оформление.

Евгений Михайлович Шуйский (1909—?) окончил декоративно-художественный факультет Всеукраинской Академии искусств в 1931 г. Работая главным художником в Пермском театре оперы и балета, он не только участвовал в местных выставках, но и вёл занятия на декоративном факультете художественного техникума (1933—1935).

Декоративно-пространственное оформление и декоративно-оформительскую практику в ПХТ вёл в 1935—1936 гг. Баян Николаевич Соколов (1908—?). Он приехал в Пермь после окончания «Изотехникума памяти 1905 года» в Москве. В нашем городе художник и преподавал, и сам делал первые шаги как художник. Впоследствии он стал крупным специалистом в области экспедиционного ансамбля (музей А. С. Пушкина в Москве, музей-панорама «Бородинская битва» и др.).

Многие их ученики стали не только прекрасными театральными художниками¹³, но и художниками кино. Народный художник России Г. А. Мясников окончил ПХУ в 1938 г. В 1943 г. после окончания художественного факультета ВГИКа он пришел на киностудию «Мосфильм», где оформил более 30 кинофильмов, среди которых «Смелые люди». «Первый эшелон», «Гусарская баллада», «Война и мир».

Его сокурсник по ПХУ С. А. Серебренников в 1954 г. окончил ВГИК и был направлен на киностудию им. М. Горького. Заслуженный художник России Сергей Серебренников участвовал в качестве постановщика в фильмах: «На семи ветрах», «Три тополя на Плющихе», «А зори здесь тихие», «Белый Бим Черное ухо», «И на камнях растут деревья», «Визит к Минотавру», «Из жизни Федора Кузькина» и др.

Среди педагогов, преподававших в ПХТ, позднее в ПХУ, следует отметить Ф. М. Мехеева (1893—?), Г. А. Мелентьева (1888—1967), И. И. Россика (1909—1977), И. Е. Шангина (1903—1940-е гг.), И. К. Гаврилова (1878—1962), А. Б. Бриндарова (1907—1983), В. А. Баталова (1889—1971), В. Н. Анисимова (1905? —после 1939), Ф. И. Дорошевича (1905—1988) и др.

Хорошо бы увековечить, если не всех преподавателей и учащихся ПХТ (ПХУ), то хотя бы тех, кто впоследствии стал членом Пермского отделения Союза художников РСФСР и активно участвовал во Всесоюзных, республиканских и областных выставках: О. Д. Коровина, П. А. Оборина, В. И. Дудина, Э. Н. Шорину.

¹ С 1920 г. ул. Орджоникидзе.

² С 1940 г. ул. Газеты «Звезда».

³ *Спешилова Е. А.* Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди. 1723—1917. – Пермь, 2003.

⁴ *Гладышев В. Ф.* Чехов и Пермь: Легенда о трех сестрах. – Пермь, 2008. – С. 57.

⁵ *Семянников В. В.* Высшие художественно-промышленные мастерские в Прикамье // Взгляд на историю Прикамья на пороге XXI века. – Пермь, 1997. – С. 116-120.

⁶ Правда, были две небольшие статьи в газетах: *Куколев Л.* Вспомним «марш палитр» // Вечерняя Пермь. 1989. 16 февр.; *Семянников В.* Особняк на берегу Камы // Вечерняя Пермь. 1991. 23 апр.

⁷ К приезду Д. П. Цупа в Пермь техникум стал именоваться училищем.

⁸ Сейчас – Пермская государственная художественная галерея.

⁹ С. С. Дьячков известен как оформитель многих книг из серии «Замечательные люди Прикамья».

¹⁰ Материалы о Д. П. Цупе, как и о других художниках, связанных с нашим краем, автор статьи передал в Пермский краеведческий музей.

¹¹ *Семянников В. В.* Преподаватель Пермского художественного училища Д. П. Цуп // Русский Харбин и Пермь: Материалы науч.-практ. конф. 15 мая 1998 г. – Пермь, 1998. – С. 18-20.

¹² Воспоминания О. Д. Коровина хранятся у автора.

¹³ Среди театральных художников, окончивших ПХТ: Л. А. Кузнецова, Л. А. Рогожникова, П. С. Захаров – в Перми; Т. И. Чистоева – в Кудымкаре; В. И. Векшина – в Ижевске; Н. Ф. Блинова – в Свердловске; М. Л. Буторин – в Златоусте и Туве; М. Г. Лыгалова – в Челябинске; А. Д. Кетов – в Ленинграде; Б. П. Аввакумов – в Ташкенте.

(*Семянников В.* Художники театра – выпускники Пермского художественного техникума // Город Пермь: прошлое и настоящее: История образования на Урале: Традиции и новаторство: Материалы науч.-практ. конф. – Пермь, 2001. – С. 49-50).

Н. А. Князева

ИСТОРИЯ ДОМОВ В ЖИЗНИ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

Дома, как люди, рождаются, живут и умирают. Иногда целые кварталы уходят под снос. Но остаются в памяти людей, пока живы их обитатели. Если живая память уходит, может остаться память документальная.

В Перми за почти 300-летнюю историю было много интересных домов. Но повезло тем из них, в которых жили люди, способные на доброе слово и память. Воспоминание о доме, как о малой родине, может согреть душу человека до конца дней.

В моей жизни были замечательные старики, которые рассказывали о своих пермских домах с такой же страстной любовью, как и о людях, в них обитавших. Среди домов были общеизвестные всем пермякам (дома Грибушиных, Любимова, Тупицыных и др.) и совсем незначительные с точки зрения городской истории. Но последние, может быть, более дороги, потому что были чьими-то родовыми гнездами и связаны с милым детством.

Расскажу только о трех из таких малозначительных домов, о которых поведал мне мой старый учитель Василий Васильевич Молодцов двадцать лет тому назад. В Пермь он приехал в 1908 г. ребенком девяти лет, чтобы поступить в реальное училище. Интерната при училище не было, и поэтому родители договорились о частной квартире. Кстати, до появления пансионов в Александровской и Мариинской гимназиях гимназисты, приезжавшие со всего Урала, тоже были вынуждены жить в чужих семьях. При этом договаривались, что хозяйева будут не только кормить, поить, обстирывать ребенка, но и следить за приготовлением уроков и благонаравием маленького постояльца. Так Вася поселился в своем *первом пермском доме*. Им стал флигель мехоторговца Алина (в советские годы в доме купца был книжный магазин «Мысль»).

Сохранились воспоминания мальчика о доме и его хозяине. Из этого дома он ходил на занятия в реальное училище, на каток в Театральном сквере. Все, что он видел, так прочно запечатлелось в его памяти, что через много лет он подробно описал эти кварталы Сибирской

улицы, особенно два магазина, частым посетителем которых был. Это книжный магазин Ольги Пиотровской и писчебумажный магазин братьев Шиляевых. Вот что Василий Васильевич писал об этих домах: «Книжный магазин, единственный в то время в Перми, находился на углу улиц Сибирской и Покровской (ул. Ленина), где сейчас центральный гастроном. Только одно окно выходило на Сибирскую улицу, но его витрина всегда привлекала внимание: в ней выставлялись книжные новинки. Я запомнил специфический запах этого магазина. Пахло в нем не копченостями, как в соседнем колбасном заведении Ковальского, а книгами и типографской краской. Запомнились и продавцы, пожилые люди интеллигентного вида, более похожие на врачей или провизоров. Помещение магазина было довольно тесным, книги громоздились на полках до самого потолка. Особенно оживленно было в магазине Ольги Пиотровской перед новым учебным годом: здесь продавались учебники для гимназий и реального училища.

У книжного магазина был единственный «конкурен» – какой-то черный, восточного типа, высокого роста, вечно сгорбленный и хмурый человек. Он расставлял свой простой деревянный ящик прямо на улице, но в строго определенном месте, обычно около магазина Синакевича (сейчас это школа № 21), и раскладывал на нем тоненькие книжонки о похождениях сыщиков. Мальчишки зачитывались ими.

Писчебумажный магазин братьев Шиляевых. Здесь было все, что нужно для школьника: тетради, бумага разных сортов и размеров, альбомы, блокноты, перья, ручки, карандаши, цветные и простые, чертежные и рисовальные принадлежности, открытки, переводные и лаковые картинки. Трудно перечислить все, что продавалось в этом симпатичном магазине. Вспоминается одна история. В витрине магазина можно было видеть огромное металлическое перо «86». Это была реклама самого популярного ученического пера. Однажды реалисты-старшеклассники купили это огромное, с самоварную трубу, перо и сделали к нему соответствующей величины деревянную ручку. Получилось нечто грандиозное. Яков Леонидович Борман, учитель химии, коренастый и очень живой, всегда вбегающая в класс, торопливо поднимался на кафедру, говоря: «Писалку, ребята, писалку!». И вот ему преподносят писалку, которую едва можно удержать в руках. Изумление учителя, общий смех. Смеется и Яков Леонидович. Шутка принята благосклонно, и после уроков ребята помогают Борману снести в учительскую подаренную ему «писалку».

И конечно, среди значимых домов была городская библиотека и театр, в котором учащимся разрешали бывать на специальных утренних спектаклях только со своими наставниками.

В 1913 г. семью постигло большое горе – умер отец. Мать осталась с пятью детьми без всяких средств к существованию. Пенсии не было,

т. к. отец служил на частной службе. Решили перебраться в Пермь. Маме посоветовали снять большую квартиру и сдавать внаймы комнаты квартирантам. Мама готовила для них, стирала белье и мыла полы. Это называлось пансионом. Жильцы были разные: циркачи, актеры, учащиеся, служащие учреждений. Иногда они сбегали с квартиры, не заплатив за жилье. Василий Васильевич вспоминал: «Жили порядочные люди, но и люди сомнительной нравственной чистоты. Чего мы, ребята, только не наслушались!» Это был *второй пермский дом* Василия Васильевича, о котором он мало вспоминал. Дом находился на улице Островского и принадлежал местному священнику. Мама его очень боялась, особенно когда тот приходил за платой. Он позволял себе кричать на бедную женщину и грозил выселением.

А собрать деньги за квартиру было непросто, слишком много самых разных расходов у вдовы. Особенно дорогой расход – обучение. «Обучение в реальном училище было платным – 50 рублей в год. Где взять 150 рублей, чтобы внести плату за троих? Маме посоветовали обратиться за помощью к Н. В. Мешкову», который помог с платой немедленно. *Третьим домом*, в котором Молодцовы жили после революции, был дом на улице Трудовой, д. 44, недалеко от Слудской церкви (до 1917 г. – Монастырской, сейчас Орджоникидзе). О нем Василий Васильевич вспоминал с большей теплотой. Может быть, потому, что это была молодость, материально легче жилось (старший брат Александр окончил реальное училище и работал в банке), а может быть, причиной оптимизм, который не покидал моего учителя даже в глубокой старости.

Это был деревянный двухэтажный дом. Рядом такой же, а между ними зеленый дворик с дровяниками и другими хозяйственными постройками. Летом, когда жара не спадала даже ночью, семьи обоих домов выносили свои постели во двор и спали под открытым небом. Молодежь воспринимала это как приключение. Скоро этого дома не будет. В связи со строительством двух огромных домов, названных «воротами в город», снесли старые деревянные дома, обнажив двор молодцовского дома.

Василий Васильевич вспоминал, как отмечали в семье праздники, особенно шумную Масленицу. Он писал: «В старой Перми, как и в других городах России, праздник Масленицы отмечался очень широко. Вся масленичная неделя была полурабочей... Настоящая Масленица началась с четверга. В каждом доме пекли блины. К блинам подавались топленое масло и сметана. Были и другие деликатесы: икра, сметочки (мелкая рыба) и др. Сама форма блинов напоминала солнышко. Воскресенье, канун великого поста, называлось прощеным, когда люди просили друг у друга прощения». Масленицу в Васином квартале праздновали особенно широко и весело, потому что пермяки заливали склон Слудской горы и катались с него (этот склон позднее был срезан; сейчас это улица

Попова, по которой идет транспорт на другой берег Камы). Женщины из местных кварталов пекли блины на продажу и торговали прямо на горке.

В 1916 г. Вася Молодцов окончил реальное училище и поступил по примеру брата на работу в банк. Служба днем, а вечером занятия в только что открывшемся университете. Занятия проходили в здании, где сейчас находится ТЮЗ. Учебу прервала гражданская война. В белую армию забрали всех юношей-студентов. Не все вернулись. Погиб старший брат Александр. Василий вернулся в родной дом. Снова стал учиться в университете. В 1921 г. его историко-филологический факультет был переведен в здание земства (сегодня это педагогический университет). Здесь юноша проучился три года.

После окончания университета Василий Васильевич преподавал в Пермском финансовом техникуме. А в 1940 г. его пригласили работать в Нижне-Курьинскую школу, тогда Краснокамского района. Кировским районом города Перми этот поселок станет лишь в январе 1941 г.

Четвертым пермским домом стала нижнекурьинская дача под номером 182. Сюда Василий Васильевич переселился со своей семьей (он, жена и две маленькие дочки, Лариса и Ирина). До революции в Нижней Курье было построено более ста дач, это место считалось элитным.

После революции дачи национализировали и передали местным властям. Поскольку дачные здания принадлежали знаменитой ропетовской архитектуре, то в советские годы они находились под охраной государства. В дачах поселились работники будущего порохового завода, служащие района, учителя и врачи. В самых красивых дачах (Мешкова, Синакевича и др.) расположились пионерские лагеря. Сейчас эти дачи стоят в полуразрушенном состоянии, а некоторых уже нет совсем.

В молодцовской даче жило три семьи учителей: Молодцовы, Косвинцевы и Миклины. Жили дружно, весело. Ходили друг к другу в гости, по вечерам устраивали громкие читки и обсуждения прочитанных книг и событий. Летом всей дачей отправлялись за грибами и ягодами, которые росли прямо за дорогой. Отсюда, из этого доброго дома учитель Молодцов ушел на фронт. Василий Васильевич рассказывал, что в самые тяжкие минуты войны он вспоминал родное крылечко, виды Закамья, друзей. Ему посчастливилось вернуться в родной дом. Отсюда пешком каждое утро он ходил в Судозавод учить местных ребятшек родному языку и литературе. Скоро и этого дома уже не будет. Сейчас он неприкаянно стоит без окон и дверей. По ночам в нем еще ночуют, как сказали бы до революции, «странные люди». Этим летом мы последний раз поднялись по скрипучим ступеням дачи, боясь встретить его сегодняшних обитателей.

Уходит старая Пермь...

ПЕРМСКИЙ ДОМ ГАЙДАРА

В один из последних дней октября 1925 г. в подъезд дома № 8 по ул. Сибирской в Перми вошел высокий, широкоплечий молодой человек в солдатской шинели, серой кепке с большим козырьком. По широкой старинной лестнице он поднялся на третий этаж, в редакцию окружной газеты «Звезда». Через несколько дней, 7 ноября в праздничном номере «Звезды» был напечатан рассказ «Угловой дом», подписанный коротким, запоминающимся именем – Гайдар. Это был псевдоним начинающего журналиста Аркадия Голикова, приехавшего из Москвы, и принятого в редакцию литературным работником.

Теперь этот дом носит его имя. Это не музей в нарицательном значении этого слова. В нем, как и 80 с лишним лет назад, кипит жизнь: здесь находится Дом журналиста имени А. П. Гайдара. На фасаде более полувека находилась мемориальная доска: «В этом здании в редакции газеты «Звезда» в 1925—1927 годах работал писатель Аркадий Гайдар». Открытие её состоялось 26 октября 1951 г. и было приурочено к 10-летию гибели писателя-журналиста на войне.

В 1964 г. доску заменили.

В 2002 г. потемневшую от времени доску снова пришлось менять. Новая доска, подготовленная известным пермским скульптором Р. Б. Исмагиловым в стиле рельефной пластики, выглядит монументально, хотя невелика по размеру. Открыли ее 11 июля 2002 г. в присутствии писателей, журналистов и краеведов. Это стало одним из мероприятий навстречу 100-летию Гайдара.

На новой доске изображен барельефный портрет молодого Гайдара с известной фотографии 1920-х гг., на которой он в шинели, кепке, с трубкой во рту. По мнению знатоков, эта доска – подлинное произведение искусства.

Дом журналиста имени А. П. Гайдара в Перми своим возникновением обязан местному отделению Союза журналистов СССР. В августе 1957 г. здесь под председательством заместителя редактора областной газеты «Звезда» К. М. Кузнецова приступило к работе оргбюро, которому предстояло создать новую общественную организацию. Уже на первом его заседании 15 августа было признано, что без своего помещения для развертывания учебы, общения и отдыха работников СМИ трудно будет объединить журналистов, наладить уставную деятельность творческой организации. Обсуждался единственный, поначалу казавшийся нереальным, вариант размещения будущего Дома журналиста – в здании редакции газеты «Звезда» по ул. К. Маркса, 8, на втором этаже.

Загвоздка была в том, что тут была квартира известного детского врача профессора Пичугина.

Однако областные и городские власти активно поддержали предложение оргбюро. Профессор согласился сменить квартиру, и потребовалось всего пять месяцев для ремонта помещения. В итоге неизбежных хозяйственных хлопот удалось найти средства на покупку мебели, на содержание Дома и даже на выпуск специального бюллетеня «Журналист».

На заседании оргбюро 28 декабря 1957 г. утвердили уже первый состав правления Дома журналиста, в который вошли К. Базенкова, А. Граевский, В. Лужбин, Т. Вершинин, В. Кельник, С. Баршевский, Г. Менщиков, Н. Вагнер, Т. Чернова, Г. Титлянов и Д. Зуев. В номере за 19 января 1958 г. «Звезда» сообщила: «Вчера открылся областной Дом журналиста... С добрыми напутствиями к журналистам выступили представители общественных и партийных органов, писатели, артисты, художники...». Так началась творческая жизнь этого Дома. Через год, 19 февраля 1959 г. состоялась учредительная конференция Пермского отделения Союза журналистов СССР.

На конференции отмечалась активная работа Дома: за первый год его существования проведено 97 различных мероприятий. Он становился центром профессиональной учебы, на семинарах, диспутах, в творческих объединениях по интересам закладывались традиции творческого общения, опробовались различные формы активной помощи журналистам в выполнении профессионального долга.

Таким образом, функциональное назначение Дома – офис общественной организации журналистов, центр творческой учебы, место для пресс-конференций, клуб ветеранов журналистики – определилось с первых дней его деятельности. Однако по мере создания мемориальных атрибутов работа Дома наполнялась более глубоким содержанием и смыслом.

В первое десятилетие существования в его будничной деловой жизни не раз происходили события, которые формировали гайдаровский облик Дома, как одного из духовных центров Перми, создавали в нем одухотворенную, творческую атмосферу, притягательную не только для журналистов.

Так, 16 июля 1962 г. здесь был установлен бюст Гайдара, авторы которого, скульпторы супруги С. Ф. Колюпанов и Б. П. Плюснина, представили собравшимся свое творение. Накануне в их мастерской на ул. Горького состоялось обсуждение законченной работы. Его участник, журналист Н. В. Гашев в 1980-е гг. вспоминал: «Назаровский и Гинц с похвалой отозвались о скульптуре: «Похож, очень похож – говорили они, – особенно улыбка. Вот такая она и была у него – лукавая, ласковая...». Действительно, скульпторам удалось передать обаяние молодого Гайдара, добиться удивительного портретного сходства.

Через полтора года после установки бюста Дом журналиста наконец обрел собственное имя – имя Гайдара. Еще в декабре 1957 г., когда лишь готовилось его открытие, высказывалось такое пожелание. Но видимо решили приурочить присвоение имени Гайдара к 60-летию со дня его рождения. Так появилось решение исполкома Пермского областного промышленного Совета депутатов трудящихся от 10 января 1964 г.:

«Учитывая, что писатель Аркадий Петрович Гайдар начинал свою литературную деятельность в редакции Пермской газеты «Звезда», исполком областного (промышленного) Совета депутатов трудящихся решил: в целях увековечения памяти талантливого советского писателя А. П. Гайдара присвоить его имя областному Дому журналиста и называть его впредь «Областной Дом журналиста имени А. П. Гайдара».

В имени Гайдара пермские журналисты 1960-х гг. видели глубокий смысл, оно воспринималось ими как девиз, зовущий следовать гайдаровским традициям в журналистике для решения новых задач, выдвигавшихся временем. Ярким проявлением этого стремления стало учреждение 25 июля 1966 года бюро областного отделения Союза журналистов СССР конкурса журналистского мастерства имени А. П. Гайдара. По сей день, уже 43-й год подряд в Доме журналиста работает его жюри, присуждаются установленные премии. Первый праздничный вечер участников гайдаровского конкурса состоялся здесь 22 января 1967 г., а первыми его победителями стали Б. Н. Назаровский и С. М. Гинц за книгу «Аркадий Гайдар на Урале», а также молодые журналисты В. М. Михайлюк, Д. Г. Ризов и другие.

Приняв имя Гайдара для своего Дома, журналисты взяли на себя обязанность бережно хранить память о редкостной судьбе писателя, о его журналистской работе в Перми, пропагандировать его духовное наследие. Поддерживать имидж гайдаровского Дома, аналога которому нет в России, почетно, хотя и нелегко. Но с этой миссией в Перми справляются успешно. Забота о сохранении памяти Гайдара не раз проявлялась в акциях мемориального характера. Так, 4 ноября 1965 г. в Доме была установлена беломраморная плита с именами пермских журналистов, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Первым в этом скорбном списке высечено имя Гайдара, которого в Перми считают одним из самых ярких журналистов середины 1920-х гг. Церемонией открытия этой доски начался вечер журналистов «В редакцию не вернулся...», посвященный памяти фронтовиков.

Очерком о военном подвиге Гайдара открывается книга «Пером и штыком», изданная областной организацией СЖ России в 2005 г. – о журналистах фронтовиках Прикамья. Презентация ее в форме вечера памяти состоялась в Доме журналистов.

В середине 1960-х гг. возникла традиция проведения гайдаровских вечеров. Первый вечер, посвященный 60-летию со дня рождения Гайдара, открыл вступительным словом Б. Н. Назаровский. Он говорил о гайдаровской традиции в журналистике – всегда быть впереди, на линии огня, в борьбе со старым, за новое в жизни, нести людям правду, чего бы это не стоило. Другой из «редакционных ребят» 1920-х гг. С. М. Гинц рассказал о начале литературной биографии Гайдара. Гости из Москвы, журналистки Л. Л. Солотьянская и Г. Н. Плеско, тепло встреченные на вечере, поделились воспоминаниями, а пермские артисты Ю. Пономарев, С. Седой напомнили рассказы и фельетоны Гайдара, написанные в Перми. Такой высокий содержательный уровень гайдаровских вечеров, проводившихся через каждые пять лет, сохранялся по мере возможности и в последующие годы. Когда Т. А. Гайдар вернулся с Кубы, где он работал корреспондентом «Правды», он не раз бывал на вечерах в Доме журналистов, а когда не мог приехать, присылал приветственные телеграммы участникам журналистского конкурса.

Запомнился вечер с участием Тимура Гайдара, посвященный 80-летию его отца. Детский писатель Л. И. Давыдычев посвятил свое выступление писательскому творчеству Гайдара. Он утверждал: «Гайдар всего себя отдал детям, в которых увидел не только маленьких человечков, а будущих граждан, и воспитывал в них качество, основное для личности – любовь к Родине».

Известный пермский поэт Михаил Смородинов с большим воодушевлением прочитал тогда свое новое стихотворение «Гайдар в Перми», которое прозвучало в его исполнении и через 20 лет на вечере 100-летия Гайдара и было опубликовано в «Звезде».

Директор Дома журналиста Т. В. Анохина, одна из главных организаторов этого вечера, получила на память сборник А. П. Гайдара «Уральские новости и рассказы» с автографом Тимура Аркадьевича: «Прекрасному директору любимого Дома. 27 января 1984 г.» Это была заслуженная награда за ее многолетний труд в гайдаровском Доме.

Еще одна традиция – юбилейные вечера, посвященные самому Дому. Впервые, в январе 1968 г. отмечалось его 10-летие, а затем и другие круглые даты.

Деловая жизнь Дома определяется напряженным ритмом функционирования СМИ и потребностями журналистского сообщества края. Дневники мероприятий, проведенных в нем, наглядно показывают, какую роль он играет на информационном пространстве края.

Одним из первых мероприятий в Доме после его открытия была пресс-конференция председателя Пермского совнархоза А. Г. Солдатова. Через десятилетия, в 1993 г., здесь прошла пресс-конференция Генерального конструктора АО «Авиадвигатель» Ю. Е. Решетникова и гене-

рального директора АО «Моторостроитель» Э. И. Черкашина о проблемах пермского авиапрома. Традиция общения крупных хозяйственных руководителей с прессой не прерывается.

Приватизация, малый бизнес, финансовые пирамиды, проблемы экологии, события в культуре, правозащитная деятельность – были поводами для пресс-конференций в последние 15 лет. Не подменяя повсеместно возникшие пресс-службы и подразделения по связям с общественностью, Дом журналиста постоянно информирует журналистов по общественно значимым вопросам.

В 1994 году состоялся первый в истории ДЖ семинар, в котором участвовала группа американцев, экспертов и журналистов, во главе с бывшим директором радиостанции «Свободная Европа» Д. Мейтором. Через два года семинар по газетному дизайну провела американская журналистка Мишель Картер. До наступления нового века правление областной журналистской организации провело за счет грантов международных фондов Сороса, Форда и других десятки обучающих семинаров, которые организовали специалисты факультета журналистики УрГУ Л. Макушин, В. Олешко, Э. Чепкина и другие.

В 2005 г. в ДЖ состоялось заседание VIP-Media клуба, организованное Московским институтом региональной журналистики и областной организацией СЖ России. При обсуждении проблем свободы печати в России участвовало несколько журналистов – экспертов из стран Евросоюза, что придало дискуссии конструктивный характер.

Время от времени зал для пресс-конференций превращается в выставочный зал. Первыми его освоили фотожурналист Э. Котлаков, В. Красных, а затем и другие – от Евгения Загуляева до Владимира Бикмаева. Фотовыставки в Доме следовали одна за другой. Можно отметить всесоюзную фотовыставку «Моя страна» и международную выставку «Интерпрессфото» знаменитого фотокорреспондента Е. Халдея, которому удалось в 1945 г. сделать исторические снимки водружения на Рейхстаг знамени Победы. Газетные художники и карикатуристы также выставляют здесь свои работы. Художник «Звезды» Г. И. Демченко за свою творческую жизнь показал в Доме четыре выставки плакатов и карикатур.

Пермский Дом журналиста имени А. П. Гайдара – уникальное учреждение в культурном пространстве Пермского края, историческая достопримечательность краевого центра. Основанный 50 лет назад, он выполняет важные, общественно-значимые функции в журналистском сообществе по повышению профессионального уровня работников СМИ; связывает бизнес и общественность с прессой, сохраняет память и ведет пропаганду творческого наследия выдающегося журналиста и писателя А. П. Гайдара, поддерживая имидж Перми, как одного из гайдаровских городов России.

ДВОРЕЦ СОЛДАТОВА

На Комсомольском проспекте стоит величественное здание – великолепный памятник архитектуры середины XX в. – муниципальное учреждение культуры «Дворец культуры города Перми имени Солдатова».

В декабре 2004 г. свершился акт исторической справедливости: Дворцу культуры присвоено имя Анатолия Григорьевича Солдатова. Именно он – инициатор и вдохновитель завершения строительства крупнейшего в Пермской области Дворца культуры.

Один из первых подлинных дворцов, созданных для народа в нашем городе, он не имеет аналогов в Прикамье, на Урале и даже в России. Более полувека он работает и развивается вместе с городом и является центром культурной жизни, досуговой деятельности, народного творчества, отдыха жителей всех возрастов.

Необычна история его возникновения.

Все началось с того, что пермских моторостроителей перестал устраивать старенький деревянный заводской клуб. Несмотря на реконструкцию, прошедшую в 1937 г., он не отвечал требованиям времени. Вопрос о постройке нового каменного здания был поднят уже в ходе этого ремонта. 22 мая 1938 г. на совещании у директора завода № 19 им. И. В. Сталина В. М. Дубова впервые была официально обсуждена концепция будущего дворца. За основу было принято представленное архитектором Ленинградского Гипрогора И. А. Меерзоном «проектное задание по планировке Дворца и домов, его окаймляющих»¹.

Интересно, что проект дворца культуры подвергся всестороннему общественному обсуждению: 6 июня 1939 г. он был выставлен в клубе завода. Здесь моторостроители имели возможность высказаться, внести свои замечания и предложения, оставляя их в специальном ящике. 12 июня 1939 г. прошло публичное обсуждение, в котором приняли участие все общественные организации. Докладчику, архитектору Меерзону было задано более ста вопросов, что свидетельствовало об огромном интересе к предстоящему строительству. Все выступающие единодушно поддерживали идею строительства дворца именно в рабочем поселке, а не в городе, как того добивались руководители городских организаций.

При проектировании здания дворца архитекторы учитывали следующие условия: театральная часть рассчитывалась на 1200 мест, малый зал с эстрадой на 400 мест. В новом здании предусматривались физкультурный зал и зал для танцев, зимняя и летняя зоны. 12 июня 1939 г. проект, выполненный архитектором Меерзоном, был одобрен². Проект был утвержден, но автору предлагалось учесть ряд замечаний. Кроме

того, было решено как можно скорее начать стройку и организовать общественный контроль за ходом строительства.

В январе 1940 г. за домом № 10 по Сталинскому проспекту появился забор, огородивший большую территорию пустыря. Площадка заполнялась строительными материалами, строители готовились в мае приступить к основным работам по сооружению дворца. Заводская многотиражка подробно рассказала, каким увидят свой дворец рабочие завода через несколько лет: «67 тысяч кубических метров – таков объем этого здания. Дворец культуры сможет удовлетворить многие культурные запросы рабочих и интеллигенции завода. В нем будет театр, библиотека с читальным залом, физкультурный зал, пионерская секция, кафе, и 32 помещения для работы кружков. Общая полезная площадь, не считая коридоров, лестниц и бытовых помещений составит около 11 тысяч квадратных метров. Четыре гостиные, фойе большого и малого зрительных залов будут красиво архитектурно отделаны». По замыслу авторов в отделке здания предполагалось использовать естественные минеральные богатства нашего края: гранит, мрамор, известняки, ценные породы дерева. За основу проекта сцены Дворца был взят проект сцены Большого театра СССР. Лепнина, живопись, цветной фарфор, специальная стильная мебель; люстры и бра, сделанные по специальным эскизам, должны были подчеркнуть во внутренней отделке грандиозность внешнего образа Дворца. В строительство предполагалось вложить 10 миллионов рублей.

Летом 1940 г. строительство дворца началось. Требовалось уложить 15 миллионов штук кирпича. Чтобы уложиться в жесткие сроки, с первых дней строители взяли ударный темп: применялась высокая механизация работ, самые передовые приемы организации труда. Планировалось закончить кладку стен 1 апреля 1941 г., а отделку дворца к 7 ноября 1942 г. Впервые применялся новый подход к организации работ. Основная структурная единица на стройке – комплексная бригада, получающая по конечному результату. Эта система работы на заводе будет «открыта» вновь спустя сорок лет, как бригадный подряд с работой по единому наряду.

С началом войны строительство Дворца было остановлено на уровне третьего этажа. Объект был законсервирован и использовался для хранения эвакуированных из Москвы книг библиотеки им. В. И. Ленина. В 1946 г. стройка вновь ожила. Был достроен четвертый этаж, сделаны перекрытия и кровля, начались облицовочные работы. В 1948 г. газета «Сталинец» писала: «В последнее время рабочие завода активно помогают строителям. На субботниках помощи строительству участвовало до 3 тысяч человек. Строительство предполагается закончить в 1950 г.»

Сдавался Дворец в эксплуатацию поэтапно. Первым распахнуло двери правое крыло. Здесь был открыт малый зал с кинотеатром, в ко-

тором 5 ноября 1950 г. состоялся первый киносеанс. 15 декабря 1950 г. вступил в строй новый физкультурный зал с его многочисленными вспомогательными помещениями, душевыми, гардеробами.

А 30 апреля 1951 г. в 7 часов вечера в центральной части Дворца, в красивом зрительном зале на 1200 мест, собрались лучшие люди моторостроительного завода на торжественное заседание, посвященное празднику 1 Мая. Они впервые увидели свою осуществившуюся мечту.

24 октября 1951 г. закончена художественная роспись потолка фойе по эскизам художников В. А. Шевкова и В. И. Силуянова, отразившая тему борьбы за мир, апофеоз Победы над фашизмом.

Вместе с профессионалами – строителями треста № 14, художниками Георгием Перминовым, Виктором Шевковым, В. И. Силуяновым, скульптором О. С. Спильчевским, – трудились тысячи рабочих завода: отливали, лепили, покрывали бронзой детали интерьера и лепнины, изготавливали мебель и люстру, шили драпировки и занавес. А директора завода – Анатолия Григорьевича Солдатова – строители между собой называли уважительно «главным прорабом». Он до тонкости входил во все, что касалось строительства Дворца. В течение всех лет строительства ежемесячно вносил часть своей зарплаты на нужды стройки.

Д. С. Кацнельсон, заместитель директора по материально-техническому снабжению, вспоминает о Солдатове: «На строительстве Дворца он лично все работы контролировал, проводил совещания. А сколько он платил начетов! Один кончается, другой начинается. Тогда одна комиссия приезжала за другой. И постоянно находили факты нецелевого использования средств. Солдатову действительно пришлось строить силами работников завода, отсюда перерасход фонда зарплаты, кроме того многие затраты списывались на расход в цехах. Госконтроль очень строго к таким вещам относился. Но он был чист, абсолютно прозрачен. Он ни копейки не израсходовал в личностных целях. Все делал только для людей. Его зарплата была 330 рублей, из нее высчитывали по 15 % каждый месяц. Он всегда вынужден был зарплату брать вперед. Я это точно знаю. И еще заведующая столовой могла оплату за обеды взять с него в конце месяца. Вот и все поблажки ему, как директору.

Дворец мы построили действительно своими руками. Помню, кресла сделали в модельном цехе. А ведь их надо было обить бархатом. Но где его взять в стране, которая еще и не отстроилась-то после такой страшной войны? Тогда ... с трудом удалось найти только серый и белый бархат. Своими силами его покрасили и сделали обивку кресел и все занавесы.

Вспоминаю, как делали люстру для театрального зала Дворца. Её заказали в Москве. Все уже готово, надо Дворец пускать, а люстры нет. Не успели изготовить. И тогда наш завод делает люстру сам. Работу

возглавил главный энергетик Н. Г. Тарнопольский. Потом, когда заказанная в Москве люстра все-таки прибыла в Пермь, нашу отдали во дворец то ли в Березники, то ли в Соликамск.

Во Дворце все было сделано по самому высшему разряду. Многие тогда привозили из Ленинграда, Москвы. Я помню, как мы вместе Анатолием Григорьевичем пошли к художникам на леса под самый потолок. Им чего-то вовремя не подвезли, красок каких-то. И вот он-то идет по лесам нормально, а у меня вестибулярный аппарат плохой, меня из-за этого в авиацию не взяли, хотя я о ней тоже в юности мечтал, и вот я иду чуть живой. Но я ведь не мог от генерала отставать и шел, чуть ли не с закрытыми глазами на такой головокружительной высоте потому, что ему все нужно было знать на месте и из первых рук.

Когда Дворец построили, мы с женами пришли на праздник, и Солдатов говорит: «Вот и мы дожили до богатства»³.

Акт приемки Дворца был подписан в ноябре 1951 г. 34-ю годовщину Великого Октября моторостроители отмечали в своем великолепном Дворце культуры. Но лишь в июне 1952 г. состоялось торжественное открытие Дворца культуры. И следом было проведено 54 вечера по цехам завода.

К октябрю 1952 г. было закончено строительство левого крыла (здесь разместились детский сектор Дворца и библиотека), и здание в целом принято в эксплуатацию.

Историю и славу Дворца культуры создавали люди. Здесь трудились заслуженные работники культуры Российской Федерации: директор дворца Константин Дмитриевич Кошелев (1956—1981); художественный руководитель Народного театра музыкальной комедии Валентин Николаевич Владов; дирижер оркестра Театра музыкальной комедии Владимир Иванович Лицман; художественный руководитель Владимир Михайлович Матвеев; режиссер образцового театра Вера Николаевна Шубникова; а также бывшие директора Дворца культуры Николай Петрович Гулин (1981—1986), Константин Якушев (1953—1956). Здесь работали крупнейшие самодеятельные народные коллективы: симфонический оркестр, Театр музыкальной комедии, эстрадный оркестр, театральный детский коллектив «Ровесник», которых ныне нет, но они оставили яркий след в истории культуры города, Пермского края.

Здесь выступали замечательные артисты: заслуженный артист РФ Иван Пермьяков, солист московского театра оперетты А. Горелик, народная артистка России Екатерина Шаврина, солист ансамбля песни и танца им. Александрова А. Чечик и многие другие.

С марта 1986 г. по январь 2005 г. работой Дворца руководил Геннадий Яковлевич Власов. Сохраняют преемственность традиций и внедряют новые формы работы нынешние заместители директора Аркадий Сергее-

вич Собашников, Галина Ивановна Чуркина, директор концертного зала Антонина Леонтьевна Батракова, заведующие отделами Юрий Владимирович Шарыгин, Виктория Игоревна Тарнавская, руководители коллективов и кружков, любительских формирований народного творчества.

Названия Дворца:

1952 г. – Дворец культуры завода имени Сталина.

1957 г. – Дворец культуры имени Сталина.

1961 г. – Дворец культуры имени Свердлова.

1979 г. – Дворец культуры и техники имени Свердлова.

1995 г. – Дворец культуры АО «Пермские моторы».

1996 г. – Муниципальный Дворец культуры города Перми.

2004 г. – Дворец культуры города Перми имени Солдатова.

2005 г. – Центр культуры города Перми имени Солдатова.

Историческая хроника запечатлела важнейшие события и традиции Дворца. Вот некоторые из них:

23 июля 1960 г. здесь торжественно открылся Дворец бракосочетаний Перми. Первыми молодоженами стали строители Юрий Лужбин и Валентина Балебурина. За 48 лет во Дворце бракосочетания заключили семейный союз более 40 тысяч пар.

1 июня 1979 г., в международный год ребенка, состоялся обряд наречение именем миллионных жителей города Перми, которыми стали Алексей Алалыкин, Любовь Пономарева и Василий Маланухин.

1985 г. – образцовый ансамбль песни и танца «Юность» участвует в обслуживании культурной программы 12-го Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве.

1996 г. – во Дворце культуры прошла встреча жителей города Перми с Патриархом Московским всея Руси Алексием II.

В 2000 г. заложена новая традиция: в театральном зале прошла первая церемония вступления в должность мэра города Перми Аркадия Каменева.

Со дня открытия и до 1996 г. коллектив Дворца культуры работал для моторостроителей.

1985—1996 гг. были большим испытанием на прочность коллектива Дворца культуры. В условиях перехода к рынку моторостроители оказались без государственного заказа, с огромным долгом государства за изготовленные двигатели. Коллектив Дворца, ветераны решили вмешаться в ситуацию и обратились к губернатору Пермской области Б. Ю. Кузнецову, мэру Перми В. Е. Филю, в Законодательное Собрание и городскую Думу с просьбой помочь сохранить Дворец как замечательный памятник архитектуры и центр досуга и отдыха жителей миллионного

города, выкупив его в муниципальную собственность. Стоимость здания была оценена в 35 млрд. рублей. Дворец перешел в собственность города за недоимки в бюджет пермских предприятий.

Решением городской Думы и администрации города 1 января 1996 г. Дворец культуры получил статус муниципального. Так, благодаря общественности города, поддержавшей коллектив Дворца, он отметил свое 45-летие в новом статусе. 23 ноября 1996 г. состоялся красивый праздник, посвященный юбилею Дворца культуры и передаче его в собственность города.

К сожалению, с течением времени Дворец многое утратил в своем убранстве. Дважды переделке подвергалась роспись центральной лестницы. В 1960-е гг. со стен главного фойе исчезли изображения, содержащие образ И. В. Сталина. Исчезли картины, когда-то украшавшие стены всех коридоров и фойе, копии с известных полотен русских и советских художников.

Под влиянием моды и критики излишеств в архитектуре исчезли скульптуры перед входом во Дворец, а в 1980-е гг. – оригинальные светильники на дворцовой площади. Но несмотря на это, Дворец по-прежнему является архитектурной доминантой Центрального микрорайона. Он словно парит над окружающим его пространством, неся в себе и светлую мечту его строителей о новой жизни, и радость победы над врагом, и творческий подъем новых поколений пермяков, встречающихся здесь с искусством.

¹ Протокол совещания у директора завода № 19 им. Сталина. ГАПО. Ф. 1655. Оп.1. Д. 21. Л. 38.

² Сталинец, 1939. № 65.

³ Феномен Солдатова. – Пермь, 2004. – С. 137.

«ЗДЕСЬ ЖИЛИ ПОЭТЫ...»

Фрагмент истории пермского литературного андеграунда 1980-х гг. в процессе становления городской культурной идентичности (ул. Народовольческая, 42)

На протяжении 1970—1990-х гг. проблема отношений между провинцией и центром не только отчетливо обозначила себя в пермской культурной жизни и стала предметом творческой рефлексии, но и заметно эволюционировала, следуя общему сдвигу социокультурных приоритетов. Сегодня можно говорить о двух во многом противоположных тенденциях, определивших спектр моделей творческого поведения пермских авторов.

Традиционные мотивы преобладавшей до недавней поры поведенческой стратегии самоутверждения в центре, «покорения столицы» (которую из пермских литераторов в разное время реализовали М. Осоргин, В. Каменский, А. Королёв, Л. Юзефович) в 1980-е начали осознаваться как поиски эстетического или идеологического «убежища». Именно в эти годы эмиграционные процессы в пермской литературной среде становятся заметным явлением. В своих устных воспоминаниях и эссе А. Королёв неоднократно акцентировал внимание на процессе роста в его юношеском самосознании энергии протеста, отрицания «всего пермского», в т. ч. качества культурной рефлексии. «Пермь моей юности – уродливый город... В этом городе нет ни одной конной статуи...»¹; «когда меня спрашивают, почему я уехал из Перми – я отвечаю, что не просто уехал, я бежал, бежал прочь от ужаса»². Талантливое поколение пермских «шестидесятников» во многом обрело исход и новую жизнь в Москве (А. Королёв, Л. Юзефович, И. Кондаков, А. Бердичевская, В. Некрасов, Б. Рабинович и др.).

Но тогда же, в начале 1980-х, в пермской ситуации происходит формирование противоположной по направленности тенденции творческого поведения, приобретшей особое значение в 1990-е гг., когда возросшая степень регионального самосознания стала и причиной, и следствием усилий по «возделыванию» местной культурной почвы. Эта тенденция выражается в стремлении творческой личности идентифицировать себя в окружении родного ландшафта. В сознании многих «альтернативных» авторов столичный центр уже в 1980-е перестал быть единственным генератором перспективных художественных смыслов.

Их было не так уж и много, тех, кто выдержал напряженное противостояние в перспективе личной судьбы, между стремлением к независимости и соразмерными таланту амбициями, манящими прожить жизнь в культурной столице. Может быть, четверо: художник Вячеслав Смирнов,

поэты Владислав Дрожащих и Виталий Кальпиди, кинорежиссер Павел Печенкин. Вячеслав Смирнов, возможно, интуитивно, исходя из органичного ощущения творческой и жизненной самодостаточности, последовательно и невзирая на какие бы то ни было общественно-климатические и прочие условия, занимался только тем, что упорядочивал родное пространство. На этот выбор не смогли повлиять ни потеря творческой легитимности после отлучения от Союза Художников – причем в самые бесперспективные в плане общественных ожиданий времена, ни сложные бытовые перипетии, вынужденное обитание в неблагополучных подвальных мастерских и т. д. Судя по тому, как уверенно и точно Смирнов строил, сочинял свой мир искусства, опираясь на почву произрастания – ментал, природу, культуру уральской местности – кажется, он даже и не примерял на себя страх того, что «жизнь проходит мимо». Смирнов один из тех немногих, кто в буквальном смысле обживал, обихаживал свой фрагмент пространства Перми, перерабатывая залежи ее культурного наследия и промышленного хлама в артефакты мифа о преображении.

Павел Печенкин после десяти лет профессиональных и творческих метаний в конечном итоге пришел туда, куда двигали его визуальные опыты и продюсерские таланты – к профессиональному кинопроизводству на независимой площадке созданной им студии документального кино «Новый курс» (1987). Исключительно в результате его подвижнических усилий Пермь, не имея изначально к этому особой предрасположенности, стала одним из активных и конкурентоспособных центров российской кинодокументалистики.

Но наиболее концептуально и последовательно культуротворческая стратегия возделывания локального художественного контекста оказалась воплощена Виталием Кальпиди – в поэтических и социальных проекциях его творческой деятельности. Она же открыто декларирована в эссе и публицистике: «Москва для провинциала – это формула бегства. Нельзя бежать вперед. Невозможно. Бежать при любом географическом раскладе можно только назад. Бегство не имеет смысла, времени и пространства. Бегство – это эстетика страха. Не больше и не меньше. Убегая с того места, где ты родился, можно изменить только автобиографию. А вот твердая почва судьбы в этот момент исчезает из-под твоих ног /.../ Создание провинциальной литературной схемы не есть конкуренция с Москвой... Но провинциальная литературная схема – это жест свободы»³. Стремление к обустройству родного места, ставшее целеустремленным вектором «героической» модели поведения, проявляет в контексте жизни и поэзии Кальпиди традиционную экс-центричную мифотворческую тенденцию «землеустройства»: «в поисках нового центра, более мощного и творческого, чем “старый”, ... в опоре на “ничто”⁴. “Центр там, где я” – исходя из этой (потенциально – полицентричной) установки, сформулированной

В. Кальпиди, начали развиваться взаимосвязи пермской поэтической альтернативы с поэтами «новой волны», неофициальными творческими кругами других городов и регионов страны.

Вхождение молодых поэтов в современный литературный контекст, обретение чувства поколенческой общности, – все это происходило одновременно с упрочением единства пермской литературно-художественной среды. К середине 1980-х в Перми значительно расширился круг творческих людей, работающих в актуальном русле художественного поиска.

Идея коммунального творческого быта, синтезирующего новую целостность художественного сообщества, наиболее полно и органично воплотилась в истории общежития по адресу Народовольческая, 42. На Народовольческой, в здании, принадлежавшем производственному объединению «Краснокамск-Нефть», в конце 1982 г. при инициативном участии П. Печенкина разместились мастерские художника В. Смирнова (к тому времени исключенного из рядов молодежного объединения Пермского СХ), фотографов А. Безукладникова и В. Бороздина, а также слайд-студия самого П. Печенкина (со временем передавшего помещение художнику В. Остапенко). Кроме того, несколько молодых деятелей культуры в этом же общежитии работали на должностях инженерно-технического состава. Стоит ли говорить, что в мастерских и примыкающих к ним помещениях гостило, жило, ночевало, навещалось пообщаться и т. д. несметное количество творческого народа. С этим местом связан один из самых жизнерадостных периодов пермского андеграунда: творческая удача каждого тут же становилась поводом плодотворной художественной рефлексии для окружающих. Работали, общались, танцевали в дискотечном зале, играли в пинг-понг.

«Подвалом» мастерские на Народовольческой до сих пор называют лишь по сложившейся «андеграундной» привычке – они размещались в цокольном этаже здания новой постройки и не порождали темной, тяжелой атмосферы, которой традиционно характеризуется пространство культурного подполья. Это место осталось самым памятным – «сильным» – центром творческого содружества, чему во многом способствовало и его местоположение. Здание располагается в одной из семиотически самых насыщенных зон города: на краю Егошихинского оврага неподалеку от Разгуляя и старого кладбища, на границе с Мотовилихой, то есть у первоистоков города и вместе с тем в маргинальном пересечении его исторической части с конкурирующей территорией⁵. Образно и ярко характер этого места осмыслен в комментариях П. Печенкина («образовалось место, где мы жили и /.../ чувствовали себя центром культуры. /.../ Там люди разные были... Там постоянно появлялись какие-то женщины, пунктиром шли истории, раздирающие совершенно нашу общагу... С одной стороны, нас это сблизало... Сблизало

преодоление отчаяния и ненависти друг к другу. Сближало преодоление предательства. /.../ И все это было замешано на любви. /.../ В общем, это был такой замес творческой потенции невыраженной, сексуальной неудовлетворенности постоянной - в этом котле провинциального города, в истоках Егошихи - почти что у истоков города, в месте, где он родился... И всё это на химии, на фактуре, на Вторчермете...»⁶).

Из воспоминаний о Народовольческой, 42:

А. Безукладников: «Мы там обустроили всё очень уютно. Сделали черный ход, для независимых посетителей, чтобы могли к нам приходиться, а то на вахте все очень строго было. Летом к нам через окно люди проникали. То, что говорил один, было понятно другому. Ну и, конечно, молодость объединяла. Я думаю, что вот такое компанейство – оно дарило свободу внутри тюрьмы. Ты ощущал себя свободным, потому что был круг людей, с которыми можно было общаться. И было само развитие какое-то. Все эти люди молодые были такими самообучающимися системами. Каждый мог у кого-то чему-то научиться. /.../ Могли делать, что хотели, могли говорить, что хотели, могли не бояться ничего». (Интервью, 09.01.97).

В. Остапенко: «Народу там было – не меряно. Юра Шемелин там появлялся – актер – в Одессе разбился, упал с высоты. Классный был актер, только начал по-настоящему работать. И я с ним, к сожалению, довольно мало времени общался, мы с ним поздно познакомились...». (Интервью, 20.10.01).

Ю. Чернышев: «Новый год иногда отмечали, какие-то праздники. Но, в основном – так, тусовались, приходили: поговорить, выпить пива, посмотреть на новые работы...». (Интервью, 16.07.97).

В. Смирнов: «Жили такой коммуной веселой. /.../ На Народовольской я уже начал серьезнее работать. Поскольку у нас - компания такая творческая сложилась». (Интервью, 15.11.96).

В. Дрожжих: «Сложилось объединение, скажем, друзей, близких в оценках: что один скажет, то и другой может, в общем-то, сказать – такое близкое попадание. Паша Печенкин, Слава Смирнов, Юра Чернышев, Владислав Бороздин, Безукладников. Потом – Слава Остапенко. Ну, Виталий Кальпиди, я, разумеется. Потом, позднее, Капридов хорошо вписался в наш мир. Нам было весело. В теннис там помногу часов играли, в настольный... А потом начались самостоятельные пути». (Интервью, 22.11.96).

Ю. Асланьян: «Мы с женой искали жилье – после университета. И какими-то путями вышли на это общежитие. Узнали, что там требуются воспитатели – мы туда пришли, и первый, кого увидели, это был Николай Шабунин, бард. Он там был завхозом. /.../ Нам повезло – жена устроилась работать туда воспитателем, а я социологом на Ленинский завод. И так мы там прожили 4 года. Это был 82 год.

А я же очень общительный человек – ко мне начали ездить все. Субботин, Матвеев... Все останавливались у нас /.../ А потом Юра Беликов через обком договорился, чтобы этот подвал отдали творческим людям, художникам под мастерские. И вот тогда там вся эта компания появилась: Смирнов, Печенкин, Безукладников. Юра работал в обкоме комсомола – а они ведь тоже, так сказать, беспокоились о молодежном досуге, о формах творчества. /.../ И вот эти громадные площади нам отдали – и началось творческое столпотворение.

Я закончил рукопись книги – «День рождения мастера» – действие в ней большей частью разворачивается в этом общежитии. Так получилось, что само по себе это место уникальное: здесь лог, кладбище, трамплины – черт знает, что! Тут даже географически как край земли какой-то... Я называл это общежитие «сахарным домиком» – когда смотришь со стороны лога, он белыми плитками, как кусочками сахара, облицован. Чего только в нем не было, вообще фантастика!..». (Интервью, 16.12.02).

Короткая, но яркая и насыщенная история творческого общежития на Народовольческой стала не только вехой движения пермского андеграунда на пути к открытому художественному процессу. В ней воплотился фрагмент истории города – в его движении к «открытости» – один из путей заселения и «вочеловечивания» пермского пространства.

(По материалам книги: Маргиналы: Уральский андеграунд: живые лица погибшей литературы. – Челябинск, 2004. Автор-составитель: Анна Сидякина).

¹ Королёв А. Дракон: Представление. – М.: Футурум БМ, 2003. – С. 196.

² Королёв А. Пермский дневник. Рукопись, АЛК

³ Кальпиди В. Провинция как феномен культурного сепаратизма // Уральская новь. 2000. № 6. С. 167.

⁴ Топоров В. Н. Эней – человек судьбы. – М., 1993. – С. 96, 123-124.

⁵ С конца 1970-х гг. Комсомольский проспект, признанный культурный центр города в 1960-е гг., потерял свое приоритетное значение: новым центром сосредоточения творческой среды в пространстве города стала Мотовилиха. Именно сюда, в окрестности площади Дружбы и Дома печати «Звезда» (в котором разместились редакции газет «Звезда», «Вечерняя Пермь» и «Молодая гвардия») стянулись в значительной своей части силы нового искусства Перми. Несмотря на то, что Мотовилиха традиционно пользуется репутацией окраинного и опасного района, человеку, связанному с искусством, жить здесь было психологически комфортно, поскольку практически каждый дом и двор включен в сферу жизни творческого сообщества. Здесь на протяжении 1980–1990-х гг. размещались мастерские художников В. Смирнова, В. Хана (Мацумаро), В. Остапенко, киностудия П. Печенкина «Новый курс»; квартиры, в которых жили поэты В. Кальпиди, Д. Долматов, прозаик М. Крашенинникова, кинорежиссер П. Печенкин; фотографы Ю. Чернышев, А. Долматов, В. Бороздин, А. Зернин; композитор В. Грунер, музыкант И. Копнищев и др. Местом постоянных общих встреч стал домашний салон Т. Долматовой.

⁶ Из интервью с П. Печенкиным 15.11.1996.

**ПАМЯТНИК ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ РЕГИОНАЛЬНОГО
ЗНАЧЕНИЯ ГОСТИНИЦА «ЦЕНТРАЛЬНАЯ» –
«СЕМИЭТАЖКА»
(ул. Сибирская, 9)**

Здание по адресу: г. Пермь, ул. Сибирская, 9, отнесено к объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) регионального значения как «Гостиница «Центральная» в соответствии с распоряжением губернатора Пермской области от 05.12.2000 г. № 713-р¹.

Рассматриваемый объект находится в Ленинском районе г. Перми, в 44 квартале. Здание семиэтажное, кирпичное, оштукатуренное, с большой площадью остекления, построено в 1930—1933 гг. по проекту (1929 г.) архитектора Ф. Е. Морогова, в стиле так называемого конструктивизма; является памятником архитектуры и градостроительства периода социалистической индустриализации. Здание гостиницы конструктивно состоит из двух основных объемов, расположенных по красной линии улиц Сибирской и Советской, объединенных центральным объемом, выходящим на угол вышеназванных улиц, в котором расположены: холл, лестничная клетка и пассажирский лифт. Центральным фасадом здание ориентировано на север, в сторону реки Камы, правый фасад выходит на ул. Сибирскую и находится напротив Театрального сквера, левый фасад – выходит на ул. Советскую, вдоль течения р. Камы.

В 1920—1930-е гг. Пермь постепенно превращалась не только в административный и культурный, но и индустриальный центр Прикамья. Расширились существовавшие до революции производства, строились новые предприятия, в том числе и общесоюзного значения. В Перми открывались новые учебные заведения. Все это вызвало значительный рост населения Перми – 70 тысяч человек в 1923 г., 119,7 тысяч – в 1926 г. и 306,1 тысяч – в 1939 г.²

Город Пермь и Мотовилиха в 1926 г. имели население 119 700 человек. Муниципальный жилищный фонд Перми состоял из 1026 бывших частных одноэтажных и двухэтажных жилых домов, сданных в аренду жилищно-арендным кооперативам, 74 из которых было занято учреждениями. Число домовладений, имеющих жилые постройки – 10759, в них жилых строений 14189 общей площадью 622.878 кв. м.; учреждениями было занято 118.847 кв.м. Следовательно, всего жилой площади было 504.030 кв. м., что составляло всего 4, 2 кв. м. на человека или 64 % от установленной санитарной нормы. Прирост населения по данным переписи 1923 г. и 1926 гг. собственно по Перми составил – 8 %, в Мотовилихе – 6,3 %, за 1928 г. – средний прирост населения составил 8,9 %, абсо-

лютный прирост до 9 тыс. человек в год. К 1 января 1929 г. общая численность населения прогнозировалась около 145 тысяч человек³.

В годы первой пятилетки 1928—1932 гг. наметившаяся тенденция отставания жилищного строительства от роста населения города и его потребностей еще более увеличились. Согласно данным Пермского горсовета, среднедушевая норма жилой площади в годы первой пятилетки 1928—1932 гг. неуклонно сокращалась⁴.

По состоянию на 1 января 1932 г. общественный жилищный фонд Перми составлял 510616 кв.м. Из этого числа на долю муниципального фонда приходилось 279913 кв. м. (54, 82 %), на долю ЖАКТов – 16614 кв.м. (3, 25 %) и частного жилищного фонда – 200245 кв.м. (39, 2 %). Таким образом, при официальной численности населения Перми по состоянию на 1 января 1932 г. – 147 800 человек, средняя душевая норма жилищной площади составляла не более 3,45 кв. м. на человека. В рабочих общежитиях душевая норма жилищной площади доходила до 2-1 кв. м на человека⁵. По структуре жилищный фонд Перми состоял главным образом из небольших домовладений с численностью жителей до 7 человек – свыше 40 %, домовладений численностью до 100 человек – не более 10 %. Крупные здания в Перми составляли 11-12 %, в них размещались партийные, советские и профсоюзные организации, а также учебные заведения⁶. Преобладающими в городской застройке были деревянные одно- и двухэтажные дома (в городе их было до 60 % и в сельской местности почти 100 %). Выборочное обследование жилищного фонда показало, что эти домовладения были неполноценными по санитарно-гигиеническому состоянию: сырые, холодные, требующие подчас не только текущего, но и капитального ремонта⁷.

В 1932 г. по заданию военного ведомства бригадой Уралсовета была проведена проверка мобилизационной готовности Пермского района по обеспечению мобилизации войск согласно расписанию М-В-22. Проверка показала, что жилищный кризис в Перми увеличится в еще большей степени, особенно в течение первых месяцев мобилизации, т. к. расквартирование на территории района войск потребовало бы изъятия 135821 кв. м. (26,3 %) всего жилищного фонда города. Учитывая абсолютную непригодность для постоя войск частных домовладений, вследствие их «карликового состояния», процент изъятия для нужд военного ведомства составил бы 45,8 % всего муниципального и кооперативного жилищного городского фонда. Вследствие этого, президиум Пермского горсовета вынужден был ограничить заявленную военным ведомством потребность до 74350 кв. м. При этом для размещения войск требовались крупные здания, гарантирующие их быстрое освобождение от занимаемых в мирное время учреждений и жильцов. В их число были отобраны следующие здания:

– 21 здание ВУЗов, техникумов и Совпартшколы общей площадью 30092 кв. м.;
– 11 зданий школ ФЗС общей площадью 11511 кв. м.;
– 30 зданий студенческих общежитий общей площадью 19160 кв. м.;
– 13 зданий барачного типа и рабочих общежитий, размещенных на территории района предприятий и организаций общей площадью 3040 кв. м.;
– 5 зданий клубов общей площадью 4248 кв. м.;
– 2 здания гостиницы общей площадью 4300 кв. м.;
– здание спиртоводочного завода площадью 2000 кв. м.
Всего 83 здания общей площадью 74351 кв. м.⁸

Комиссией Уралсовета был сделан вывод о том, что: «коммунальное хозяйство города Перми, являющееся узким местом в условиях мирного времени, если оно останется в том же положении и в военное время, создаст ряд трудностей и угрозу в обеспечении потребности войсковой мобилизации, даже и в том случае, если по ряду объектов коммунального хозяйства полностью будет прекращено обслуживание гражданского населения...»⁹.

К тому же муниципализированные у «бывшей буржуазии дома», как правило, требовали значительного ремонта, главным образом, системы водопровода и канализации, с установкой нового санитарно-гигиенического оборудования. Здания, в которых располагались высшие и средне-специальные учебные заведения: университет, пединститут, мединститут, педагогический техникум, политехникум, финансово-экономический техникум, земельный техникум, которые могли быть использованы в военное время для развертывания госпиталей и размещения войсковых частей, требовали значительного переоборудования и ремонта. Необходимо было не только восстанавливать разрушенные в период гражданской войны дома, но и строить новые.

Начало нового жилищного строительства в Перми было положено жилищной кооперацией. В 1924—1925 гг. кооператив железнодорожников построил рабочий поселок при станции Пермь II. Другие объединения – «Первомайское», «Нефтяник», «Резинщик», «Разгуляйский» – на паевых началах создают жилые поселки в различных районах города. Возводили дома и предприятия, расположенные в Перми: завод «Уралсепаратор» (завод им. Дзержинского), Суперфосфатный завод, Мотовилихинский машиностроительный завод, VI участок водного пути, Камское пароходство, судоремонтный завод. Пермский городской Совет начал новое жилищное строительство в 1926/1927 хозяйственном году¹⁰.

В числе первых построек Горсовета было здание в 44 квартале Перми на углу улиц Карла Маркса и Советской. Первоначально на данном участке предполагалось построить «Дом Одиночек», т. е. жилой дом «коммунального» типа. Первый раз в документах упоминание о строитель-

стве дома встречается в протоколе заседания президиума Пермского городского Совета от 11 октября 1929 г., где уточняются сроки, установленные Городскому отделу коммунального хозяйства для подготовки смет и проекта (1 ноября 1929 г.)¹¹.

Проект Дома Одиноких¹² был разработан под руководством технического руководителя строительного подотдела инженера Чернышева и архитектора Ф. Е. Морогова. Морогов Федор Ефимович (1887—20.06.1941) в 1930-х гг. – архитектор при НТС Пермского горкомхоза, архитектор Облпроекта. Автор проектов гостиницы «Центральная» (1930—1933, ул. Сибирская, 9), «Дома горсовета» (1930, ул. 25 Октября/Большевикская, 26/51), дома Облпромсвета на Комсомольском проспекте, бань по ул. Ленина и в Мотовилихе, жилых домов на Городских Горках; а также соавтор проектов жилых домов по ул. Ленина (угол Плеханова), Решетникова, в Разгуляе). Член Союза архитекторов с 1937 г.¹³.

Проект «Дома Одиночек» обсуждался на техническом совещании при Пермском окружном инженеру 11 августа 1930 г. и был одобрен с учетом замечаний инженера Ржевусского, предложившего для отопления здания запроектировать отдельную котельную, и для освещения здания – отдельную магистраль от электростанции им. Баталова. Кроме того, инженер Серебренников предложил закрепить участки по ул. Советской под № 31, 33 и 35 за Домом Одиноких, предполагая в дальнейшем строительство еще нескольких секций¹⁴.

В основу проекта закладывались нормы, практиковавшиеся для общежитий. По заданию горсовета преобладала жилая ячейка на 2-х человек (75 %) площадью около 18 квадратных метров, жилая ячейка на 3-х человек – 10 %, на 1-го человека – 10 % и на 4-х человек – 5 %. Первый этаж по проекту должны были занимать подсобно-хозяйственные помещения, шесть верхних этажей – жилые. На каждом жилом этаже предусматривалось по две комнаты дневного пребывания с террасами в пяти верхних этажах в сторону улиц, и одна комната дневного пребывания, общая для всех обитателей дома, площадью 81,48 кв. м., расположенная в угловой части на 3-м этаже; комната для уборщиков с кладовой и отдельные уборные с умывальниками. Душевые для жилых ячеек располагались через этаж (из расчета один душ на 33 человека), «что при пребывании под душем 10 минут и при большом количестве мест с раздевальными даст возможность пользоваться душем всеми жильцами ежедневно».

Со стороны двора против лестничных клеток располагались служебные балконы для чистки ковров, постелей и т. п. Подвальное помещение не было запроектировано, ввиду близости грунтовых вод. По этим же причинам в первом этаже здания были помещены котельные с небольшим углублением пола от общего уровня пола первого этажа. На

первом этаже здания были запроектированы: вестибюль (33,6 кв. м.), контора хозяйственного управления (23,94 кв. м.), парикмахерская (23,94 кв. м.), красный уголок (35,2 кв. м.), столовая на 127 посадочных мест и буфет (130,7 кв. м.), кладовая (26 кв. м.), кухня (47,12 кв. м.), мойка (9,9 кв. м.), комната отдыха (11,38 кв. м.), две душевые (8,92 кв. м.), две кладовые (18,11 кв. м.), заготовительная (12,19 кв. м.), две уборные (25,38 кв. м.), коридоры (16,6 кв. м.) и гардероб (80,22 кв. м.). По первоначальному проекту в здании было 138 жилых комнат на 2 человек, 12 – на одного, 10 – на троих и 12 – на четверых. Общая жилая площадь составляла 3231,12 кв. м., площадь застройки – 985,19 кв. м., строительный объем здания – 22714,12 куб. м.

Стены предполагались кирпичные, наружные толщиной в 2,5 кирпича, внутренние первых двух этажей – в 2 кирпича, третьего, четвертого и пятого – в полтора, и шестого этажа – в один кирпич. Фундамент предполагался бетонный с кирпичным щебнем в соотношении 1:8. Стропила наслонные с обрешеткой, кровля железная. Перекрытия над первым и четвертым этажами – бетонные по двутавровым балкам, расположенным поперек здания, и покоящимся на прогонах вдоль здания в два ряда по железобетонным колоннам, в других этажах – деревянные¹⁵. При строительстве здания 38-квартирного 7-ми этажного дома («Дом чекистов») и «Дома Одиноких» впервые в Перми применялись новые строительные технологии, в частности экспериментальный облегченный тип междуэтажных перекрытий, состоящий из двутавровых деревянных балок, разработанный инженером проекта Чернышевым.

В начале 1930 г. Пермский горкоммунхоз послал запрос о возможности массового применения подобной экспериментальной конструкции междуэтажного перекрытия инженера Чернышева с проектом¹⁶ и расчетом балки в Московский государственный институт сооружений. Во-вторых, воспользовавшись присутствием в январе 1930 г. в Перми работников треста «Тепло и сила» (по делу о расширении электростанции им. Каменева) архитектора В. Н. Башкирова и инженера-строителя А. Д. Копейкина, Горкоммунхоз поручил им произвести расчет конструкции. 31 января 1930 г. эксперты подготовили заключение, в котором сообщили: «ознакомившись с чертежом деревянного междуэтажного перекрытия и произведя соответствующий расчет, мы пришли к выводу, что к единственному достоинству этого перекрытия можно отнести его легкость и дешевизну...». Далее экспертами были изложены соображения и расчеты, показывающие недостатки проекта междуэтажного перекрытия¹⁷.

6 февраля 1930 г. инженер Чернышев представил собственный расчет балок междуэтажного деревянного перекрытия 7-ми этажного 38-квартирного дома Горкоммунхоза («Дом чекистов») и «Дома Одиноких», в котором он доказывал правильность своих расчетов¹⁸.

3 марта 1930 г. из Московского государственного института сооружений было получено «Заключение по проекту деревянных перекрытий в жилом доме Пермского Горкоммунхоза»¹⁹.

11 ноября 1929 г. проект «Дома Одиноких» был рассмотрен на заседании Научно-Технического совета при управлении Окрстройконтроля и одобрен с некоторыми замечаниями²⁰.

Договор с подрядной организацией был заключен 14 января 1931 г. со сроком окончания работ 1 июля 1931 г. Строительные технологии, которые применялись при возведении здания, были во многом экспериментальными, видимо, поэтому строительство было доверено специализированной организации – Уральскому отделению Государственного строительного треста «Теплобетон», переименованному позднее в 10-й участок 16-го союзного государственного строительного треста²¹. Трест, несмотря на свой высокий союзный статус, не смог обеспечить достаточное качество и сроки выполнения работ. Сдача объекта откладывалась два раза – сначала до 15 июля 1931 г., а затем до 15 августа 1931 г., но была вторично сорвана.

29 ноября 1931 г. комиссия в составе заместителя председателя У. Н. И. т. Колчина, техника У. Н. И. т. Осипова, заведующего технической частью Комхозтреста т. Грибеля и техника строителя Коммунодела Пермского Горисполкома т. Протопопова произвела проверку выполнения договора «на предмет достройки 7-ми этажного дома «Одиноких» на пересечении улиц К. Маркса и Советской». Комиссия, вынуждена была констатировать, что строительство до сих пор не закончено, и здание дома «Одиноких» не передано в эксплуатацию Комхозтресту: «Грубо нарушаются пункты договора: самовольно в недостроенном виде заселены 5-й, 6-й и 7-й этажи, где устроено общежитие для рабочих, чем нарушены пункты 12 и 16 договора, в части сохранения помещений в санитарном и пожарном отношении»²².

Пятый, шестой и седьмой этажи были самовольно заселены рабочими, строящими здание. Заселенные комнаты находились в антисанитарном состоянии. В оштукатуренные стены в комнатах в беспорядке были вбиты гвозди, в некоторых комнатах устроены сушилки для белья. Комиссией были замечены случаи, когда «жильцы отправляли свои естественные потребности как на чердаке, так и в пустующих комнатах. Отсутствие равномерного отопления, вентиляции и скученность жильцов вызывают сырость в комнатах, и чувствуется гнилой запах в воздухе. Отвод поверхностных вод от здания не сделан, что послужит причиной при таянии снега затопления каналов обратных труб и котельного помещения»²³. Комиссия отметила также халатное отношение 16-го Госстройтреста по принятым на себя договорным обязательствам: «Из всего вышеизложенного видно, что работы ведутся недостаточными темпами. Со слов

прораба, работают 7 плотников и 23 слесаря, считая подручных. Кроме водопроводных, канализационных и работ по отоплению, остальные работы вести в заселенном доме невозможно, так как сделанные работы приходится переделывать и исправлять заново»²⁴.

Для скорейшего окончания строительных работ по «Дому Одиночек» были признаны необходимыми следующие мероприятия: во-первых, немедленное выселение из трех верхних этажей всех жильцов; во-вторых, увеличение количества рабочей силы; в-третьих, немедленное производство всех исправлений и повреждений, причиненных из-за несвоевременного заселения дома; и в-четвертых, просушка междуэтажных перекрытий²⁵.

10 декабря 1931 г. стройка была обследована вторично. Недостатки, указанные в первом акте, исправлены не были. При условии выполнения всех предложений срок окончания отделочных внутренних работ был установлен – 1 февраля 1932 г.²⁶ Попытка выселить жильцов силами милиции успехом не увенчалась. Руководство треста, использовавшее здание как общежитие, направило телеграмму с протестом в Облисполком, и 20 декабря 1931 г. телеграммой за подписью председателя Уралсовета в адрес председателя Пермского горсовета выселение 420 рабочих и служащих строительного треста было приостановлено «до выяснения обстоятельств»²⁷.

Сложившаяся ситуация вынудила Пермский горсовет искать нового подрядчика. Строительство зданий было поручено строительной контроле при Пермском горисполкоме «Пермгосстрою»²⁸.

При строительстве здания впервые в Перми применялись новые строительные технологии и комплексный метод благоустройства – центральное отопление, водопровод, канализация, вентиляция и электрификация. В период проектирования «Дом Одиночек» был самым высоким в городе, поэтому по проекту в центральной части предусматривался пассажирский подъемник (лифт). Изготовление подъемника и монтаж его по договору были поручены Ленинградскому заводу подъемно-транспортных средств. Весной 1931 г. оборудование было направлено подрядной организации и до момента установки хранилось на складах 16-го треста. Однако проверка, проведенная в апреле 1932 г., показала, что большая часть деталей подъемника была утрачена. По объяснению кладовщика Рылова трос и лебедка были выданы согласно письменному распоряжению помощника начальника участка Попова «для строительства Горсовета». Кроме того, кладовщик допускал «возможность передачи и других недостающих частей подъемника третьим лицам, но не помнил кому»²⁹. Розыск недостающих частей результата не дал, а по сообщению Ленинградского завода подъемно-транспортных сооружений «повторное изготовление утраченных частей сопряжено с край-

ними затруднениями и с весьма большими сроками исполнения»³⁰. Поэтому от установки лифта пришлось временно отказаться.

Ход жилищного строительства в Перми в начале 1930-х гг. по-прежнему отставал от потребностей быстро растущего населения города «вследствие отсутствия средств и крайне неудовлетворительного снабжения даже признанных оборонными объектами коммунального строительства»³¹. В 1933 г. Пермский горсовет подчеркивал, что ряд объектов жилищного строительства, даже таких престижных, как, например, «Дом чекистов» (готовность 49,6%, для окончания строительства необходимо 733 тыс. руб.), «Дом Горсовета» и «Дом Одинок», для окончания строительства, которых требовалось 380 тысяч и 94 тысячи рублей, «также далеки от окончания строительства»³².

В процессе строительства изменилось назначение здания. Документальных источников решения обнаружить не удалось, но начиная с середины 1932 г., в документах данный объект фигурирует уже как гостиница. Возможно, это связано с тем, что строительство нескольких жилых домов (Дом Горсовета, Дом Чекистов, Дом специалистов и др.) уменьшило жилищный кризис, гостиниц же в городе не хватало. В 1920-е гг. в Перми продолжали использоваться номера для приезжающих, организованные еще до революции. В период НЭПа большая часть из них была отдана в аренду. В 1925 г. из шести городских гостиниц – номера «Метрополь» (б. Кожихова, ул. Коммунистическая, 66), «Заря» (б. Протопопова, угол ул. Сибирской и Орджоникидзе), «Канада» (б. Томилова, ул. Куйбышева, 33), «Северные номера» (б. Пьянкова, ул. Советская, 24), «Россия» (ул. Осинская, 22), – самой большой была устроенная в переоборудованном двухэтажном здании уездного земства гостиница «Дом крестьянина» (ул. Кирова, 66)³³.

В 1928/1929 гг. в распоряжении Пермского коммунального треста оставалось три гостиницы вместимостью 58 мест: № 1 – б. «Королёвские номера», 28 мест, № 2 – б. «Канада» и № 3 – б. «Метрополь», по 15 мест, оборудованные водопроводом, канализацией и электрическим освещением. Доход, получаемый коммунальным трестом с этого небольшого гостиничного хозяйства, был незначительным, и почти полностью шел на содержание самих гостиниц³⁴.

3 сентября 1933 г. здание семиэтажной гостиницы Пермского коммунально-хозяйственного треста было обследовано комиссией, которая выявила дефекты, зафиксированные в акте № 9³⁵.

Комиссия вынуждена была констатировать, что гостиница не готова к эксплуатации: «Здание гостиницы требует во всех комнатах побелки с перетиркой штукатурки; исправления и устройства вновь ксилолитовых полов в коридорах всех этажей. Электроприборы смонтированы, но требуется переустановка главного распределительного щита. Также требуется проверка парового отопления»³⁶.

Комиссия составила перечень ремонтных работ в здании гостиницы. 16 сентября 1932 г. Управление Пермкомхозтреста предложило администрации гостиницы отказаться от услуг подрядных организаций в части отделки здания гостиницы и «все работы по приведению дома гостиницы в надлежащий вид, годный для эксплуатации, производить хозяйственным способом, с таким расчетом, чтобы к 15-й годовщине Октября все здание гостиницы и ее оборудование было закончено»³⁷.

11 декабря 1933 г., на два года позднее, чем это было намечено, гостиница с огромным ворохом недоделок была сдана в официальную эксплуатацию. В акте, составленном приемочной комиссией, объект именуется как «здание Дома Одиноких (гостиницы), находящееся на углу ул. К. Маркса/Советской». Приемочная комиссия констатировала: «Построенное здание в основном соответствует проекту, составленному Строительным сектором Пермского Горкомхозтреста и принятому к кредитованию банком, причем здание фактически эксплуатируется»³⁸.

Гостиница получила наименование «Центральная», благодаря как своим габаритам, так и местонахождению в одном из центральных кварталов г. Перми, на пересечении улиц К. Маркса и Советской. В связи со свертыванием НЭПа в конце 1920-х гг. ранее существовавшие небольшие номера были ликвидированы. В 1935 г. в Перми было всего три гостиницы: «Дом Крестьянина», «Гостиница для приезжающих» в Рабочем поселке, и «Центральная»³⁹.

Первые же постояльцы гостиницы написали в редакцию центрального органа ВКП (б) газету «Правда» письмо под названием «Первая коммунальная в Перми» с рассказом о беспорядках, творящихся в ней. Из этого письма видно, что администрация гостиницы игнорировала элементарные требования приезжающих «и преступно небрежно и нерадиво вела хозяйство». Гостиница оказалась выключена из сети городского электроосвещения за неуплату и неправильное пользование электроэнергией: «На днях директор гостиницы т. Лоскутов заявил нам, что света нет по той причине, что во всем городе не могут найти листового железа для распределительного щита. Бедная администрация сбилась с ног в поисках куска железа в центре промышленного Урала... И только благодаря приезду в гостиницу председателя Уральской комиссии по чистке партии т. Ройзмана, включили три нижних этажа, а пять верхних не включили, и восьмизэтажное, вновь выстроенное здание, самое большое и высокое в Перми, зияет из своих окон в ночную темноту».

На первом этаже гостиницы «Центральная» открыли столовую-ресторан Нарпита, в письме это заведение называется не иначе как «пристанище проституции и хулиганства». При ресторане работал биллиардный зал, где, по сообщению авторов письма, хозяйничали «местные профессионалы, «жучки». Игра происходит в открытую, «на интерес» и тут же,

при маркере расплачиваются. Здесь тоже не обходится без мордобоя, и в разгаре биллиардных страстей бьют стекла окон и дверей».

В гостинице были предусмотрены по проекту на каждом этаже специальные помещения кубовых, где стоял титан для кипячения воды, однако, по сообщению проживающих «кипятки бывают не всегда... и за плату. Можно взять ведро и два стакана, и плата одна и та же, по 30 копеек. Поэтому многие окрестные жители берут кипятки на хозяйственные нужды, а приезжающие остаются без чая. Пермская гостиница единственная в СССР, где кипятки отпускаются за плату».

По проекту была предусмотрена унификация номеров, на практике эти унификация и стандартизация привели к тому, что «любой ключ подойдет к любому номеру, и, как следствие, нередки кражи. Недавно был случай, когда из регистраторской комнаты, благодаря халатности регистратора, украли сразу около 30 паспортов и несколько одеял, и воров поймали уже на вокзале... Чистоты в гостинице очевидно не было. В уборных лужи, стены не белили с момента постройки (в нижних этажах), и на них до сих пор можно видеть обрывки старых плакатов и прошлогодние объявления. Между рамами окон пыль и обвалившаяся зимняя замазка. Номера плохо оборудованы и зачастую в них нет вешалок, не говоря о других удобствах. Номер стоит 16 рублей и 16 копеек в сутки. Нас заинтересовала поразительная точность этой цены (почему 16 копеек?) На это никто не может ответить. Мы считаем немного странным, что такая немецкая точность бок о бок уживаются с «рассейской расхлябанностью», которая царит в гостинице. Группа командировочных, подписавших это письмо, считает нужным добавить, что в гостинице нет душа, хотя ванны комнаты и существуют, но они переделаны под жилые номера. ... Настоящая заметка, которую мы просим напечатать в вашей газете, не исчерпывает всех безобразных явлений в гостинице. В процессе собирания подписей обнаружили и другие ненормальности, о которых здесь ничего не говорится»⁴⁰.

По данному письму была организована проверка, установившая соответствие фактов, изложенных в письме, действительности⁴¹.

Президиум ГКК РКК постановил: За бездействие, отсутствие руководства работой гостиницы и непринятие мер к устранению имеющихся безобразий управляющему гостиницей т. Лоскутову (член ВКП (б) с 1929 г., имеющий выговор) – объявить строгий выговор и с работы снять. 5 ноября 1933 г. партийная организация Горкомхоза также обсуждала вопрос о гостинице. По материалу, представленному Пермской ГКК РКК было вынесено постановление: «1) Обязать тт. Нахман, Тихонова и Гаврюкову на основании прений и материала обследования по гостинице в суточный срок к 6 ноября разработать план конкретных мероприятий по устранению всех имеющихся недостатков и творящихся безобразий...»⁴².

Новое руководство стало наводить порядок. Гостиница медленно, но верно приобретала цивилизованный вид. В 1937 г. в «семиэтажке» сделали капитальный ремонт. Кроме того, установили лифт, пожарный водопровод и телефонизировали номера ⁴³.

Директором в этот период был Демьян Васильевич Шиллов, под руководством которого коллектив гостиницы начал изживать недостатки ⁴⁴. В 1938 г. были командированы 8 человек в Свердловск для обмена опытом и заключения договора о социалистическом соревновании с крупнейшими гостиницами Свердловска «Большой Урал» и «Центральная». Сравнение работы этих двух гостиниц с опытом работы пермской гостиницы говорило не в пользу пермяков: «В центральной гостинице Свердловска уборка в номерах, коридорах и уборных производится регулярно, в гостинице чисто, и это сравнение не в нашу пользу» ⁴⁵.

По итогам командировки на профсоюзном собрании было предложено заключить договор социалистического соревнования с Центральной гостиницей г. Свердловска и обеспечить высокое качество обслуживания приезжающих гостей: «Пермь преобразуется в областной центр. А у нас уборщицы не всегда убирают душевые комнаты. Ставка зарплаты в нашей гостинице сравнительно с другими гостиницами СССР выше. Нужно выдвигать людей ответственных по производству и премировать их» ⁴⁶.

Таким образом, принятие административных мер к виновным за развал работы гостиницы, активная работа новой администрации и месткома по наведению порядка и ответственная работа всего коллектива, а также ремонт здания привели к тому, что к 1940 г. «Центральная», как по названию, так и по статусу стала лучшей гостиницей города.

Именно поэтому в годы Великой Отечественной войны в ней размещали эвакуированных в Пермь деятелей культуры и искусства; ученых, инженеров и конструкторов, командированных для работы на оборонные предприятия; бакинских нефтяников, приехавших для разработки нефтеносных пластов в районе Краснокамского нефтепромысла; летчиков, прилетавших в Пермь за авиадвигателями для авиации Ленинградского фронта.

Писатель и драматург А. П. Штейн в своих воспоминаниях оставил яркое и образное описание гостиницы «Центральная» той поры:

«Семиэтажка, самый высокий дом в этом старинном, приземистом губернском городе на Каме, пермский «модерн», построенный незадолго до войны, большая тыловая гостиница Приуралья, не столь примечательная как наша «Астория» блокадных времен, но своеобразная и колоритная по-своему – и в ней столкнула война самые неожиданные профессии, биографии, судьбы. Давали колорит семиэтажке не тыловые валеты с озабоченно неприступными выражениями лиц, с могучими портфелями, заменяющими авоськи, в бурках, в костюмах непременно воен-

ного покроя – и только наметанный глаз мог бы отличить их от истинных военных! Валеты случались и тут, но, нет, не застревали, их тянуло дальше, в теплые места, хотя их пугал не столько климат, сколько почти пуританская строгость города. Своеобычность гостинице придавали бакинские бурильщики нефтяных скважин, и ленинградские балерины, и солидные московские конструкторы. Первые приехали сюда с эшелонами бакинских нефтяников на нефть, обнаруженную в районе Краснокамска, вторые – вместе с Ленинградским театром оперы и балета, эвакуированным из Ленинграда, третьи – в длительную, до конца войны командировку. Так в этом городе, неожиданно для самих себя, оказалось и балетное созвездие, как Галина Уланова, Татьяна Вечеслова и Наталья Дудинская, и изобретатель турбобура, образованнейший и интеллигентнейший азербайджанский инженер Эюп Измайлович Тагиев, и секретарь Бакинского комитета партии Амо Давыдов, избранный секретарем обкома по нефти, и многие другие, с кем я тут имел счастье познакомиться – люди, без имен которых понятие «тыл – фронту» было бы неполным. ...» ⁴⁷.

Город Молотов и Молотовская область, в соответствии с постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 27 июля 1941 г. «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» и указаниями Совета по эвакуации к 28 июля 1941 г. уже приняли 28 тысяч 417 человек, в том числе 5 тысяч 880 детей; из них эшелонами прибыло 24 тысячи 417 человек и одиночными группами 4 тысячи человек. Часть прибывших – 1 тысяча 861 человек – были отправлены в соседние Челябинскую и Свердловскую области. Все эвакуированные в Молотовскую область были размещены в областном центре и 26 районах области, с учетом условий и потребности отдельных районов в рабочей силе ⁴⁸.

К началу августа 1941 г. Молотовская область приняла 35 тысяч 364 человека, в том числе 9 тысяч 181 детей; из них было оставлено в Молотовской области 32 тысячи 234 человека, остальные были отправлены дальше на восток. Большая часть эвакуированных была размещена непосредственно в Молотове и районах области, имеющих промышленное производство, часть эвакуированных была направлена в сельскую местность. К 20 августа 1941 г. в Молотовской области было размещено уже 40 тысяч 167 человек, в том числе 11 тысяч 218 детей; из них непосредственно в Молотове (вместе с наркоматами) было размещено 11 тысяч 697 человек ⁴⁹. Всего за первые месяцы войны через областной центр, по сведениям начальника эвакуопункта Молотовского облисполкома Л. Н. Грошева, было пропущено 33 миллиона человек. К маю 1942 г. на территории области было размещено 258 тысяч 602 человека, в т. ч. из Москвы – 62.051 человек, из Ленинграда – 107.879 человек ⁵⁰.

В 1941—1944 гг. в Перми находился в эвакуации Ленинградский орден Ленина театр оперы и балета им. С. М. Кирова. Ведущим арти-

стам, музыкантам и руководству театра для проживания был выделен пятый этаж здания гостиницы «Центральная», находящейся рядом с городским театром⁵¹. Здесь жили руководство и все ведущие артисты и музыканты театра им. С. М. Кирова: директор театра Е. Радин, дирижеры: А. Пазовский, Д. Похитонов, П. Фельдт, Б. Хайкин; композиторы М. Коваль, Д. Прицкер, С. Прокофьев, А. Хачатурян, Г. Фарди, Л. Ходжа-Эйнатов; режиссеры Л. Баратов, В. Лосский, И. Шлепянов; балетмейстеры Ф. Лопухов, В. Пономарев, Л. Якобсон; артисты балета и оперы Г. Уланова, Н. Анисимова, Ф. Балабина, Н. Вдовина, Т. Вечеслова, М. Георгиевский, Н. Дудинская, Н. Железнова, Н. Зубковский, Г. Иванова, Н. Камкова, С. Каплан, Г. Кириллов, Л. Леонтьев, А. Лопухов, О. Мунгалова, О. Мшанская, М. Михайлов, К. Сергеев, В. Фидлер, Б. Шавров, А. Шелест, О. Кашеварова, Г. Нелепп, Г. Орлов, Н. Середа, Б. Фрейдков, И. Яшугин и др.

27 августа 1941 г. из Ленинграда на перрон вокзала ст. Пермь I прибыл эшелон с эвакуированными ленинградцами: 80 теплушек и 2 классных вагона. Это был состав, в котором прибыл в наш город Ленинградский театр оперы и балета им. С. М. Кирова.

Из воспоминаний ведущей артистки балетной труппы театра Т. М. Вечесловой: «Мы выехали из Ленинграда 19 августа 1941 года... После девятидневного пути мы, наконец, прибыли в Пермь. Город принял театр не очень гостеприимно. Очевидно, нас не ждали. Долго мы сидели в поезде, команда «выгружаться» не поступала. Зная, что директор Е. М. Радин – человек организованный, любящий порядок, мы поняли, что дело обстоит сложнее. Действительно, город уже был заполнен эвакуированными, и для нашего театра (актеры с семьями – около трех тысяч человек) места уже не было. Нам казалось, что приезд такого коллектива вызовет радость в городе, но во время войны многое изменилось: первой заботой было помыть, накормить, расселить. ... Срочная правительственная телеграмма из Москвы дала нам возможность покинуть эшелон, и началось размещение по частным квартирам, общежитиям, в гостинице. Мою семью – маму, отца, сестру и меня ... поместили в гостинице. Позже моим родным дали комнату в общежитии, а я осталась в «Семиэтажке»⁵².

Официально гостиница была рассчитана всего на 367 человек⁵³, но в годы войны, здесь разместилось намного больше людей. В связи с острым жилищным кризисом, Молотовский Горсовет депутатов трудящихся 15 января 1942 г. принял постановление за № 26 «об использовании трех этажей – 5-го, 6-го и 7-го – здания гостиницы под комнатную систему, как общежитие с дополнительным размещением на этой площади 100 коек с целью увеличения пропускной способности центральной гостиницы города»⁵⁴.

10 февраля 1942 г. в газете «Звезда» появилась небольшая заметка под названием «Будни гостиницы» следующего содержания: «Небольшой коллектив гостиницы стоит на ответственном посту, обслуживая нужды приехавших – командиров и инженеров, профессоров и летчиков, артистов и писателей. Среди скромных служащих немало чутких, добросовестных работников, которые снискали заслуженное уважение жильцов»⁵⁵. Сотрудники гостиницы «Центральная», работавшие во время Великой Отечественной войны: В. П. Азанова, Т. С. Голдобина, Л. П. Егорова, О. В. Хашев, приняли активное участие в создании в 1970-е гг. телефильма «Семиэтажка». Вспоминая о тех трудных временах, они подчеркивали, что старались, как могли, помочь решить бытовые трудности постояльцев. Вспоминали о том, как эвакуированные жильцы были благодарны им за это. Настоящим праздником для сотрудников гостиницы было приглашение их с детьми в театр на выступление ленинградских артистов театра оперы и балета⁵⁶.

В одном из номеров на пятом этаже в конце 1942 г. жил композитор А. И. Хачатурян, писавший музыку к балету «Гаянэ». 9 декабря 1942 г. в городском театре, в нескольких шагах от гостиницы, состоялась премьера балета⁵⁷. Летом 1943 г. в гостинице жил композитор С. С. Прокофьев, работавший здесь по договору с театром им. Кирова над постановкой балета «Золушка»⁵⁸.

В годы Великой Отечественной войны в Пермь приезжали и останавливались в гостинице известные артисты и режиссеры: медиум и парапсихолог В. Мессинг⁵⁹; артисты Большого театра О. Лепешинская, П. Гусев и М. Габович; пианист Я. Флиер; чтец Д. Журавлев; актер Малого театра М. Царев, режиссеры театра и кино Ю. Завадский и Л. Арнштам⁶⁰.

Проживание в гостинице для людей, находящихся в эвакуации, вопреки распространенному мнению, не было бесплатным. Так, с 1 января 1943 г. оплата за проживание в номере гостиницы «Центральная» составляла 7 рублей в сутки за 6 кв. метров, а за пользование койкой в общежитии – 7 рублей за место в сутки⁶¹. При этом, по свидетельству писательницы Веры Пановой, «буханка хлеба на базаре стоила 150-200 руб., килограмм картошки – 75 рублей, остальное соответственно»⁶².

В годы войны в «семиэтажке» жили и работали известные русские советские писатели и поэты: в номере 175 – Н. В. Гернет⁶³, в № 7 – Я. Л. Горев⁶⁴, в № 75 – В. А. Каверин⁶⁵, в № 100 – М. Э. Козаков⁶⁶, в № 115 – Л. М. Козелова⁶⁷, в № 162 – И. В. Луковский⁶⁸, в № 114 – А. А. Первенцев⁶⁹, в № 151 – Е. Г. Полонская⁷⁰, № 18 – С. Е. Розенфельд⁷¹, в № 174 – Н. Я. Рыкова⁷², в № 67 – М. Л. Слонимский⁷³, в № 85 – Ю. Н. Тынянов⁷⁴ (место в общежитии № 604⁷⁵ и Л. Н. Тынянова № 603⁷⁶), А. А. Френкель (Д`Актиль) место № 601⁷⁷, в № 175 – Н. Ф. Фридлянд⁷⁸, А. П. Штейн и многие другие. Имена многих из них составляют золотой фонд отечествен-

ной культуры. Но до сих пор на стенах гостиницы нет ни одной мемориальной доски (за исключением доски, посвященной А. И. Хачатуряну) в память о жильцах той суровой поры. Гостиница «Центральная» в годы войны стала домом для многих людей, оказавшихся в нашем городе не по своей воле: «Семиэтажка» в жизни эвакуированных сыграла огромную роль – крыши над головой во время бешеного шторма...»⁷⁹.

Конечно, для всех эвакуированных деятелей культуры и искусства номеров в гостинице не хватало, но она была местом многих интересных встреч, центром культурной жизни города и края. В письме известного советского писателя В. А. Каверина, адресованного пермскому краеведу В. С. Колбасу, Каверин так ответил на вопрос о том, как отразился в жизни эвакуированных деятелей литературы и искусства пермский период: «Этот вопрос следовало бы перевернуть наоборот: как отразился в жизни Перми приезд и четырехгодичное пребывание всех этих деятелей литературы и искусства? Думаю, что значительно – ведь читались лекции, показывались первоклассные спектакли и т. д.»⁸⁰.

И кроме того, появилось много воспоминаний, были опубликованы мемуары.

В романе «Наука расставания» В. Каверин по прошествии лет отразил свои пермские впечатления: «...в жилотделе мне объяснили, что гостиница действительно переполнена, добрая половина отдана работникам театра, а еще живут ленинградские писатели с семьями, и вообще эвакуированными буквально набит весь город...»⁸¹. В «семиэтажке» было много детей, они играли в коридорах, и случалось, что Андрей участвовал в этих играх. Одна девочка долго не соглашалась быть Гитлером, наконец, согласилась и сказала: «Наше дело левое. Победа будет за ними. Я умер»⁸².

В послевоенные годы в гостинице «Центральной» также нередко жили и работали многие известные деятели советской культуры и науки.

Писательница Вера Федоровна Панова, эвакуированная в Пермь с семьей, в военное время жила не в «семиэтажке». «Тут я окончательно поняла: я буду писателем, потому что не могу им не быть... Не могу не рассказать о том, что я в жизни увидела...»⁸³. В 1944 г. В. Панова начала писать здесь свой первый роман «Кружилиха». В Пермском книжном издательстве была издана ее первая повесть «Семья Пирожковых», а в 1945 г. – повесть «Спутники»⁸⁴. Весной 1947 г., вновь принявшись вплотную за «Кружилиху», В. Ф. Панова опять приехала в Пермь (Молотов). Теперь её поселили в гостинице «Центральной», в «семиэтажке», «в приличном номере, где был даже телефон». Позднее она вспоминала, что в номере гостиницы, «сев на прямо пол, взяла рукопись «Кружилихи» и стала раскладывать ее как пасьянс. Из кусочков складывала главы, тут же заполняла пробелы. Заметила, что часто при ином расположении кусочков, при иных

стыках между ними возникают новые неожиданные интонации, усиливается впечатление...»⁸⁵. Здесь же, в гостинице В. Ф. Панова узнала о присуждении ей Государственной Сталинской премии за повесть «Спутники»: «вечером позвонила мне Л. С. Римская и сказала, что постановление будет передано по радио завтра утром. Утром, встав, я села у репродуктора. Не успел он произнести мою фамилию, как раздался телефонный звонок. Это Н. Н. Арбенева хотела первую меня поздравить. Затем в течение всего дня без перерыва шли звонки и телеграммы... Вечером того же дня мы с Л. С. Римской и С. М. Гинцем скромно поужинали втроем в ресторане гостиницы, чтобы отметить событие»⁸⁶.

С 26 ноября по 1 декабря 1945 г. в Перми проходила совместная конференция Академии наук СССР и Молотовского облисполкома по изучению производительных сил Молотовской области⁸⁷. В конференции приняли участие 14 академиков и членов-корреспондентов АН СССР, 57 докторов и 89 кандидатов наук, работники союзных наркоматов и более 100 научных сотрудников Перми. В гостинице «Центральной» в период работы конференции жили академики АН СССР: вице-президент АН СССР академик И. П. Бардин, академики АН СССР А. В. Винтер, В. Н. Образцов, В. М. Родионов, С. Г. Струмилин, Л. Д. Шевяков. Конференция открылась 26 ноября 1945 г. в помещении Пермского театра оперы и балета и стала звездным часом всего региона: никогда больше ни до, ни после лучшие головы страны не будут всерьез задумываться о том, как лучше организовать экономику края. Практическая подготовка к сессии АН СССР началась в сентябре 1945 г. В фонде Пермского горисполкома сохранились материалы, касающиеся организации работы конференции, в том числе размещении гостей нашего города в лучших гостиницах города – «Центральной», заводских гостиницах заводов им. Сталина и им. Молотова; организации пленарных заседаний и работы секций в лучших зданиях нашего города – в здании городского театра, Доме Красной Армии, зданиях Облисполкома и Обкома ВКП (б); организации культурной программы, питания, медицинского обслуживания и т. д.⁸⁸

В списке зданий, предназначенных для размещения участников конференции, указаны на первом месте гостиница «Центральная», далее филиал гостиницы «Центральная» на Комсомольском пр., 58, общежитие Педагогического института по ул. Кирова, 65, и общежитие Медицинского института на ул. Коммунистическая, 28⁸⁹. В гостинице «Центральной» и её филиале по Комсомольскому пр., 58, было выделено шесть телефонных номеров, непосредственно в «Центральной» пять телефонных номеров: телефон директора, дежурного по гостинице, а также на трех этажах (2-м, 3-м и 4-м), где жили гости⁹⁰.

В списке пунктов питания, кроме ресторана «Кама», который обслуживал 250 наиболее уважаемых гостей в дневное время, ресторана

Речного вокзала, где питались остальные участники конференции, указана также «столовая гостиницы», в которой «ужинали академики»⁹¹.

Для гостей была организована культурная программа. В местах проживания участников конференции АН СССР работали театральные кассы предварительной продажи билетов в оперный (10 билетов на спектакль) и драматический (30 билетов) театры. Кроме того, была организована доставка билетов по телефону⁹².

Конференция стала важным событием научной, хозяйственной, общественно-политической жизни не только Пермской (Молотовской) области и Урала, но и всей страны. Она была «первой большой экономической конференцией в условиях мирного времени. В городе Молотове положено начало широкому обсуждению послевоенных экономических проблем в одной из важнейших областей Советского Союза. В этом смысле значение того, что сделано, далеко выходит за пределы одной области. На конкретном примере показано, как широко ставят наши ученые, инженеры, хозяйственники, советские работники послевоенные проблемы, с каким размахом решают они вопросы социалистической экономики»⁹³.

К 1947 г. здание гостиницы «Центральной» было оборудовано всем необходимым для приема гостей города: центральное водяное отопление, лифт, коммутатор на 150 мест и АТС на 25 номеров, 200 точек радио, душевая, прачечная, парикмахерская, сапожная и портновская мастерские, ресторан и буфет на 3-м этаже. В 1948 г. гостиница была переведена в 1-ю категорию повышенного типа⁹⁴. Спустя десятилетие, в 1957 г. гостиница «Центральная» среди городских гостиниц (их в ту пору в городе было уже шесть) была признана «удовлетворительной» как по размерам, так и по месту нахождения. Её семиэтажный корпус на углу улиц Советской и К. Маркса находился в самом центре деловой и культурной жизни города. Гостиница одновременно могла принять 367 человек. Первая категория её номеров располагала шестью комнатами на двоих и пятью двухкомнатными «люксами». Во второй категории – 6 комнат на одного, 130 на двух человек и 10 комнат типа общежития. При гостинице работало почтовое отделение, сберкасса, ресторан, парикмахерская⁹⁵.

4 ноября 1944 г. после эвакуации Ленинградского театра оперы и балета им С. М. Кирова вновь открыл сезон Пермский театр оперы и балета⁹⁶. Руководство театра и артисты значительный период времени жили в гостинице «Центральной»: «На ее двух этажах – шестом и седьмом – обитало большинство работников театра и его руководители. Некоторые из них прожили здесь несколько лет. При всех неудобствах гостиничного быта, гостиница по тем временам предоставляла своим постояльцам известный комфорт». Вспоминая о быте артистов Пермского театра оперы и балета той поры, живших в гостинице «Центральной», И. Келлер сравнивает ее «театральные этажи» с «консерваторс-

ким общежитием»⁹⁷: «работники театра, жившие в «семиэтажке» при встречах друг с другом нет-нет, да и вспомнят о ней с лирической грустью как об ушедших днях творческой молодости»⁹⁸.

Тот же И. Келлер вспоминал, как в 1971 г. композитор А. И. Хачатурян, приехавший в Пермь для работы над постановкой балета «Спартак», отказался от номера в новой гостинице и попросил поселить его в гостиницу «Центральная»: «Случается, по дороге в театр я прохожу мимо «семиэтажки», останавливаюсь и смотрю на хорошо знакомое окно шестого этажа... на окно моего номера. Смотрю и думаю: хорошо бы на стену гостиницы повесить мраморную доску с надписью: «Здесь в годы Великой Отечественной войны Сергей Прокофьев сочинял балет «Золушка», Мариан Коваль – оперу «Севастопольцы», Арам Хачатурян – балет «Гаянэ»⁹⁹.

20 мая 1993 г. по решению Малого Совета Пермской области № 683 здание гостиницы «Центральная» было взято на государственный учет как памятник архитектуры и градостроительства регионального (областного) значения¹⁰⁰.

В начале 1990-х гг., когда наступили трудные времена для всего коммунального хозяйства, разнёсся слух о том, что старейшая городская гостиница ликвидируется. Заместитель директора гостиницы в интервью корреспонденту «Вечерней Перми» 15 февраля 1995 г. сказала: «Как и вся «бытовка», мы действительно пребываем в полосе выживания... в качестве отеля «Центральная» несостоятельна. Кто согласится терпеть наш комфорт с одним туалетом на этаж? Естественно, мы стали сдавать помещения под офисы. Оставили под гостиницей два этажа из семи. ... В планах превращение двух гостиничных этажей после соответствующего ремонта все-таки в настоящий отель – с номерами «люкс» и однокомнатными номерами»¹⁰¹.

В 1930-е гг. гостиница была гнездом разврата и воровства: у сторожа однажды украли шапку прямо из рук, а ресторан при гостинице был центральной точкой сбора местных проституток. В 1940-е гг. гостиница стала самым шикарным зданием Перми, где чуть ли не впервые в городе был установлен лифт, и останавливались самые значительные и дорогие гости региона, а в годы войны жили настоящие звезды. В 1950-е гг. в гостинице жила труппа Пермского театра оперы и балета. В 1960-е и 1970-е гг. «Центральная» жила воспоминаниями о своих великих постояльцах – пермское телевидение даже сняло фильм «Семиэтажка». В 1980-е и 1990-е гг. гостиница стремительно ветшала: это был один из самых дешевых отелей города, где останавливались цыганские семьи и кришнаиты. С начала 1990-х гг. по финансовым причинам большая часть помещений сдавалась под офисы. Сейчас «Центральная» функционирует, по сути, как бизнес-центр: на пяти этажах разместились многочисленный фирмы и фирмочки, а на двух этажах – гостиница, номер в которой стоит от 1500 до 2500 рублей в сутки. С 1998 г. владельцем гостиницы стал небезызве-

стный в городе человек Игорь Веселков, депутат второго созыва Законодательного собрания Пермской области. В настоящее время разрабатывается проект реконструкции для размещения гостиницы бизнес класса и делового центра (с возможным сносом старого здания). Прецеденты в Перми есть, достаточно вспомнить кинотеатр «Кристалл»¹⁰².

¹ Государственные списки памятников истории и культуры Пермской области. – Пермь, 2001. – С. 142.

² Пермь / Ред.-сост. М. Г. Гуревич. – Пермь, 1957. – С. 211.

³ Пермский округ Уральской области. Отчет Окружного Исполнительного комитета II созыва и обзор округа. – Пермь, 1927. – С. 217.

⁴ ГАПО. Ф. р-176. Оп. 9. Д. 3. Л. 175.

⁵ Там же. Л. 36.

⁶ Там же. Л. 109-110.

⁷ Там же. Л. 127.

⁸ Там же. Л. 36-37.

⁹ Там же. Л. 41.

¹⁰ Терёхин А. С. Пермь: Очерк архитектуры. – Пермь, 1980. – С. 61.

¹¹ ГАСО. Ф. р-191. Оп. 9. Д. 167. Л. 18.

¹² ГАСО. Ф. р-191. Оп. 9. Д. 167. Л. 15; Ф. р-2682. Оп. 2. Д. 67. Л. 104.

¹³ Архитекторы и архитектурные памятники Пермского Прикамья: Краткий энцикл. словарь. – Пермь, 2003. – С. 89-90.

¹⁴ ГАПО. Ф. р-145. Оп. 1. Д. 150. Л. 389.

¹⁵ ГАСО. Ф. р-191. Оп. 9. Д. 167. Л. 15.

¹⁶ ГАПО. Ф. р-145. Оп. 1. Д. 282а. Л. 1 и 1 а; Д. 282. Л. 29-29 об.

¹⁷ ГАПО. Ф. р-145. Оп. 1. Д. 282. Л. 36,37-37 об.

¹⁸ Там же. Л. 33, 34-34 об.

¹⁹ Там же. Л. 28.

²⁰ ГАСО. Ф. р-191. Оп. 9. Д. 167. Л. 20.

²¹ ГАПО. Ф. р-38. Оп. 1. Д. 845. Л. 61.

²² Там же. Л. 69.

²³ Там же. Л. 70.

²⁴ Там же. Л. 70 об.

²⁵ Там же. Л. 69-70 об.

²⁶ Там же. Л. 71-71 об.

²⁷ Там же. Л. 68.

²⁸ Там же. Л. 61.

²⁹ Там же. Л. 152-152 об.

³⁰ Там же. Л. 158.

³¹ ГАПО. Ф. р-176. Оп. 9. Д. 3. Л. 41.

³² Там же. Л. 175.

³³ Список абонентов Пермской окружной телефонной сети на 1925 год. – Пермь, 1925. – С. 38, 40, 46, 47, 97.

³⁴ ГАПО. Ф. р-176. Оп. 1. Д. 94. Л. 317.

³⁵ ГАПО. Ф. р-1043. Оп. 1. Д. 80. Л. 25-26.

³⁶ Там же.

³⁷ ГАПО. Ф. р-38. Оп. 1. Д. 845. Л. 181.

³⁸ ГАПО. Ф. р-1043. Оп. 1. Д. 83. Л. 25-27 об.

³⁹ Список абонентов Пермской автоматической телефонной станции гг. Перми и Молотово на 1935 год. – Пермь, 1935. – С. 12-13.

⁴⁰ ГАПО. Ф. р-130. Оп. 2. Д. 41. Л. 17-16 об.

⁴¹ Там же. Л. 1-1 об.

⁴² Там же. Л. 7.

⁴³ ГАПО. Ф. р-1043. Оп. 2. Д. 953. Л. 7-7 об.

⁴⁴ ГАПО. Ф. р-470. Оп. 1. Д. 97. Л. 40.

⁴⁵ Там же. Л. 8 об.

⁴⁶ Там же. Л. 20-21.

⁴⁷ Штейн А. П. Небо в алмазах: Докум. проза. – М., 1981. – С. 136-137.

⁴⁸ ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 7. Д. 150. Л. 45-50.

⁴⁹ Там же. Л. 55.

⁵⁰ ГОПАПО. Ф. 90. Оп. 2. Г-48.

⁵¹ Вечеслова Т. О том, что дорого: Воспоминания. – Л., 1984. – С. 97.

⁵² Вечеслова Т. Я – балерина. – Л.: Искусство, 1966. – С. 142-143.

⁵³ Пермь / Ред.-сост. М. Г. Гуревич. – Пермь, 1957. – С. 247.

⁵⁴ ГАПО. Ф. р-176. Оп. 5. Д. 87. Л. 33-34.

⁵⁵ Будни гостиницы // Звезда. 1942. 10 февр.

⁵⁶ Архив Т. Лукьяновой. ПОКМ. Сценарий т/ф. «Семиэтажка». Пермтелефильм. 1975.

⁵⁷ Музыка, рожденная в Перми // Вечерняя Пермь. 1969. 16 дек.; Вечеслова Т. О том, что дорого: Воспоминания. – Л., 1984. – С. 143-145.

⁵⁸ Куколев Л. Прокофьев в Перми // Вечерняя Пермь. 1991. 8 авг.

⁵⁹ Вольф Мессинг / Авт.-сост. Н. Непомнящий. – М., 1998. – С. 155-156;

Гусаров В. Мой папа убил Михоэлса. – Франкфурт, 1978. – С. 59-60.

⁶⁰ Вечеслова Т. Я – балерина. – Л., 1966. – С. 156-157.

⁶¹ ГАПО. Ф. р-176. Оп. 5. Д. 104. Л. 50.

⁶² Панова В. О моей жизни, книгах и читателях. – Л., 1980. – С. 190-192.

⁶³ Архив А. Спешилова. ПОКМ. 20406/50-51.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Архив ОЦОП. Д. Интервью с Е. А. Спешиловой 7 августа 2003 г. Л. 14.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Архив А. Спешилова. ПОКМ. 20406/50-51.

⁶⁸ Архив ОЦОП. Д. Интервью с Е. А. Спешиловой 7 августа 2003 г. Л. 14.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Архив А. Спешилова. ПОКМ. 20406/31.

⁷¹ Архив ОЦОП. Д. Интервью с Е. А. Спешиловой 7 августа 2003 г. Л. 14.

⁷² По сведениям Е. А. Спешиловой. 31.05.2006 г.

⁷³ Архив ОЦОП. Д. Интервью с Е. А. Спешиловой 7 августа 2003 г. Л. 14.

⁷⁴ По сведениям Е. А. Спешиловой. 31.05.2006 г.

⁷⁵ Никитин А. Пушкин и Урал: По следам находок и утрат. – Пермь, 1984. – С. 270.

⁷⁶ Архив А. Спешилова. ПОКМ. 2406/50-51

⁷⁷ Архив А. Спешилова. ПОКМ. 20406/25

⁷⁸ Архив А. Спешилова. ПОКМ. 2406/50-51

⁷⁹ Колбас В. С. «Во время бешеного шторма...» // Бессмертный подвиг народа. – Пермь, 2000. – С. 95.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Каверин В. Наука расставания // Октябрь. 1983. № 5. С. 24-25.

⁸² Там же. С. 71.

⁸³ Панова В. О моей жизни, книгах и читателях. – Л., 1980. – С. 195.

⁸⁴ Там же. С. 204-205.

⁸⁵ Там же. С. 218.

⁸⁶ Там же. С. 218-219.

⁸⁷ Пермь социалистическая: Краткий очерк истории города с 1917 по 1973 гг. – Пермь, 1973. – С. 70.

⁸⁸ ГАПО. Ф. р-176. Оп. 5. Д. 188. Материалы (Списки, планы, переписка) по подготовке проведения конференции АН СССР по изучению производительных сил Молотовской области. Сентябрь 1945-13.01.1946.

⁸⁹ Там же. Л. 19

⁹⁰ Там же. Л. 4-4 об.

⁹¹ ГАПО. Ф. р-176. Оп. 5. Д. 188. Л. 19 об.; Келлер И. Репетиции. Спектакли. Встречи. – Пермь, 1977. – С. 72.

⁹² ГАПО. Ф. р-176. Оп. 5. Д. 188. Л. 2-3.

⁹³ Известия. 1945. 7 дек.

⁹⁴ ГАПО. Ф. р-470. Оп. 1. Д. 174. Л. 4.

⁹⁵ Пермь / Ред.-сост. М. Г. Гуревич. – Пермь, 1957. – С. 247.

⁹⁶ Пермь социалистическая: Краткий очерк истории города с 1917 по 1973 гг. – Пермь, 1973. – С. 67-68.

⁹⁷ Келлер И. Репетиции. Спектакли. Встречи. – Пермь, 1977. – С. 70.

⁹⁸ Там же. С. 74.

⁹⁹ Там же. С. 74-75.

¹⁰⁰ Памятники истории и культуры Пермской области. – Т. 2. – Пермь, 1993. – С. 52.

¹⁰¹ Егорова О. Отелю «капут»? // Вечерняя Пермь. 1995. 15 февр.

¹⁰² Гайсин О., Федотова С. «Дом Одиночек» или блеск и нищета гостиницы «Центральная» // Компаньон-magazine. 2006. № 6, 7; 2007. № 2 (11).

Т. Ю. Снегирёва

ПЕРМСКИЙ ДОМ УЧИТЕЛЯ: 85 ЛЕТ ВДОХНОВЕНИЯ (ул. Сибирская, 12)

Мудрый человек сказал: «В каждом городе должна быть хотя бы аптека, которая стоит на этом углу 100, 200, 300 лет. Тогда это не место проживания, а твой родной город...»

Улица Сибирская – одна из самых старейших улиц Перми. Дом на Сибирской, 12, в числе немногих старинных домов, сохранившихся на этой улице, являясь историческим памятником. Всего на два века моложе Перми учреждение, которое в 1920-х гг. расположилось в этом здании, и живёт своей особенной жизнью вот уже 85 лет – Дом учителя.

Коренные пермяки хорошо знают это старинное здание, в котором всегда светятся окна, зазывая радушно в гости.

У самого здания интересная судьба. Из истории известно, что до пожара 1842 года здесь стоял деревянный двухэтажный дом с мезонином, который сгорел. Это место тогда приобрёл купец И. Ф. Любимов и построил здесь дом. В 1877 г. двухэтажное каменное здание принадлежало уже другому хозяину – А. В. Толянину, а в конце XIX в. появился очередной владелец – П. Е. Попов, который вёл торговлю железом, сталью, чугуном и изделиями из них. Нижний этаж Попов сдавал в аренду под магазины состоятельным купцам. Второй этаж снимали «поземельно-устроительный отряд» и при нём «общество пособия бедным и призрения их в ремесленно-земледельческих колониях». С 1907 по 1914 гг. здесь жил вице-губернатор, коллежский советник В. И. Европеус.

Многое повидал дом на своем веку. О том, что располагалось в этом здании в революционные годы, история умалчивает. Но известно, что на Урале еще не затихло эхо гражданской войны, как, согласно декрету Совета народных комиссаров от 25 апреля 1921 г. «О домах работников просвещения», в Перми был организован Домпрос (Дом просвещения). С 18 марта 1923 г. ведётся его летоисчисление. Целью Домпроса было, прежде всего, сблизить между собой работников просвещения, которые почти не знали друг друга, для этого в Доме своими силами устраивались концерты, товарищеские вечеринки.

С 15 мая 1923 г. в Доме просвещения начали проводиться курсы для учителей по теории трудовой школы, истории развития хозяйственных форм, гигиене и санитарии, работал кружок по политграмоте, велась работа кружка дошкольников. Существовали читальня и передвижная библиотека.

Первоначально Дом просвещения находился на ул. Кирова, 17, а уже через год переехал в дом Любимова (Попова), где находится и сейчас, уже 85 лет не меняя прописки.

История этого культурно-досугового учреждения любопытна, поучительна, драматична. Это дом с особенной судьбой. Первым учредителем Областного Дома работников просвещения как клубного, культурно-досугового учреждения, был областной комитет профсоюза работников просвещения. В трудные 1990-е гг. дом дважды (по разным причинам) переходит от одного учредителя к другому: уж очень нестандартно и нетипично выглядел он на фоне других образовательных учреждений. В 1993 г. из-за финансовых сложностей дом был передан в Главное управление образования и реорганизован в «Областной Центр творчества работников образования», продолжая петь, создавать творческую атмосферу, согревать и радовать учителей всех возрастов и званий.

В области один за другим закрывались аналогичные дома, и свое областное значение Дом просвещения постепенно утратил. Встал вопрос о передаче его в муниципалитет. С 1998 г. Центр, по постановлению главы г. Перми Ю. Трутнева, стал именоваться «Муниципальным учреждением

дополнительного образования взрослых «Дом учителя». С этого времени (документально и официально) закрепилось название учреждения таким, как его всегда называли в народе – Дом учителя.

И все годы он был востребован в городе как Дом культуры учителей, своего рода необходимый системообразующий элемент, который занял свою нишу в социо-культурном пространстве города Перми.

Дом учителя – это и связь поколений, и штаб-квартира пермского учительства. Дом сохранился в числе немногих в России, пережив трудные годы, хотя проблемы его дальнейшего существования возникают до сих пор. Но вопреки всему Дом учителя продолжает жить. Никакие испытания и беды не смогли погасить в нем огонь творчества и оптимизма.

ДОМ УЧИТЕЛЯ... Заметная синяя дверь на Сибирской, 12. Через неё прошло множество людей. За свою почти вековую историю он привечал и согревал не одно поколение учителей. В суровые военные годы он был прибежищем для многих пермяков и приезжих, спасающихся здесь от холода и голода. Он стал Домом всей интеллигенции Перми. И любое действие, происходящее в его стенах, зачастую становится событием городского, областного, а то и российского масштаба.

Сегодня это один из немногих в нашем миллионном городе, самый доступный культурно-досуговый центр, где с утра до вечера кипит творческая жизнь и созидательная работа. Учительство всех поколений стремится сюда на огонёк, отогреваясь сердцем, находя здесь занятие по душе. Общеизвестны клубы и объединения Дома учителя, творческие коллективы знают и любят в городе. Признанный многими любителям пения академический хор учителей по достоинству оценен не только в нашей стране, но и за рубежом. На международных конкурсах хоровых коллективов в 1996 г. в Австрии (Вена), в 1998 г. – в Италии (Верона), в 2001 г. – в Венгрии (Будапешт) он удостоивался самых высоких наград.

Один из самых старейших творческих коллективов (с 70-летней историей) – вокальная студия «Вдохновение», полвека академическому хору ветеранов педагогического труда, к десятилетию приближается просветительская деятельность философского клуба «Эйдос»... Многие годы собирает клуб «Эколог» неравнодушных энтузиастов – работников образования, учителей и воспитателей. В клубе зародилось молодёжное экологическое движение «Зелёный мир», – Ассоциация молодёжно-экологического движения, в которое сейчас входит 31 территория Пермского края. Все крупные экологические акции («Чистый город», «Помоги реке», и др.) начинаются в стенах клуба.

В «Звездной гостиной» Дома учителя проводятся вечера-портреты заслуженных учителей, ярких талантливых личностей, известных всему городу, а также встречи с деятелями культуры и искусства.

Для кого-то Дом учителя – это, прежде всего библиотека, в которой каждый читатель найдёт нужную книгу. Книжный фонд десятилетиями бережно и с любовью формировался специалистами. Среди книг есть редкие и ценные издания.

Всё более популярными становятся серия вернисажей «Учитель и ученики», поэтический клуб «Элегия», молодежная театральная студия «Новое поколение», продолжающий лучшие традиции театрального творчества, и другие объединения, куда спешат и в будни, и в праздники люди разных возрастов – от мала до велика.

Сохраняя этот Дом, берегут добрые традиции пермского учительства, отстаивают честь профессии. Дому есть, чем гордиться. «За сохранение исторического наследия и культурных ценностей» РАЕН в 2002 г. наградила Дом учителя почётной медалью Екатерины Дашковой.

17 марта – день рождения княгини Дашковой, замечательной просветительницы, основателя Российской академии наук. Не случайно эта дата совпала с днём рождения Пермского Дома учителя с разницей в 180 лет. Именно в этот день 2006 г. мы начали проведение благотворительной акции «Пермская Осоргина» по сбору средств на издание мемуарной прозы Михаила Осоргина, замечательного русского писателя, уроженца Перми. Книга была издана и подарена школьным библиотекам.

Дом учителя стал центром духовной и интеллектуальной жизни не только педагогов, но и всей интеллигенции города. В его стенах живёт память о первом директоре – Степане Чижевском, и других замечательных и бесценных учителях, деятелях культуры, которые вошли в историю нашего края.

В разное время были связаны с Домом имена таких замечательных пермяков, как Борис Ширшов, Владимир Радкевич, Анатолий Тумбасов, Людмила Дворсон, Владимир Васильев, Вячеслав Кайдалов.

Среди особых гостей здесь бывали Алексей Маресьев, Арам Хачатурян, Вера Панова, Любовь Орлова, и еще много знаменитых людей, которые, приезжая в Пермь, обязательно заходили в наш гостеприимный Дом. За годы своего существования Дом обрёл много преданных друзей. Среди них пермский поэт Ф. Востриков, который в юбилейный год посвятил Дому учителя стихотворение:

*Ах, Дом друзей, ты в жизни самый близкий,
Богат, как встарь, прекрасными людьми.
Стоишь, как храм, на улице Сибирской,
Творишь во благо Матери – Перми!*

*Ты даришь мудрость, радужное счастье
И старым, и конечно, молодым.
Спасём тебя от ярых напастей
И защитим, как Русь, и сохраним!*

ТАЙНЫ ПОРТРЕТНОГО ФОЙЕ (Дом Смышляева)

Центральной городской библиотеке им. А. С. Пушкина (Дом Смышляева) чуть более 40 лет. У нас нет музея, нет мемориальных коллекций, но есть ДОМ, история которого исчисляется третьей сотней лет. Влияние имени здесь бесспорно. Как только в логотипе библиотеки появилось – Дом Смышляева, к нам стали стекаться люди, идеи, готовые проекты, содержащие историко-культурные смыслы Перми.

Их освоением, современным наполнением и развитием мы и занимаемся сегодня, вопреки тенденции, возникшей в 90-е годы прошлого века, когда информационная функция библиотек стала мощно доминировать, подавляя просветительскую, культуротворческую. Тогда сформировались актуальные, конъюнктурные составляющие библиотечного фонда, возникла реальная опасность утилитарного подхода общества и властей к библиотеке.

В то время, когда Союз Европы провозгласил в отношении библиотек – «создадим общественный рай!» – российская действительность склоняет наших коллег к голой функциональности, бюрократизму, вульгарной информатизации. Такой модели библиотеки грозит неминуемая гибель, так как у нее отнимают возможность стать уникальной частью культуры, так как нет в ней места для полноценного взаимодействия людей и смыслов. Библиотека по своей природе является моделью культуры, и ее уникальность состоит в том, что она обладает и навигацией в ее лабиринтах. Библиотека как система гиперссылок, как текст текстов очень органично встраивается в информационное общество, но, подчеркиваю, в культурное информационное общество.

Осознавать и транслировать библиотеку как центр книжной культуры Перми, ее единичность и уникальность нам позволяет Дом: имена и события, заключенные в огромном томе его истории.

Выстроить их в логический ряд помогла Портретная галерея владельцев и гостей Дома Смышляева и небольшая историко-литературная экспозиция в холле библиотеки. Здесь же вскоре будет представлена полнотекстовая электронная база данных «Золотая летопись Дома» в интерактивном режиме.

Тайны Портретного фойе постигают участники многочисленных экскурсий, проводимых сотрудниками библиотеки. С легкой руки профессора В. В. Абашева, наряду с традиционной экскурсией появился жанр прогулки – «По Пушкинке без скуки». Образ библиотеки получается живым, неформальным и даже веселым, благодаря преданиям, байкам и анекдотам из «подлинной жизни», вплетенным в канву исторических лиц и событий.

«Читая» Дом, поражаешься, насколько органична его биография, словно выстроенная по заказу. Бывшие владельцы дома Жмаевы, Дягилевы, Смышляевы остались в истории нашего города как просвещенные люди, много усилий приложившие к процветанию Перми успешными торговыми и промышленными делами, благотворительной и культурно-просветительской деятельностью. Благодаря им создавались традиции провинциального города, а дом навсегда стал центром духовной жизни Перми. В Доме всегда были богатые библиотеки, вначале – частных владельцев, затем – общественная, а с 1918 г. – губернская. В 1967 г. здесь обособилась центральная городская библиотека. Даже имя Пушкина, присвоенное библиотеке формально, вписалось в общий контекст любопытным краеведческим этюдом «Знакомцы Пушкина в Перми».

Приобщение горожан к миру книжной культуры мы можем сделать захватывающе интересным, содержательным, используя возможности всех жанров искусства. Но смысловым центром нашей культуротворческой деятельности была и остается книга.

Не случайно, экспозиция к 40-летию библиотеки по ее новейшей истории была представлена, как «Большое книжное путешествие», где станциями стали имена главных героев: Леонида Юзефовича, Алексея Иванова, Нины Горлановой и многих других. Им предшествовал знаменитый цикл вечеров «Литературные среды в Доме Смышляева». Благодаря фонду «Юртин», Пермь посетили лучшие поэты страны: Ольга Седакова, Иван Жданов, Вера Павлова, Александр Кушнер и др. Традиция была продолжена «малыми средами» – поэтическими вечерами пермских литераторов: Вячеслава Ракова, Владислава Дрожачих, Владимира Лаврентьева, Павла Чечеткина. Начат новый цикл камерных встреч «Поэзия высоких состояний» – о творчестве малоизвестных поэтов, создавших шедевры мировой поэзии 1920 – 1970-х гг. XX века (Л. Аронзон, А. Введенский, Д. Авалиани и др.).

Почти каждый месяц в библиотеке проводится день новой книги, основой которого становится большой просмотр литературы и локальные выставки. Герои дня – пермские писатели, издатели, журналисты. Проводятся премьеры книг, журналов, фильмов и аудиокниг. Специальным проектом стали дни молодежной книги. Привлечь внимание юношества к книге не просто, поэтому были использованы более радикальные средства коммуникации: выставка книг молодых дерзких авторов в форме перформанса, экспозиция постмодернистской живописи Ольги Алехнович, встреча с амбициозным журналистом и прозаиком Иваном Колпаковым, просмотр и обсуждение фильма «99 франков» по прозе Ф. Бегбедера, а также «битвы книжных экспертов», конкурсы, интеллектуальные игры.

Тема путешествия, движения, приключения, необычайно привлекательная для молодых читателей, раскрывается в наших культурных проектах

тах. Соглашаясь с постулатом «библиотека – хранитель традиций», сотрудники ЦГБ осознают и решают проблему нового языка в своих коммуникациях с читателем, зрителем, слушателем, чтобы не «антикварная» история, а человеческие судьбы, страсти, порывы на фоне исторических событий стали понятны и близки нашим молодым пользователям.

Как сделать так, чтобы имена Дягилева, Смышляева, Пастернака, хорошо известные зрелым образованным людям, вошли в культурный багаж молодых?

В марте каждого года библиотека отмечает день рождения самого знаменитого владельца Дома Д. Д. Смышляева. При подготовке юбилейной программы «Веков минувших отраженье» к 180-летию со дня его рождения смущало многое: полузабытость имени человека неординарного, в свое время широко известного, сделавшего для Перми и России столько, что хватило бы на несколько жизней, равнодушие к теме со стороны СМИ, бедность визуального материала и др.

Как внести энергетику современности, «полезности», интриги в традиционную историко-краеведческую программу? Каким образом человек из века XIX может быть понятным нашим современникам?

Вначале пригласили известную журналистку, давно и интересно работающую с краеведческим материалом, создателем нескольких фильмов и программ на TV, Варвару Кальпиди. В результате вышел в эфир эмоциональный сюжет о Д. Д. Смышляеве с приглашением на программу и участие в информационно-поисковой игре «По следам пермского странника». Первыми откликнулись студенты сельхозакадемии. Они и отправились по маршрутам поиска. В помощь игрокам в нескольких местах библиотеки были обозначены «информационные узлы», назначены «сталкеры» из числа библиотекарей. Задания не были простыми, и мы рассчитывали если не на компетентность, то уж на азарт и командный дух, точно! Все команды в процессе поиска фактографической информации воспользовались СБА, дайджестами, краеведческими изданиями. С работой справились все, поэтому награду получили вернувшиеся первыми. Это был фильм на DVD В. Кальпиди « Улицы города Перми». Конечно, приятно и необычно было присутствие молодежи в этот важный для нас день на фоне почтенной публики, профессионально занимающейся проблемами историко-культурного наследия края.

Похоже, на этот раз нам удалось совершить «информационный проыв» к горожанам, поскольку были еще торжественная церемония у мемориальной доски, встреча с потомками рода Смышляевых, экскурсии «Были старого Дома», многочисленные публикации, интервью и сюжеты в СМИ. А днями позже прошла научно-церковная конференция «От Перми до Иерусалима», подготовленная пермской епархией с участием библиотеки. В результате у нас появился новый информацион-

ный ресурс из московских архивов. Мы были просто потрясены масштабом деятельности «пермского странника» в Императорском Православном Палестинском обществе, которое теперь возобновило работу и в Москве, и в Перми. Кстати, все участники конференции получили в подарок, изданную библиотекой книгу по истории Дома Смышляева «Свидетель века», выдержавшую за полгода 2-е издание.

Идея игрового краеведения, где поиск информации превращается в увлекательное приключение, была использована в раскрытии другой важной для нас темы «Юртин – город судьбы».

«Волею судьбы в 1916 году Борис Пастернак почти полгода провёл в наших местах. Он служил на химических заводах вдовы Саввы Морозова на севере Прикамья, во Всеволодо-Вильве, жил в семье управляющего заводами инженера Б. Збарского. В мае-июне, перед отъездом с Урала, Пастернак не однажды наезжал в Пермь по служебным делам, а в июне 1916 года он впервые переступил порог общественной библиотеки, чтобы полистать книги по местной истории». (В. Абашев. «В поисках Юртина») Свои интересы он потом переадресовал любимому герою Юрию Живаго.

Библиотека запомнилась, впечатлил многооконный читальный зал – залитый светом, многолюдный. Сюда привносит Пастернак важное событие романа «Доктор Живаго» – встречу Юрия и Лары и осознание главным героем своей трагической любви. Этот материал – о пребывании Пастернака на Урале и эпизод из текста романа «Доктор Живаго» – мы использовали для моделирования действия и пространства в своей работе в рамках международного турпроекта «Путешествие по роману «Доктор Живаго». Примененный образно-сюжетный подход помогает включить воображение, создать эмоциональный настрой у многочисленных «паломников».

С помощью артефактов: керамических панно, ваз в виде деревьев, чудных птиц, художественных пейзажей – создается эффект уральского пейзажа. Обстановку читальни воссоздает антураж: стопка старых книг с торчащими наружу формулярами. На них – загадочный адрес Лары: «Купеческая, против дома с фигурами». Звучит «Вальс Лары» из культового фильма Дэвида Линча. Иногда приглашаются актеры, и фрагмент романа представляется языком драматургии. На протяжении всей экскурсии звучат стихи и строки из романа «Доктор Живаго». Пространство великих книг оживает.

Большим успехом у читателей пользуются просветительские программы Марины Демидовой «Он молод, все ему впервые: любовь, поэзия, Урал» и «Виртуальные прогулки с Борисом Пастернаком». Мультимедийный комплекс позволяет использовать все разнообразие визуальной информации, в т. ч. «взрывной» клип Алисы Поморцевой «Урал впервые».

Несмотря на то, что в городе активно разрабатывается тема «Пермь пастернаковская», большая часть горожан остается в стороне от увлекательнейшего занятия, именуемое юрятиноведением. А между тем, Пастернак подарил нам замечательную метафору, назвав Пермь Юрятиным. В его чертах мы без труда узнаем свой город и на протяжении романа обнаруживаем все новые и новые тому доказательства. Этому посвящен наш новый проект информационно-поисковой игры для молодежи «В поисках Юрятина».

Наши партнеры – ресторан «Живаго», фонд культуры «Юрятин», театр «Театр» и СМИ. Сейчас идет подготовка к проведению игры: готовится рекламная продукция, разрабатываются маршруты поиска, ведутся переговоры с партнерами и участниками. Надеемся на интересный результат.

Дом историчен и литературен. Его культурные смыслы неисчерпаемы. И в век удаленного доступа нам важно пригласить горожан в пространство Дома, где экспонируются картины, играют спектакли, демонстрируются фильмы, проводятся экскурсии, и где есть главное – магия книжных полок. Еще никто толком не знает, какой должна быть новая территория книги в электронный век культуры для нечитающего поколения. Но мы пробуем, стараясь выйти за пределы обыденности, создать свое культурное поле:

1. Формируем уникальные части документного фонда. Приобрели полную коллекцию пермской книги краеведа М. А. Луканина, собираем книги с автографами, создаем артотеку, которую пополнит новая коллекция пермской книжной графики по проекту «Контурь строки». На очереди – видеопоззия и создание мультимедийного комплекса с видеоархивом театральных спектаклей Перми.

2. Формируем историко-культурную экспозицию по истории Дома, на основе которой, возможно, когда-нибудь возникнет музей нового типа, который не только собирает артефакты прошлого, а продуцирует нечто новое, неожиданное.

3. Активно взаимодействуем со своими читателями, используя средства современной экспонатуры, интерактивность и возможности новой визуальной культуры. Наша мечта – библиотека как творческая площадка для освоения новых идей, концепций, технологий, где подразумевается даже не диалог, а полилог с разными посетителями и партнерами.

ПЕРМСКИЙ ДОМ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, МЕМУАРАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ

Г. М. Ребель

ДОМ В ЛИТЕРАТУРЕ И ЛИТЕРАТУРА КАК ДОМ

В документальной повести Ивана Алексеевича Бунина «Окаянные дни», написанной в 1917–1919 гг., в разгар революции и гражданской войны, есть такие примечательные в рамках нашей темы строки: «...в тысячелетнем огромном доме нашем случилась великая смерть, и дом теперь растворен, раскрыт настезь и полон несметной праздной толпой, для которой уже не стало ничего святого и запретного ни в каком из его покоев»¹. Через десять лет, уже давно живя во Франции, но по-прежнему мысленно созерцая и художественно воссоздавая Россию, в маленьком рассказе с многозначительным названием «Обреченный дом» Бунин напишет: «С изумлением осматриваю этот давно знакомый мне дом: как же это никогда до сих пор не пришло мне в голову, что в таком доме непременно должно было совершиться убийство?»² И хотя в данном случае речь, казалось бы, идет о событии конкретном и частном, в этой «зарисовке с натуры», в этой кажущейся бытовой картинке явственно просвечивает мрачная историческая перспектива и непреходящая боль невозполнимой утраты.

В отличие от многих своих великих русских собратьев по перу, Бунин никогда не был домовладельцем. Еще в детстве покинув родительский дом, он всю остальную жизнь провел в гостиницах, на съемных квартирах и очень часто – в пути, «на перекладных». Тем примечательнее и символически значимее процитированные строки, как и всё написанное после отъезда из России. Для Бунина Россия и была домом, и, разлученный с нею навсегда, он вновь и вновь возвращался на родину мысленно и творчески, бродил по «темным аллеям» своей памяти, воссоздавая проселочные дороги, московские улочки и петербургские закоулки, рощи, сады и парки, деревенские избы и мещанские домики, человеческие лица, ситуации, речи, – воссоздавая родину, то есть заново, художнически отстраивая и обустривая утраченный дом. В этом смысле творчество Бунина символично, ибо наглядно демонстрирует то, что *дом не только объект изображения в литературе, но и ее цель, ее результат, ее творческий итог*: сама литература, в частности литература русская, есть национальный дом, со своим укладом – стилем, со своей планировкой – архитектуроникой, со своими обитателями – героями, которые по большому счету являются членами одной семьи и неизбежно становятся членами семьи читателя, если он не про-

шел мимо этого дома и не просто случайным гостем заглянул на огонек, но задержался надолго, остался навсегда.

И самый способ изображения дома в литературе – это одно из важнейших средств воплощения формулы «литература как дом».

Чрезвычайно показательно в этом плане творчество современников И. А. Бунина, оказавшихся свидетелями и участниками той самой национальной катастрофы, которую Бунин квалифицирует как разрушение национального дома, и воссоздавших ее, в отличие от Бунина, не в документально-дневниковом варианте, а в собственно художественных формах.

Художественные миры романов Михаила Булгакова «Белая гвардия» и Михаила Шолохова «Тихий Дон» кажутся, на первый взгляд, явлениями несопоставимыми ни с идейной, ни с художественной точки зрения. Если «Белая гвардия» – это лиро-эпический реквием по уходящей с исторической арены и из жизни русской дворянской интеллигенции, то «Тихий Дон» – грандиозная эпическая картина народной трагедии, виновницей которой, по мнению Шолохова и его героя, во многом и является дорогая сердцу Булгакова прослойка русских образованных людей. Григория Мелехова невозможно представить в компании Турбиных, в их уютном «квартирном мирке», трогательно и обреченно прикрывшемся от бушующего за окнами безумия кремовыми шторами. Однако если мы пристально всмотримся в архитектуру обоих романов, то с неопровержимой очевидностью обнаружим: романские миры Булгакова и Шолохова выстроены практически одинаково: в обоих случаях пульсирующее, живое, динамичное и емкое художественное пространство, трансформируясь соответственно конкретному предмету изображения – то расширяясь до картины поистине вселенской, то сужаясь до «малого», точечного места действия – держится на сходных опорах, тяготеет к одному и тому же центру. У Булгакова это дом Турбиных, душа и нерв жизни Города, расположенного посреди «страшной страны Украины», от нее, в свою очередь, тянутся незримые нити во все стороны света, одна из которых – «Москва» (условная Москва, «полюс холода») – источает угрозу гибели; всё это взбаламученное революцией пространство апеллирует к вечности, но от её холодного, равнодушного всепрощения возвращается к единственно приемлемому и понятному для живого человека месту в мире – домашнему очагу, дому.

Точно так же обустроен мир «тихого Дона». Романное пространство, расширяясь и усложняясь, дробясь и корчась в муках войны – сначала первой мировой, потом гражданской, на протяжении всего повествования сохраняет устойчивый эмоционально-психологический, нравственный, бытийный центр — дом. Разумеется, мелеховский дом — это не городская профессорская квартира Турбиных с книгами, вазами, сервизами, белой скатертью на столе, — это вообще не только дом, но и

двор с его хозяйственными постройками, и собственная земля, обильно политая потом. Но чем очевиднее внешнее различие, тем важнее глубинное сходство. На мелеховском дворе начиналось действие романа. Сюда рвалась душа Григория, даже когда он по доброй воле уходил на чужую сторону, а уж тем более, когда уводила его война. Сюда после долгих, жестоких и мучительных скитаний возвращается он в финале. Неузнаваемо изменившийся, почерневший от горя, разуверившийся во всем, он так и не нашел правду, которую мучительно и страстно искал. Между тем, единственная неотменимая и неоспоримая правда открылась Григорию именно теперь: «Он стоял у ворот родного дома, держал на руках сына... Это было все, что осталось у него в жизни, что пока еще родило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром»³. Страшный опыт человека из народа, плоть от плоти своего народа, Григория Мелехова, объективно и безусловно подтверждает правоту интеллигентов Турбиных, которые понимали, что в разгуле пугачевщины есть только один способ сохраниться если не физически, то метафизически: верность своему миру, своим близким, самим себе – то есть своему дому.

И в мире Шолохова, и в мире Булгакова первооснова человеческого бытия, его главная опора и гарантия стабильности жизни вообще — отчий дом. Тот «пестрый мир, где столкновение страстей»⁴, в который, в полном соответствии с логикой революции, уводит из «квартирного мирка» героев своей трилогии «Хождение по мукам» Алексей Толстой, неизбежно оказывается нежилым, мертвым местом, оборачивается очень точно обозначенной Андреем Платоновым «беспризорностью огромной порожней земли»⁵ или «котлованом», который, вместо того чтобы стать строительной площадкой, оказывается братской могилой.

Следует подчеркнуть, что тема дома неизбежно актуализируется в нестабильные исторические эпохи, в моменты социальных и национальных потрясений. Так было в русской классической литературе: «дворянское гнездо» художественно предъясняется Иваном Тургеневым в момент своего апогея и, одновременно, заката; замечательно устойчивые и притягательные семейные миры Ростовых и Болконских даны Львом Толстым в рамках героической эпопеи, а расшатанный домашний уклад Карениных, как и бездомность героев Федора Достоевского («все словно на постоялом дворе»), показаны в связи с коренным изменением социальных устоев страны. Не менее очевидно это в постреволюционной литературе. Романы, рассказы и повести М. Булгакова, Б. Пастернака, В. Тендрякова, Ю. Трифонова, В. Шукшина, В. Белова, В. Распутина, А. Солженицына – все эти и многие другие произведения так или иначе касаются темы дома, воссоздают образ дома, нередко изуродованного до состояния «нехорошей квартиры» или просто по-

рушенного, уничтоженного, что неизбежно оборачивается личным крушение героев или их физической гибелью. Самый памятный и выразительный пример последнего – судьба солженицынской Матрёны. Финальную формулу этого рассказа – *не стоит село без праведника* – можно развернуть и в другую сторону: человек, в том числе и праведник, не стоит без дома. Тяжкой и безрадостной выглядит, с точки зрения стороннего наблюдателя, Матрёнина судьба, излучающая свет лишь для того, кто способен сквозь будничную облик измученной жизнью старухи разглядеть черты святости. Полной мерой прошла по этой судьбе история, издевательски поизощрялась над ней убийственная и самоубийственная советская власть. Однако пусть и в таком печальном варианте – «Гнила и старела когда-то шумная, а теперь пустынная изба – и старела в ней беспритульная Матрёна», – но пока цела эта изба, жива и ее хозяйка. Топор, занесенный над домом, убивает Матрёну. Как пишет Солженицын, «те, кто настаивал» на том, чтобы она теперь же отдала завещанную приемной дочери Кире горницу, «знали, что её дом можно сломать и при жизни», и ломали беспощадно и жадно, «всё показывало, что ломатели – не строители и не предполагают, чтобы Матрёне ещё долго пришлось здесь жить»⁶, она и не зажила, ушла вслед за своим порушенным домом, ибо это тот случай, когда порушить дом означает отнять жизнь.

И наоборот: выжить в самых нечеловеческих условиях можно, только превратив самый ад в собственный дом. Так выживает Иван Денисович Шухов – потому что «не мог он себя допустить есть в шапке»⁷ жидкую баланду в лагерьной столовой, потому что «понимает жизнь и на чужое добро брюха не распяливает»⁸, но и своего не упускает; потому что и в неволе работает на совесть, с удовольствием, даже весело; потому что облика человеческого не теряет и мертвящее пространство вокруг себя по мере сил обживает, утепляет, очеловечивает, – «мертвый дом», еще более страшный, чем век назад, во времена Достоевского, заполняет своим живым духом, одновременно достраивая и дом символический, литературный, в котором давно уже ждали такого героя из народа: не мужика-богоносца и не жертву-страдальца, не непротивленца, не босяка и не мстителя, а жизнеспособного и жизненно достоверного человека, подлинного коренника, из числа тех, на ком держится и дом, и село, и страна.

Если вернуться к горькой формуле Бунина «в тысячелетнем огромном доме нашем случилась великая смерть», то, ни в коей мере не оспаривая ее историческую правоту, позволим себе еще раз подчеркнуть, что, помимо дома-страны, над которым не раз нависала смертельная опасность, который не раз подвергался разрушению, да и сегодня еще отнюдь не отличается человеколюбивым обустройством, есть у нас еще один великий и тоже тысячелетний, но главным образом в

последние два века обустроенный дом – наша литература. Идеальную сферу, которой она принадлежит, принято считать вторичной, производной: литература, дескать, отражает жизнь, а не наоборот. Однако вспомним тургеневское: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о, великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!» Язык как залог величия даже в отсутствие реальных признаков этого величия, даже в условиях, когда приводит в отчаяние неустроенность национального дома, есть одна из ипостасей литературы и ее роли в национальной судьбе: изначально будучи отражением, литература в конечном счете становится второй реальностью, не просто дублирующей, но – дополняющей, корректирующей, а нередко и заменяющей первую. «Нерукотворный» литературный дом, при всей своей «виртуальности», в конечном счете прочнее домов материальных и даже социально-исторических. Он необъятно просторен и вместителен, он многообразен, разностилен, гостеприимен и демократичен, он многонаселен – и при этом каждый желающий без труда найдет в нем уединенный уголок и нужного собеседника, а то и целую компанию, с которой хочется провести время. Литературный дом – это и школа, и университет, и теплый кров в жизненную непогоду, и надежное убежище от очередного социально-государственного диктата. Литературный дом – это хранилище национального духа и живая пульсация его, это источник идей, и катализатор поиска смыслов, и в то же время – несокрушимая твердыня, надежная опора, почва, питающая каждого, кто готов сделать встречное плодотворное усилие.

В разрушенном революцией российском доме, превращенном в советскую коммуналку с концлагерными отсеками, продолжали читать Пушкина, Тургенева, Толстого – и тем спаслись, сохранились, как нация. В оттепельные 60-ые были ошеломлены Солженицыным, зачитывались недоступными ранее Булгаковым, Цветаевой, мемуарами Эренбурга – и тем очищались. В 80-ые, на сломе исторических эпох, когда страна начала сложнейший поворот в сторону цивилизованного бытия, именно литература была самым востребованным, самым необходимым, жадно потребляемым общественным продуктом. Правда, на волне перемен в очередной раз «все смешалось» в нашем доме, стала модной идея изменения статуса литературы, вплоть до отмены ее «мессианской» роли в национальной судьбе. Здесь не место углубляться в эту тему, скажем лишь, что это очередной «революционный», то есть заведомо непродуктивный, порыв из одной крайности в другую. Тем не менее, «прогулки с Пушкиным» – это не частное дело и уж тем более не частная забава, это способ национального самосохранения.

Так сложилось исторически, что в России именно литература – системообразующий духовный фактор, именно литература не только позволяет сохранять национальную идентичность, но и создавать ее заново, во многом именно литература спасает, защищает от разрушения, перестраивает и обустроивает национальный дом, одновременно безусловно являя собою дом сакральный.

Сказанное наглядно иллюстрируют примеры из ближайшего к нам пермского контекста.

Пример первый на сегодня уже стал общим местом: Пермь как уникальное культурное явление, существовавшее до недавнего времени лишь в сознании отдельных более или менее осведомленных людей стала фактом бесспорным, общеизвестным, общедоступным и эстетически значимым благодаря романам Алексея Иванова. По сути дела, Иванов сотворил Пермь заново – из историко-географического «сора» создал живой, уникальный, захватывающий своей красотой, загадочностью и мощью мир, которому невольно стремится соответствовать, с которым не без гордости соотносит себя реальное и достаточно далекое от своей художественной проекции пространство.

Пример второй тоже являет собой литературную – документально-художественную – реконструкцию. Это книга Нины Евгеньевны Васильевой «Дом», главы которой публиковались в журнале «Филолог» Пермского государственного педагогического университета в 2003–2006 гг. (№ 3-7). Книга рассказывает о доме ученых на Комсомольском проспекте, который, с одной стороны – если иметь в виду физический объект под номером сорок девять – продолжает здравствовать, а с другой стороны – в качестве дома *ученых* – практически перестал существовать, сегодня населенный преимущественно новыми и далекими от науки людьми. Однако то, что ушло из реальности осязаемой, благодаря творческим усилиям Н. Е. Васильевой стало реальностью литературной, в которой ожили, чтобы больше никогда не уходить из коллективной памяти, люди и события давнего и недавнего прошлого. Рассказывая о доме, литература не просто воспроизводит этот дом, но и становится им, и вот уже множество самых разных людей, так или иначе причастных к историческому дому ученых, обращаются к Нине Евгеньевне с просьбами рассказать и о них, об их близких и друзьях, воскресить, запечатлеть, увековечить, то есть заново, в слове, отстроить и заселить дом.

Пермский дом – если иметь в виду материально-бытовую составляющую этого явления – вряд ли можно назвать хорошо, то есть комфортно и гуманно, обустроенным местом обитания. Об этом, в частности, выразительно свидетельствуют произведения Нины Горлановой, в которых герои и окружающие их бытовые обстоятельства показаны в неразрывной, чаще всего деформирующей обе стороны связи между собой.

О духовно-нравственной неуютности пермского дома, об опасности окончательной утраты Пермью высоких смыслов пишет в своем документальном повествовании В. М. Раков: «Инфляция символического капитала Перми продолжится до логического завершения: до превращения ее в заурядный каменный спальный мешок, декорированный попсовым архитектурным прикидом. Пермь будет *никаким* городом, городом чистого настоящего, местом без материализованных символов и смыслов, связывающих нас с собственным прошлым. Но такой город никому не интересен: ни чужим, ни своим. В таком городе задыхаются. Из такого города бегут»⁹.

Описанная здесь тенденция характерна не только для Перми, но и для страны в целом. Разумеется, проблемы такого рода и такого масштаба решаются комплексными мерами и всеобщими усилиями. Однако не стоит забывать о том, что противостоять культурно-смысловой, духовно-нравственной энтропии невозможно, пребывая в подвешенном, безопорном состоянии. Опора же наша, почва, предмет гордости и, по-прежнему, один из важнейших источников идей, смыслов и надежд – это литература. И для Перми, и для России в целом.

¹ Бунин И. А. [Избранное]. – М., 1991. – С. 123.

² Бунин И. А. Собр. соч. в 6 т. – Т. 4. – М., 1988. – С. 527.

³ Шолохов М. Тихий Дон. Книги третья и четвертая. – Киев, 1987. – С. 608.

⁴ Толстой А. Н. Хождение по мукам. – М., 1974. – Кн. 3. – С. 7.

⁵ Платонов А. Сокровенный человек // Платонов А. Живя главной жизнью. – М., 1989. – С. 46.

⁶ Солженицын А. Рассказы. – М., 1991. – С. 133.

⁷ Там же. С. 13.

⁸ Там же. С. 99.

⁹ Цитируется по рукописи.

А. А. Сидякина

**ДОМ – ГОРОД – КУЛЬТУРА:
МЕСТО ОБИТАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННО-МЕМУАРНОЙ
ПРОЗЕ ПЕРМСКИХ «ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ»
(«Провинция» Б. Зиф, «Чемодан Якубовой» А. Бердичевской,
«Дракон» А. Королёва, «Дом» Н. Васильевой)**

Все эти произведения вышли в свет почти одновременно, в 2003–2004 гг., все они являют собой пробы одного и того же культурного грунта – общей юности. Анна Бердичевская и Бэла Зиф принадлежали к той же талантливой компании молодых пермских авторов, откуда вышли в большую литературу Л. Юзефович, А. Королёв и Н. Горланова – поколение,

сформировавшееся на открытом свету оттепельных «шестидесятых». После того, как пермский диссидентский процесс 1970 года остался позади, позади для многих осталось и отчужденное, не сумевшее стать обжитым пространство безнадежно провинциальной Перми – по выражению А. Королёва, «города зеро», напрочь выпавшего из истории и культуры. В отличие от Н. Горлановой, неразрывно на протяжении всей своей жизни связанной с Пермью литературным бытием, сюжетами, фактурой, творческие судьбы Л. Юзефовича, А. Королёва и А. Бердичевской сложились в Москве. Их «возвращение» произошло в художественной и мемуарной прозе, воскрешающей и заселяющей пермское пространство. Романом «Казароза» возвратился Юзефович. Возвращение Королёва началось с цикла «пермских» эссе (назовем лишь несколько из них: «Пермский дневник»¹, «Утонувшее время»², «Будда, кинобудка»³). «Утонувшее время» – опубликованный в книге-перформансе А. Королёва «Дракон» (М.: Футурум БМ, 2003) фотоархив с комментариями автора – текст удивительный, как в целом удивительна эта книга – тем, что, листая ее, мы не только сопровождаем автора в путешествии по скрижалям взрослеющей души, но совершаем предложенную им рискованную экскурсию – по абсолютно реальным местам и событиям, в которых это взросление происходило. Точнее, по реальности памяти, в которой на углу ул. Окулова и Плеханова по прежнему стоит давно снесенный дом: «Окно нашей комнаты – третье справа, на втором этаже». Пространство памяти, окружающее художественный текст «Дракона», отформатировано фотографиями и авторскими комментариями к ним настолько живо и убедительно, что кажется, чего проще: подняться на второй этаж, выглянуть в отсчитанное третье справа окно. И отшатнуться – не по причине убогости увиденного пейзажа, а потому что от созерцания сего нас внезапно оттолкнет мальчишка, запускающий из этого самого окна кометы подожженных диафильмов, чьи искрящиеся всполохи способны пока всего лишь надерзить блеклой повседневности убийственно провинциального города. «Рондо! Для того чтобы увидеть красоту окрестностей, надо развитое чувствилище, а для того чтобы развить его, нужна красота... словом, замкнутый круг. Тут никогда и никто не спасет – выручает только судьба. /.../ Я простился со своим домом 11 марта 1979 года»⁴. «Дракон» – книга бегства и возвращения. Чтобы вернуться, нужно вспомнить все. Еще раз, след в след самому себе пройти траекторию побега. Перебрать фотографии, взглянуть в лица, назвать имена, перелистать папку с юношескими рисунками, ощупать взглядом вещи, прикоснуться к материнской руке, с любовью, нежностью и страшной болью проговорить еще раз: «Пермь моей юности – уродливый город... В этом городе нет ни одной конной статуи», – бросаясь в новое бегство – кого/чего? – человека, времени?

Анна Бердичевская возвратилась, опубликовав в созданном ею издательстве «Футурум БМ» сначала книги Бориса Гашева и Анатолия Королёва, затем свой «Чемодан Якубовой» (М., 2004). Бэла Зиф, жившая после партийного разгрома коллективного женского сборника «Княженика» (1967 г.) все эти годы в Перми, но вне литературного круга – возвратилась, великолепно дебютировав как прозаик книгой «Провинция» (Пермь, 2004).

В «Чемодане Якубовой» повествование завершается поэтическим «приложением», финальный текст которого – «Только свет»: «Только свет, ничего кроме света...». В поэзии того времени, откуда родом Бердичевская – и у Н. Рубцова, и у Алексея Решетова – потоки «косвенного света» повсюду – в ночи, в подземной мгле. И Бердичевская с ними заодно: пока живы в памяти отсветы снежного утра, есть надежда, и светопредставление отменяется. Ее книга как раз об этом: о рассвете жизни, о свете, пробивающемся сквозь и образующем очертания людей, предметов, как на черно-белой фотографии. О послевоенном детстве, скучный, опять-таки «черно-белый» быт которого, уместившийся в фанерном ящике с кирзовой ручкой и надписью «Усоллаг – 1952 г.», на удивление оказался расцвечен, т. е. преобразен красками радости, творчества. Якубова – героиня повести и мать автора записок – в книге, как и в жизни, была художницей, ее дочка – и в той, и в другой реальности оказалась поэтом. Кстати, для Бердичевской свет – категория еще и профессиональная – она помимо прочего практикующий фоторепортер. Отсюда портрет на обложке книги – с прицелившимся в зеркало объективом.

В книге Бэлы Зиф преобладает стихия не света, но цвета: книга сразу же, с порога, т. е. с обложки ошеломляет совершенно невозможным, ослепительно синим цветом. На его фоне – тепло закутанная фигурка девочки, вглядывающейся мимо уютных домишек в сказочную зимнюю даль. Это фрагмент картины датского художника Карла Ларссона «Брита с санками», которую рассматривает в одном из эпизодов «Провинции» маленькая Бебка. А синий цвет – конечно из Бараташвили, цвет небесный, глубокое и до поры до времени безмятежное счастье на берегах Даугавы и Камы. Бебка, как и сама Бэла, родилась в Прибалтике, но выросла в Перми, в Разгуляе. И те, кто присутствовал пару лет назад на авторском чтении фрагментов «Провинции» (2003 г.), до сих пор вспоминают, как, случайно сместившись в экранное поле слайд-проекции, Бэла Зиф как бы «вошла» в пейзаж Разгуляя – и там осталась, озвучивая его овраги, кусты, заросли сирени, словно бы вечно иллюзорная взаимосвязь времен и пространств вдруг обрела абсолютно реальное лицо.

Место действия «Провинции» и «Чемодана Якубовой» – город Молотов. Хотя, конечно, никакой не Молотов, а именно Пермь, хоть и в

шинели казенно-казарменного имени. В «Провинции» его замороженная пустота оказалась быстро заселена и согрета семейной памятью. В плане обживания исторического прошлого города главы «Провинции», основанные на семейном меморате, особенно ценны. В них множество редкостных, одушевленных, притягательных подробностей старой Перми, судьбы ее жителей. В целом описанная Бэлой Зиф история ее семьи – династии пермских врачей – воспринимается как почти библейской история, укорененная в общекультурном мифе, со своими «грешниками и праведниками, отринутыми и возвышенными», законами долга, служения, верности. Свою стезю – от избиения младенцев до крещения проходит и маленький поэт Бибка, но – что любопытно, в обратном порядке. Самые живые, сочные, смешные и убедительные подробности в повести возникают из ее непосредственных детских впечатлений. «Французская булочка с корочкой посередине», «ослепительная воздушная площадка над Камой», «песчаный берег у Дворцовой Слудки», сверкающий «чайными серебряными бумажками и фантиками от конфет», маленький трамвайчик на крыше депо: «Над кабиной водителя развевался красный флажок, внутри сидели куклы... Как-то в ночь очередного праздника он сгорел от короткого замыкания, а вместе с ним – безвестные пассажиры, безропотно разделившие его судьбу».

Многочисленные родственники, круги пермской профессуры, эвакуированные жители «семизажки», друзья-малолетки – ледяной Молотов становится обитаем. Один из самых удачных портретов в этом ряду – образ «пермского Булгакова», профессора Аркадия Лавровича Фенелона, одна из самых удачных сцен с его участием – чтение латыни: «И вдруг о поверхность реки ударяется слово...». Ну и, разумеется, в ряду женских персонажей – мама, врач Евгения Александровна Зиф – сияние силой доброты и самопожертвования. И маленькая героиня А. Бердичевской, девочка-Якубова, первое, что запоминает при встрече с вернувшейся из лагеря матерью – не лицо, выветренный лик.

В повести Бердичевской действие происходит главным образом на станции Мулянка. Тем не менее, есть целая глава – «Город Молотов и его обитатель»: некто Якубов, который мог бы стать отцом героини, но всего лишь дал ей свое имя – взявшийся невесть откуда человек-фантом, чистая квинтэссенция культуры и интеллекта – именно он стал отправной точкой, духовным центром повести Бердичевской. «Чем занимался он всю жизнь? Бездельничал? Как бы не так, он был очень занят. Он демонтировал себя. Отдельные блоки самого себя этот «гигант» азартно разбивал мощью собственного интеллекта на куски поменьше, чтобы никого не угробить, разбрасывая их к чертовой матери. Как же сверкали эти обломки!».

Кстати, судя по тому, что у Юрия Якубова и Аркадия Фенелона есть общий собеседник – эвакуированный в Молотов профессор-лингвист Розенталь – персонажи Зиф и Бердичевской вполне могли быть друг с другом знакомы. И в таком случае Якубов (предположим) мог бывать в доме профессора Фенелона. Этот дом по адресу Ленина, 81а, памятником которому стал пустырь эспланады, по свидетельству автора «Провинции» поразительным образом напоминал дом Булгакова на Андреевском спуске, и определяющей в этом сходстве была, конечно же, не только атмосфера общего творческого азарта, веселья, импровизации, но и сама фигура хозяина – профессора-Мастера. Этот дом стал для маленькой Бибки храмом, целокупной моделью культурного мира, которая трансформировалась несколько позже в раскрепощенное общежитие знаменитого Дома Ученых (глава «Пуп Перми») – но как бы то ни было, в её «Провинции» традиция и культура хранятся в Доме.

Иначе в повести Бердичевской, где двум бесприютным художницам, матери и дочке, сама культура становится домом. Их очередное место обитания – клуб «Прогресс», и по признанию Бердичевской, никакой «Мулен Руж» не затмит то ощущение праздника и творческого счастья, которое было пережито в деревянном бараке «под амбир» на станции Мулянка. Что же касается культурной преемственности, то для того и нужен чемодан, чтобы в отсутствие Дома вместить в себя все самые простые и нужные вещи. В «Чемодане Якубовой» среди них зачитанный том Пушкина, который «вместе с ковшом, самозатачивающимся ножом, чайником для заварки, да, пожалуй, еще с бабушкиным платком с кистями, да еще с коралловым слоником-брошкой составлял основу быта». Интересно, что в повести Бэлы Зиф тоже есть местечко потомственных вещей – сундук, хранящий тайну семейной трагедии – святые мощи: бабушкина прядь волос, косточки корсета... У Бердичевской же – чемодан без замка, все нараспашку, готово к расставанию, открыто, и, в общем, довольно безжалостно драгоценный платок с кистями превращается в абажур и тут же, зацепившись, рвется – не жаль и не важно, что с нами станет, все равно останется только свет.

Если поэтическая тетрадь, опубликованная приложением к художественно-мемуарной повести А. Бердичевской уводит финал повествования в пространство символическое, то очерки «Из воспоминаний», также в качестве приложения завершающие «Провинцию» Зиф, концентрируют план документально-биографический. Они намечают рубеж: становление поэта завершилось – началась литературная жизнь, печали и радости которой проистекают в четко обозначенных к середине 1960-х в пермском культурном ландшафте местах – среди них редакция газеты «Молодая гвардия», клуб «Лукоморье» в Доме писателей, Дом Ученых на Комсомольском проспекте.

Дом Ученых – совокупный герой и место действия мемуарной повести Н. Васильевой (Филолог, 2003, № 2; 2004, № 1-2). Блистательные концептуальные формулировки мемуариста вынуждают привести обширный фрагмент: «Его построили в 1954 году. Это был первый университетский жилой дом, сразу же получивший собственное имя – Дом Учёных. /.../ Фасад дома удивлял и радовал глаз: он был роскошен и прост, основателен и изящен, избыточен и лаконичен. Архитектурные детали в виде лепных гирлянд, украшавших дом по верхнему периметру, вписывались в общий ансамбль. Все последующие застройки улицы уступали этому дому, потому что они просто воздвигались, а он царил. У него было целое, подчинившее себе все мелочи, частности, детали. /.../ У Дома было лицо, душа, черты. Ещё бы! В нём поселился костяк профессорско-преподавательского состава университета: бывший ректор А. И. Букирев, действующий ректор Ф. С. Горовой, работники ректората Н. А. Игнатъев, В. В. Кузнецов, В. Ф. Усть-Качкинцев, И. И. Лапкин, П. Я. Мартынов, И. Н. Мерзляков, деканы К. И. Мочалов, А. К. Маловичко, А. В. Рыбин, И. С. Сандлер, заведующие кафедрами и ведущие профессора И. Г. Шапошников, Г. З. Гершуни, Е. Ф. Журавлёв, С. И. Мельник, Г. А. Максимович, П. А. Софроницкий, Б. К. Матвеев, В. А. Танаевский, П. Н. Чирвинский, Л. И. Волков, Д. Е. Харитонов, М. Н. Полукаров, Л. Е. Кертман, А. А. Ушаков, Б. А. Чазов, Р. В. Комина, В. В. Орлов, доценты А. А. Волков, П. И. Хитров, И. А. Малеев, Е. А. Голованова, Е. И. Коваленко, Е. О. Преображенская, Н. М. Паршукова, С. Я. Фрадкина, З. В. Станкеева; в Доме Учёных жили ректор медицинского института Е. А. Вагнер, ректор политехнического института М. Н. Дедюкин, работники обкома партии И. П. Быкова, Н. К. Масалкин. Возможно, вспомнила не всех: я жила в этом доме около двадцати лет (в 60–70-е годы) и помню именно этот период. Но уже и тогда (именно тогда!) было ясно, что в Доме Учёных живёт пермская элита. /.../ ... элитой называлось то, что ею и является: отборные национальные мозги, создающие честь, основу и гордость города, страны, мира. Пермская университетская профессура была элитой города, и её адресная прописка в Доме Учёных преображала этот дом, делала его средоточием и символом интеллектуальной энергии. /.../ Критическая масса суммарного интеллекта невольно материализовалась в некую самостоятельную монаду, которая существовала как бы независимо от жильцов, квартир, подъездов... /.../ Возможно, я задним числом что-то мистифицирую и идеализирую, но допуск на идеализацию предполагал сам Дом, его колоссальный дух, его интеллектуальное парение, интеллигентность его обитателей, представляющих истинную элиту. Всё это превращало Дом в некое целое, составленное из отдельных частных миров, отдельных частных судеб, конкретных персонажей и историй, длинных и

коротких жизней, драм и анекдотов, но при всём том остающееся именно целым во всей его неповторимости и уникальности». Из развернутых очерков-судеб обитателей Дома Ученых Н. Васильевой опубликованы два – посвященные В. В. Воловину и легендарному Евгению Тмарченко, одному из ярких героев пермского культурного сообщества 1960-х.

В художественно-мемуарной прозе пермских «шестидесятников» в разных пропорциях соединились образ, миф, история, так или иначе обозначившие путь: домой.

(Использованы фрагменты публикаций автора в газете «Новый компаньон»).

¹ Рукопись (архив Лаборатории городской культуры и СМИ ПГУ).

² Оpubл. в: *Королёв А.* Дракон: представление. – М.: Футурум БМ, 2003.

³ Оpubл. в: Искусство кино. 2001. № 8.

⁴ *Королёв А.* Дракон: представление. – М.: Футурум БМ, 2003. – С. 196.

С. И. Вакман

ЗВЕЗДНОЕ НЕБО НАД ПЕРМЬЮ-ЮРЯТИНЫМ

В Пермь я попал в 1963 году. Поселился с семьёй в частном доме у тестя на совершенно деревенской Лялинской улице. На чистой речке Иве делали запруды и купались, в некоторых местах было «с ручками». На пустыре рядом с домами нефтяников и нефтянским магазином был огромный ангар – кинотеатр «Дружба».

Сейчас на этом месте – микрорайон Садовый. Жаль, что забыто название поселка – Коноваловские пашни. Так хочется, чтобы сохранились старые теплые названия – «Роща», «Авиагородок», «Театр «Ироничная компания» (в народе – «Ироничка»), хотя нет ни рощи, ни театра, ни авиагородка. А где еще есть улица (улица!) «Красная площадь», как в Мотовилихе?

После Конпашен мы переехали в микрорайон Крохалевка, на улицу Вижайская, где прожили в пятиэтажке, неотличимой от других, ровно тридцать лет и три года. Напротив дома – трансформаторная будка с теперь едва проступающей надписью «Цой на веки снами» (авторская орфография сохранена!).

Каждое утро я спешил на работу, и надпись становилась все более трогательной. Путь на работу проходил мимо дома Попова, и каждый раз я замедлял шаги – как-то грело, что в этом скромном жилище, так походившем на исчезнувший дом на Лялинской улице, жил человек, который придумал радио. Потом и этого дома не стало.

Детство и юность мои прошли в Москве, и с годами московские названия постепенно стали сливаться с пермскими.

*Закрывать глаза и плыть по Самотёке,
По Сретенке – дрожащей, малахольненькой,
И встретиться в прощальной суматохе
С забытым переулком Колокольниковым,*

*И слышится – колокола поют,
Трамвай звенит – ещё не остановка.
Неглинка, Егошиха, Запруд, Пруд
И – Заозерье, Заостровка...*

Есть в Перми маленькая улочка Сивкова с новым высотным домом на пересечении с проспектом Декабристов. Прохожу по Карпинскому тракту, сворачиваю на проспект, замедляю шаг. Глянул направо, увидел Колокольников – узенький, тенистый, родной; и улица Сивкова превращается в московский Сивцев Вражек...

«Перемь, Пермь» – это слово расшифровано как «дальняя земля». Здесь происходит действие чеховской пьесы «Три сестры» и романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго». Юрятин – романное имя нашего города. Здесь жили Лара и Юрий:

«Вот там живёт она, в том конце. Под белым просветом к вечеру прояснившегося дождливого неба. Как он любит эти знакомые домики по пути к ней! Так и подхватил бы их с земли на руки и расцеловал! Эти, поперёк крыш нахлобученные одноглазые мезонины! Ягодки отражённых в лужах огоньков и лампад! Под той белой полосой дождливого уличного неба. Там он опять получит в дар из рук творца эту Богом созданную белую прелесть. Дверь отворит в тёмное закутанная фигура. И обещание её близости, сдержанной, холодной, как светлая ночь севера, ничьей, никому не принадлежащей, подкатит навстречу, как первая волна моря, к которому подбегаешь в темноте по песку берега»

Юрий Живаго возвращается из плена: «Он часто останавливался и еле сдерживался, чтобы не упасть на землю и не целовать камень города, которого он более не чаял когда-нибудь увидеть, и виду которого радовался, как живому существу»

Юрятин – родной город Лары. В романе упоминаются два дома, где она жила. О первом доме рассказано так: «Дом был последним на улице. За ним начиналось поле. Его пересекала железная дорога. Близ линии стояла сторожка. Через рельсы был проложен переезд». Переезд обозначен на старинной карте в месте пересечения железной дороги с Казанским почтовым трактом, нынешнее название которого возно-

сит нас к небу – шоссе Космонавтов. Ныне идешь из города, между остановками «улица Блюхера» и «Морион» глянешь направо и сжимается сердце при виде крайнего дома – стандартной пятиэтажки под номером 88. Здесь был дом, где Лара жила! И чудится музыка вальса Лары из американского кинофильма.

Второй дом Лары найти куда легче. Он был как раз напротив дома Грибушина, «дома с фигурами», погруженного в «цвет небесный, синий цвет».

Мы знаем топографически точно местоположение двух домов, где жила Лара. Только не сохранили мы их.

Но остался дом Смышляева, угол Сибирской и Петропавловской, – библиотека, где встретились Юра и Лара. Свеча, протопившая лед в окошке дома в Камергерском переулке, из Москвы бережно переносится в этот дом, в читальню, где Юрию Живаго явилось чувство, что «в зал стекаются не читающие юрятинцы, а стягиваются дома и улицы, на которых они проживают». Поэтому так легко перенести на нашу Пушкинскую библиотеку особую примету первого дома Лары: «Звездное небо, как пламя горящего спирта, озаряло голубым движущимся отсветом черную землю с комками замерзшей грязи». Это – чеховское небо в алмазах!

Лара и Юрий спускаются к Каме, всматриваясь в старинные дома: Королевские номера, откуда увели на расстрел последнего российского императора, «семиэтажку» – вросший в землю конструктивистский «небоскреб», где в военном году умирающий Тынянов дописывал «Гражданина Очёра», а Хачатурян пытался удержать на нотной бумаге «Танец с саблями», улетающий за Каму, к Варыкино-Иваке, Всеволодо-Вильве, к Любимовской пристани, месту действия знаменитого стихотворения Бориса Пастернака «На пароходе», где качается вода, качаются звезды, качается отражение в воде городских фонарей и кажется, что качается видеокамера в руках влюбленного юноши – так, что виден дом на углу Сибирской и Петропавловской. Это было 17 мая 1916 года.

*Прошло сто лет,
Пройдет и двести, триста...
Останется неуловимый след,
Останется любимовская пристань,
Варыкино, а нас на свете нет.
Но, как и прежде, снова снег идёт,
И сизый дым, струясь, восходит в небо,
По белу снегу женщина идёт –
Глаза такие синие от снега.*

В Перми-Юрятине доктор Живаго был счастлив: «Господи! Господи! – готов был шептать он. – И всё это мне! За что мне так много! Как подпустил ты меня к себе, как дал забрести на эту бесценную твою

землю, под эти твои звезды... О как сладко существовать! Как сладко жить на свете и любить жизнь! О как всегда тянет сказать спасибо самой жизни, самому существованию».

Свеча горела на столе.

Свеча горела...

Есть в романе такой щемящий мотив, его подхватил Андрей Вознесенский в «Юноне» и «Авось» – «Больше я тебя никогда не увижу, никогда, никогда в жизни, больше никогда не увижу тебя».

Но под звездным небом, в доме на углу Сибирской и Петропавловской Лара и Юрий Живаго ждут нас, и всегда будут ждать нас, жителей Юртина.

Дабы свеча не угасла.

В. Ф. Гладышев

ДОМ ТРЁХ СЕСТЕР

Многим пермякам еще памятен этот красивый деревянный замок-терем: высокие потолки с лепниной, старинная печь, красивые наличники на окнах... Про этот теремок на ул. Луначарского, 63 (б. Вознесенской), построенный в ропетовском стиле а-ля рюс, говорили, что по преданию в нем жили прообразы знаменитой пьесы «Три сестры».

В центре внимания общественности здание оказалось в годы перестройки, во второй половине 1980-х гг. Краеведы начали борьбу за спасение памятника архитектуры, который, как оказалось, на учете как памятник и не стоял, его охраняла только народная память. Дело было в 1988 году, дом был предназначен к сносу.

Стиль а-ля-рюс был очень популярен на рубеже веков. Пермь не стала исключением: здания, похожие на древнерусские терема и шатры стали появляться не только в дачных приречных районах, но и на центральных улицах города. До наших дней дошло несколько строений на ул. Пермской (Кирова).

Известный писатель Александр Серебров-Тихонов вспоминал, как во время своей практики во Всеволодо-Вильевском заводе, куда он приехал в 1902 г. по приглашению заводовладельца, крупного промышленника и мецената Саввы Морозова, построил на лесном кордоне баню для рабочих. Практиканту не нравилось, что люди ютились в землянках, где их донимали вши, грязь и ревматизм. Баню молодой инженер построил в духе художника Ивана Билибина, творчеством которого был тогда увлечен. На лесной поляне появился... древнерусский теремок, с узкими оконцами, резными наличниками, крутой крышей и петухом вме-

сто флюгера. Рабочим такая «баня» не понравились, они ушли купаться «в болото». А Савве Морозову она очень приглянулась. Посмеявшись над экспериментатором, хозяин выкинул из теремка все банное и устроил там свою штаб-квартиру.

В Перми на Вознесенской улице примерно в те же годы появился теремок в том же древнерусском стиле. Позднее народное предание поселит в нем чеховских трех сестер....

Когда началась борьба за чеховское наследие, я работал в городской газете и несколько раз выступал с публикациями в защиту достопримечательности. Газета печатала мнения читателей, специалистов, известных пермяков; вместе с художником Вячеславом Новиковым, ныне покойным, мы устроили своеобразный сторожевой пост у памятника старины. Таким образом редакция изучала и формировала общественное мнение. Читатели дружно выступали за то, чтобы сохранить здание. Но оно исчезло с карты Перми. Вместе с медной ручкой, которую я «пожал», так сказать, одним из последних.

Спустя лет пятнадцать после тех событий, когда на дворе уже «занималось» новое тысячелетие, в редакцию областного ежемесячника, который я тогда редактировал, пришло письмо, с которого началась борьба общественности за чеховское присутствие на пермской земле. Развернулась дискуссия на тему, каким быть памятнику «трех сестрам». Вспомнили и про исчезнувшее в годы «перестройки» здание, называвшееся «домом трех сестер».

«...В памяти горожан три сестры жили именно в Перми, – писала В. И. Овчинникова, доцент института искусств и культуры. – Лишенная материальной зацепки, память людей угасла. А жаль. Чехов, как известно, в Перми был. А в знаменитой пьесе его масса конкретных деталей, прямо указывающих на Пермь. Больно сознавать, что такая уникальная черточка стерта с лица нашего города. Пермь находится на карте мировой драматургии, как Верона, например...».

Автор этого письма в газету считала: надо вернуть Перми «Трёх сестер». В какой форме? В форме театральных постановок, затем – проведения международных фестивалей по чеховским пьесам. И обязательно поставить памятник героиням пьесы, например, на набережной. Обратиться за помощью к ЮНЕСКО, провести международную акцию. Чехова-то весь мир читает и знает...

Пафос обращения был поддержан многими: в самом деле, чем Пермь хуже Вероны, в которой разыгрались события бессмертной шекспировской трагедии «Ромео и Джульетта»? Студентка Ольга Дворянова писала, что для нее даже не принципиально, где на самом деле разыгралась чеховская драма, какая из версий наиболее предпочтительна и существовали ли прототипы сестер вообще. Вот основной тезис, кото-

рый газета вынесла на обсуждение сограждан: важно лишь то, что предание связало пьесу с Пермью. Предания, мифы, легенды для живой истории города значимы не менее, а может быть, более чем установленные факты! Они создают поэзию города, они пробуждают воображение, они, как магнит, притягивают к себе равнодушных людей.

Единственное, в чем я не был согласен с некоторыми из единомышленников, так это с ноткой некоторой провинциальной приниженности, которая заведомо-непроизвольно-назойливо звучала в письмах. Почему непременно так: «мы не хуже»? Если знать, что в Вероне, на самом-то деле, толпы туристов водят к единственному средневековому дворцу на виа Капелло, который молва нарекла «домом Джульетты» только по созвучию с фамилией Капулетти; и если знать, что балкона на этом доме никакого не было, и он приделан к зданию «по просьбам трудящихся»-гидов только в XX веке, – то что получается? Вероне где-то бог (Шекспир) послал кусочек сыру, – а уж хитроумные веронцы раскрутили шекспировский сюжет, обустроив и «дворец», и «могилу» влюбленных в церкви святого Франциска, поставив в монастыре (!) мраморный бюст великого драматурга.

У Перми же, если подходить строго, база для развития чеховского маршрута изначально более основательная.

Во-первых, Антон Павлович Чехов бывал в Перми. Во-вторых, сам Антон Павлович писал о пьесе «Три сестры»: «Действие происходит в провинциальном городе вроде Перми». И в-третьих, самое главное: в городе жили представители настоящей русской интеллигенции, которые вполне могли претендовать на то, чтобы называться прообразами чеховских трех сестер.

Среда провинциальной интеллигенции узнаваема, отраженные настроения и думы характерны для России рубежа веков, для всего русского общества, вступающего в предгрозовую период. Вчитываясь в строки драматургии и эпистолярного наследия Чехова, мы открываем в них грозное пророчество и настроения экзистенциализма, язвительный приговор «азиатчине» и высокую любовь к родине ¹.

Прообразами для Чехова могли послужить, например, сестры Карвовские, дочери пермского архитектора. По окончании гимназии они, практически всю жизнь, были домашними учительницами, жили тем, что давали уроки музыки. Данное обстоятельство способствовало появлению этой версии. В частности, такое предположение высказывает кандидат исторических наук Е. Д. Харитоновна ². Но это – чисто внешнее совпадение, никаких документальных подтверждений под легенду не подводится. Кроме того, скромные дочери архитектора вели довольно замкнутый образ жизни. Брата у них не было.

В легенде, в которую вовлечен деревянный дом в стиле модерн, стоявший по ул. Луначарского, 63, краеведами приводится фамилия

архитектора Р. И. Карвовского как возможного автора проекта здания. Это авторство вызывает сомнения у специалистов: в стиле рококо, или неорусском, Карвовский практически не работал, его стихия – поздний классицизм и рациональный модерн. Хотя по заказу он мог сотворить и шедевр в стиле а ля рюс.

Однако кандидат архитектуры А. С. Терехин пришел к выводу, что автором дома по ул. Вознесенской (Луначарского, 63) является архитектор Н. А. Пермяков ³. Получив образование в столице, Николай Пермяков участвовал в реконструкции и возведении нескольких заметных объектов, среди них – памятные колонны в честь героев обороны Севастополя во время Крымской войны и Бородинской битвы 1812 года. В Перми он работал с начала XX века до 1920-х гг. Никакими заметными строениями не отметился, кроме того, что вел наблюдение за строительством здания Кирилло-Мефодиевского училища, возведенного по проекту зодчего Кендржинского.

И еще одно уточнение. В исследовании В. Л. Семенова «Пермские страницы биографии и творчества А. П. Чехова» (Пермь, 2005) содержится ссылка на публикации «Владимира Сергеевича Гладышева». Помимо того, что у меня другое отчество, необходимо уточнить следующее: автор этих строк никогда не писал о том, что «дом трех сестер» перенесен на другую улицу. Предложение о переносе выдвигалось участниками общественной дискуссии, нашелся арендатор – Пермское общество охотников, но грянула перестройка, и у всех появились совсем другие заботы.

Самое забавное в том, что семья архитектора жила на той же ул. Вознесенской, только в доме № 44. Этот деревянный дом с мезонином, снесен в 1980-х гг. Получается, что в легенде про трёх сестер Карвовских, как возможных прототипов пьесы, народная молва объединила (перепутала) два здания на одной улице. Оба были снесены. Однако здание, оставшееся в памяти пермяков как дом трех сестер, можно и нужно восстановить. Сохранились его обмеры, проведенные перед сносом специалистами Пермской научно-реставрационной мастерской. Сохранились и фрагменты деревянных украшений, снятые и спасенные с помощью студентов пермского «худграфа» (училища № 4). До сих пор студенты этого училища, ныне колледжа, рисуют натюрморты, используя чудесные узорные украшения с «дома трех сестер». Остатки былой роскоши.

¹ См. подробнее: *Гладышев В. Ф.* Чехов и Пермь: Легенда о трёх сестрах. – Пермь, 2008.

² Грибушины и время. – Кунгур, 2000.

³ *Терехин А. С.* Пермь: Очерк архитектуры. – Пермь, 1980.

ДОМ УЧЕНЫХ

В ноябре 1954 года в жизни вузовской общественности Перми произошло знаменательное событие – началось заселение дома на Комсомольском проспекте, выстроенного СПЕЦИАЛЬНО для сотрудников высших учебных заведений. Ждали этого события долго. Распоряжение о строительстве дома было принято ещё в конце сороковых годов. Как говорили, таких домов было всего четыре на всю страну, а на проекте его стояла личная подпись Сталина.

До войны и первые годы после власть не баловала научную интеллигенцию заботами о её быте. Невысокими были зарплаты, значительно реже, чем рабочим на заводах, им давали путёвки в санатории. Нормы отпуска продуктов по карточкам были невелики. Но особенно незавидны были жилищные условия большинства научных работников. Даже комнаты в благоустроенных коммунальных квартирах были для многих недостижимой мечтой.

Когда я училась в школе, многие мои подруги, родители которых работали на заводе, жили в отдельных квартирах хороших заводских домов. Мы же жили в общежитии, многие коллеги отца – в деревянных домах на Заимке. И вдруг вселение в отдельные квартиры нового нарядного большого дома!

Следует сказать, что красивый дом оригинальной архитектуры, удачно расположенный на одной из центральных улиц, сразу приобрёл известность. Не знаю, было ли название Дом Учёных закреплено в каких-либо официальных бумагах, но все знали его под этим именем. У меня сохранились конверты от писем отцу, на которых стоял такой адрес: Пермь, Комсомольский проспект, Дом Учёных. Правда, среди самих обитателей дома слово «учёный» употреблялось осторожно. В обиходе была скромность, сдержанность в чувствах и их выражении. У всех было насмешливо-скептическое отношение к пафосу. Сказать о себе: «Я – учёный», – казалось и смешно, и нахально, и глупо. Поэтому ещё в Первом общежитии, обитателями которого были многие из нынешних новосёлов Дома Учёных, так радостно было принято и пущено в ход слово, изобретенное одной из тамошних уборщиц: «научничек». Ласкательный суффикс, по-видимому, отражал доброе, несколько покровительственное отношение к этой категории невредных, но непрактичных, не совсем понятно, чем занимающихся людей.

Вскоре после заселения Дома Учёных студенты дали ему новое имя: «профессорятник». Жители одобрили. В Доме было много необычного для того времени. Подъезды выходили на улицу. Впрочем, из них был

выход и во двор. В квартирах был чёрный ход! Он вёл на лестницу, ведущую во двор. Ещё в Доме был лифт, это несмотря на то, что Дом всего-навсего пятиэтажный. Это был третий в городе дом с лифтом. До этого лифт имелся только в гостинице «Семизэтажка» около оперного театра и жилым Доме Чекистов. В гостинице останавливались обычно знатные гости города, вспомним плеяду знаменитостей, нашедшую там пристанище в годы войны. Принадлежность к особым слоям общества обитателей Дома Чекистов была понятна из его названия. Поэтому наличие лифтов сразу заставило пермяков считать жителей нового дома особыми людьми. Престиж высшего образования, занятий научной работой резко увеличился.

Конечно, лифты сразу привлекли к себе всю ребятню из соседних дворов. Но в доме были не только лифты, а ещё и лифтёры! Это в то время, когда слова «консьерж, консьержка» были абсолютно не знакомы большинству населения, а швейцары, тогда обычно говорили именно швейцары, а не вахтёры, сидели только в государственных заведениях или в ОЧЕНЬ привилегированных домах, о которых пермяки знали, в основном, понаслышке. Так вот, эти лифтеры, точнее, лифтёрши, охраняли подъезды, покой жильцов от вторжения посторонних. Поэтому прокатиться на лифте удавалось только очень ловким или очень настойчивым ребятам. Вдобавок, это было сложно ещё потому, что и сам лифт, и кабинка закрывались на ключ. Нужно было или разжалобить лифтёра, или проскользнуть с кем-нибудь из жильцов.

Впрочем, не эти приметы особого быта, хотя и заметные сами по себе, создавали то, что стало явлением ДОМ УЧЕНЫХ. Его создал особый дух, особая аура, которую внесли жильцы. А зародились эти дух, аура, это явление раньше, в местах прежнего обитания нынешних жителей Дома.

С двадцатых годов многим сотрудникам университета давали квартиры поблизости от места работы, на Заимке. Я, слышавшая это слово с детства, была убеждена, что это имя собственное, что это название того места, где расположен университет, где живут коллеги отца. Я была весьма удивлена, когда узнала, что Заимка – это большая территория, где есть много домов, заводов, учреждений, магазинов, а университет вместе с принадлежавшими ему жилыми домами занимает совсем небольшую её часть. Но ещё больше я удивилась, узнав, что заимкой называется часть города, посёлка, что заимки есть во многих местах и помимо Перми.

На Заимке в нескольких деревянных домах, в каменном двухэтажном доме, в квартирах, расположенных непосредственно в здании университета, а именно в геологическом корпусе, жили, по большей части, первые сотрудники университета со своими семьями. Здесь было много старых профессоров, старой интеллигенции. Почти во всех квартирах был рояль или пианино; не работающие, в основной своей массе, жёны мно-

го времени посвящали воспитанию детей, музицировали, читали. У многих были богатые библиотеки, книгами активно обменивались. Устраивались музыкальные вечера, любительские спектакли. Я не застала этой жизни. Знаю её только по рассказам старших моих друзей и подруг. Но уверена, что эта, достаточно аристократическая по обычаям жизнь совершенна была лишена снобизма, того надменного духа, который отличал, например, московскую «Пречистенку» тех лет.

К середине пятидесятых, к тому времени, когда началось заселение Дома Учёных, старшего поколения обитателей Заимки уже не было в живых. Но их младшие соседи и те из семей старых профессоров, кто был молод в двадцатые-тридцатые, переехав в новый дом, принесли в него лучшие традиции старших. Богатые библиотеки, доступные всем желающим; не только занятия музыкой дома, но и активное посещение концертов, спектаклей, – порой добрую половину зала на фортепьянных или симфонических концертах составляли жители Дома. Всё это продолжало обычаи, сложившиеся ещё на Заимке. Семьи профессоров М. Н. Полукарова, Д. Е. Харитонова, Г. А. Максимовича, И. И. Лапкина, легендарный ректор А. И. Букирев со своей семьёй, В. Н. Наугольных, доцент кафедры физиологии растений с сыном Костей, умницей, будущим известным физиком, переехали на Комсомольский проспект из домов на Заимке.

Второй составляющей частью Дома, если позволено будет использовать терминологию классика марксизма, употребляемую им, верно, совсем по другому поводу, были прежние обитатели Первого общежития. Первое общежитие сыграло громадную роль в жизни сотрудников университета, в формировании той особой, неповторимой общности, которая потом проявилась и в Доме Учёных. Недаром профессор Л. Е. Кертман сказал как-то уже в восьмидесятые: «Мы все дворяне со двора Первого Общежития».

Первое общежитие было заселено в 1938 г. Три этажа занимали студенты, четвёртый был отдан преподавателям. По тому времени это было роскошное жилище. В доме были водопровод, канализация, паровое отопление. На лестницах и в коридорах лежали ковровые дорожки, на площадках стояли зеркала, на стенах часы. На четвёртом этаже на площадке стоял бильярд. Порядок поддерживался аккуратными уборщицами. Перед домом была клумба со скульптурой, у забора газоны и кусты акаций, даже розы были. За этим всем следил садовник. Двор убирал дворник. Студенты жили своей весёлой молодой жизнью, но покой своих преподавателей берегли. За этим следили и комендант, и уборщицы. Но главным было то, что студенты уважали, любили тех, кто их учил, поэтому принуждать их к соблюдению дисциплины не было особой необходимости.

В общежитии сам собой сложился определённый уклад жизни обитателей верхнего этажа. С одной стороны, общение их между собой было поневоле достаточно тесным. Общие коридоры, общие умывалки, общая кухня в подвале – всё это давало повод для частых встреч. С другой стороны, хождение в гости друг к другу, общие застолья были ещё реже, чем у обитателей обычных квартир. В этом, при частом общении в местах общего пользования, не было нужды. Но все знали своих соседей, приходили на помощь, когда требовалось. В новый год выходили в коридор, поздравляли всех встречаемых. Вечерами мужчины выходили во двор на лавочки покурить. Это так называлось – «покурить», на деле же это было время общих разговоров и на служебные темы, и на научные. Там велись беседы о жизни, невероятно смелые для того времени. Ещё там много шутили.

Из первого общежития в Дом Учёных переехали семьи профессоров В. Ф. Усть-Качкинцева, Л. Е. Кертмана, И. Г. Шапошникова, Ф. С. Горюго, Е. Ф. Журавлёва.

Третьей составляющей частью того, что называлось Домом Учёных, стали научные работники, преподаватели, переехавшие из разных квартир, в основном, маленьких, без удобств. Дом числился за университетом, но квартиры в нём сразу получили и сотрудники других вузов.

Стиль жизни определился почти сразу. Возобновились и укрепились прежние дружеские связи, завязались новые. Общие встречи стали более частыми. Этому способствовали и достаточно просторные квартиры, и изменившаяся после смерти Сталина обстановка в стране. Утром, выходя из дома, многие встречались со своими коллегами, долгий путь до университета проделывали уже вместе. Одно время университет даже присылал автобус, чтобы отвезти обитателей Дома утром на работу. Со службы тоже часто возвращались группами. Дух Университета незримо витал над Домом, объединяя всех его жильцов. Напомню, что все остальные высшие учебные заведения Перми в своё время были факультетами университета.

Профессор сельхозинститута Юдкин выводил весной жильцов помоложе на субботники. Во дворе появились клумбы, кусты сирени, черёмуха. Через несколько лет приятно удивлённым жильцам милые девочки вручали букеты цветов.

Многие важные научные вопросы обсуждались на прогулках недалеко от дома. Помню, как блестящий физик В. С. Сорокин обсуждал что-то с профессором И. Г. Шапошниковым. Они стояли наверху небольшого сугроба прямо под нашими окнами. Три дочери Сорокина катались на санках, по очереди залезали на макушку сугроба и дёргали отца за брюки. Он, не оборачиваясь, толкал ногой санки, девочки скачивались вниз, потом всё повторялось сначала.

Обитатели Дома были в хороших отношениях с лифтёрами, дворниками; в отношениях с ними преобладал благородный демократизм без тени фамильярности. Лифтёры тоже впитывали дух дома, чувствовали себя приобщёнными к науке. Нередко они обсуждали защиту диссертации кем-нибудь из жильцов, поздравляли виновника и его семью. Одной из лифтёрш как-то попала в руки брошюра Ф. С. Горового. Речь там шла об отмене крепостного права, о влиянии этого события на судьбу крестьян Урала. Любопытная дама поняла содержание по-своему: она с гордостью рассказывала, что работает в доме, где живёт человек, освободивший уральских крестьян.

Менялись времена, незаметно менялась и атмосфера дома, но дружеские, доброжелательные отношения сохранялись. Сохранялись и общие интересы. Сохранялся даже стиль обстановки большинства квартир. Всё было скромно. На роскошь сначала не было ни денег, ни желания. А потом, когда денег стало побольше, новую мебель и прочие предметы обихода нужно было не покупать, а доставать. Заниматься этим жильцы Дома в большинстве своем не умели и не хотели.

Сейчас Дом меняется на глазах. Статус памятника архитектуры не спасает его от безобразных перестроек, надстроек, от вульгарной рекламы. Новые жильцы перекраивают по своему разумению квартиры, да и стиль общения задают свой, чуждый, не свойственный Дому.

Городу надо бы понять уникальность Дома Ученых. Вместо казино и баров так уместен был бы в Доме музей быта пермских учёных пятидесятых годов. Замечательный по своей архитектуре, замечательный по первоначальному составу жильцов, по традициям, Дом мог бы стать достопримечательностью города. Такой, например, как знаменитый дом Нирензее в Москве, в Большом Гнездиновском переулке. Это здание интересно и архитектурой, и громкими именами живших и бывавших там людей: Бурлюк, Мариенгоф, Булгаков... Здание охраняется, московские экскурсоводы включают его в свои маршруты.

Но властям города и пермской общественности следует поторопиться, иначе вырубят наш «вишнёвый сад» и построят на его месте доходные дачки.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЧЕМ ДОМЕ (дом А. Н. Спешилова в Перми)

На улице Ленина в Перми до осени 2006 года стояло два небольших дома под номером 35 (в одном – квартира номер один, в другом – номер два) и рядом – дом под номером 37. До 1917 г. все эти дома имели одного хозяина, принадлежали семье коллежского асессора Эмилия Теодоровича Кестера. Семья занималась производством аптекарских и парфюмерных товаров, фруктовых и минеральных вод.

В конце XIX века Кестер построил на своей усадьбе еще одноэтажный каменный дом с фигурной кладкой, предположительно, по проекту А. Б. Турчевича. В 1939 г. дом был надстроен еще одним этажом, оштукатурен, и потерял свой привлекательный вид. Всего семья Кестеров имела в Перми пять домов. В 1919 г. они продали все дома и покинули Пермь, о чем известила газета «Свободная Пермь» (1919, 14 января).

В доме по улице Ленина, 35 (квартира номер один) жила в первые годы советской власти вдова Валентина Грибеля, известного в Перми общественного деятеля.

В начале 1930-х гг. в доме № 37 по улице Ленина была открыта столовая № 7. Летом 1932 г. в Перми побывал В. М. Молотов, он обедал в этой столовой. Весь квартал был окружен черными легковыми машинами, никто из жителей не мог выйти на улицу. Многие в этот день опоздали на работу. Мы, ребяташки, в щели забора наблюдали за тем, как Молотов, человек в очках, с важным видом прогуливался по столовским коридорам. В 1968—1969 гг. столовую № 7 снесли, построили кафе «Юность». А теперь нет и «Юности».

К домам примыкали хозяйственные постройки: амбары, конюшни, баня. Вся площадь двора заросла травой и полевыми цветами. В глубине двора стоял бревенчатый флигель, в котором жил известный впоследствии пермский писатель Николай Николаевич Вагнер. Перед этим флигелем был небольшой палисадник с кустами сирени. И почти половину двора занимали фруктовый сад и цветник. Был колодец, из которого брали воду для полива сада. К сожалению, в годы войны жильцы из эвакуированных в Пермь срубили на дрова яблони, а из колодца устроили помойку.

Наша семья Спешиловых переехала на улицу Ленина, в дом № 35 (квартира номер два) из полуподвального помещения на улице 25 Октября по приглашению семьи Будриных, которая жила тогда здесь. Глава семьи, Александр Дмитриевич Будрин был священником Рождество-Богородицкой церкви и мастером на все руки: он шил модельную обувь,

был преподавателем пения, садовником и краснодеревщиком, и знал еще много ремесел. Он овдовел после рождения пятого ребенка – дочери Клавдии. Клавдия Александровна стала потом женой Федора Николаевича Лукоянова, редактора газеты «Пролетарское знамя» (См.: Последний поклон // Звезда. 2007. 6 окт.).

Сын А. Д. Будрина, Викторин Александрович Будрин, стал доцентом Пермского педагогического института, литературным критиком и добрым другом пермских писателей. Я хорошо помню, как Викторин Александрович приходил в гости к сестрам. Устраивались настоящие концерты: он обладал бархатным баритоном и с удовольствием пел романсы и арии из опер под аккомпанемент сестры, Нины Александровны. В гости к Нине Александровне приходил также Игорь Варфоломеев – знаменитый в те годы музыкант.

Зоя Александровна Будрина была библиотекарем и удивительным человеком. Родные называли ее ласково: «наш маленький Стасов». О ней не раз вспоминали Б. Н. Назаровский и С. М. Гинц, бывшие в юности ее читателями во второй районной библиотеке. До старости лет они называли себя «второрайонниками», как и многие их товарищи по этому сообществу.

На нашей половине постоянно собирались поэты и писатели. Гостями моего отца, Александра Николаевича Спешилова, были писатели А. С. Новиков-Прибой, А. С. Серафимович, И. А. Арамилёв (Зырянов), А. Г. Бармин, К. В. Боголюбов.

С 1920 г. А. Н. Спешиллов был дружен с Василием Васильевичем Каменским. Однажды он приехал к нам зимой 1942 года. Это была самая трудная, самая голодная зима из всех военных зим. Уходя от папы, Василий Васильевич прошел мимо кухни, где мама жарила котлеты из рубленых картофельных очисток, смазывая сковороду свечкой. Мы – шестеро детей – с нетерпением ждали котлетки. Через неделю Каменский приехал из Троицы на лошади и поставил перед нами большой куль. Сказал: «Нечегодохнуть, спешилята, ешьте картошку».

Всех, кто бывал в нашем доме, не описать. Перечислю лишь самых больших друзей: Валентин Серебренников (Аргентов), Олег Селянкин, Борис Ширшов, Афанасий Матросов, Алексей Домнин, Владимир Черненко, Петр Оборин, Матвей Кузнецов, Татьяна Волкова, Екатерина Камшилова Иван Иванович Баталов.

Отдельной страницей в истории дома стала Великая Отечественная война.

Многие эвакуированные в Молотов писатели, прежде чем их распределяли по квартирам, ночевали в маленьком кабинете моего отца. Писатели-москвичи, в основном, разместились в гостинице Центральной, а ленинградцы – в деревне Чёрной, около Краснокамска.

Самое яркое впечатление в нашей семье осталось от Евгения Александровича Федорова. Когда он вошел в комнату, всем показалось – Шалапин! Очень был похож. Он прожил у нас неделю, спал на полу, укрывался своей шикарной шубой. Во время войны все население жило без электричества. А писателям разрешалось иметь одну лампочку на 60 ватт. Такая была у папы в кабинете. Иногда Евгений Александрович просыпался среди ночи и записывал целую главу из книги о Демидовых, которую он тогда писал. Говорил, что увидел эту главу во сне. Рассказывал нам, как собирал сведения о жизни Демидовых, а рассказчиком он был замечательным.

До войны мы, дети, любили слушать по радио «Сказки бабушки Арины», и считали, что бабушка Арина – это маленькая, добрая старушка. И вот папа сказал: «Завтра к нам придет «бабушка Арина» – писательница Ирина Валерьяновна Карнаухова». Как многие ленинградские писатели, она жила в деревне Черной. А в Пермском книжном издательстве в 1944 г. вышла ее книжка «Рассыпушки». Мы с нетерпением ждали встречи с нашей любимицей. Каково же было разочарование, когда в дом вошли две высокие, стройные женщины в шелковых платочках и в серых пальто с каракулевыми воротниками – сестры Карнауховы. Мы так и не поняли, кто из них «бабушка Арина». За закрытой дверью они беседовали с отцом больше часа. Потом отец рассказал, что Ирина Карнаухова в детстве познакомилась с Горьким, и он подарил ей свои книги, надписав на одной из них – «будущей писательнице».

У нас бывал еще один известный писатель, которому когда-то дал путевку в жизнь А. М. Горький, – Александр Остапович Авдеенко. В 1933 г. в Москве вышел в свет его роман «Я люблю». Во время войны Авдеенко был фронтовым журналистом и несколько раз приезжал в Пермь навестить красавицу-жену, которая жила в деревне Черной. И встречались они у нас, в доме А. Н. Спешилова. Было очень забавно слышать, как его миниатюрная, изящная жена называла этого русского богатыря «деточкой». После войны А. О. Авдеенко жил в Москве, издал шесть романов.

Из 70 эвакуированных в Молотов писателей мне больше всего запомнились те, кто бывал у нас часто: Осип Брик с женой Соколовой, Лиля Брик с мужем Василием Катаняном, Аркадий Первенцев – троюродный брат В. В. Маяковского, Иван Сергеевич Соколов-Микитов и его друг Виталий Бианки, А. И. Кривошеина, детские писательницы Гернет и Георгиевская, переводчицы Н. Т. Касаткина и В. С. Вальдман.

ВОСПОМИНАНИЯ О ДОМЕ И ЕГО ОБИТАТЕЛЯХ

Осенью 1954 года в жизни университета произошло праздничное событие: после затянувшегося строительства сдавался в эксплуатацию первый университетский жилой дом по адресу: Комсомольский проспект, 49. Нет в живых его создателей: архитектора Д. Рудника, автора проекта Дома; управляющего стройтрестом № 12 Ильи Осиповича Гурвича, осуществлявшего это строительство; главного инженера треста Петра Кирилловича Монахова, непосредственного руководителя строительных работ. Сегодня судьба дома пущена на самотек, о чем с душевной болью написала И. Голубина в статье «Спасите Дом Ученых!» (Профсоюзный курьер, ноябрь 2001 г.).

Самую суть нынешнего запустения Дома остро поняла С. В. Усть-Качкинцева, живущая в нем от самого заселения по сегодняшний день: «Грустно встречает дом свое пятидесятилетие! Это не Лопахин купил Вишневый сад у любимой и уважаемой им Раневской, это лакей Яша куражится над старыми обитателями и вот-вот заколотит их в разваливающемся доме, как Фирса. Не должно быть дома ученых, когда не нужны и сами ученые».

Но это печальное сегодня. А тогда университет ликовал. Профессора, доценты со своими семьями въезжали в собственные квартиры, покидая «голубятни» химического и геологического корпусов, старые общежития, частные квартиры и прочие углы обитания.

Этот дом для Перми начала 1950-х гг. был слишком аристократичен, но внушал не презрение, как сегодняшние особняки нуворишей, построенные на краденые деньги, а пиетет и уважение. В те годы люди еще умели ценить и отличать подлинное. Все последующие застройки улицы уступали этому дому, потому что они просто воздвигались, а он царил. У него было целое, подчинившее себе все мелочи, частности, детали. В этом смысле он и сейчас является антитезой бездарному и уродливому кичу, который сегодня затопил город. Нарушен изначально присущий городу ансамбль, изуродована его годами создававшаяся душа, тепло улочек и переулков, дворов и тупичков, неповторимый пермский «говор» домов и особняков, заборов, площадок, скамеек, кустов, деревьев. Бездарно вырубается липовые и яблоневые аллеи, оголяются уютные пермские «углы», чтобы уступить место дурновкусию высотных теремов с башнями, абсолютно чуждых духу города. Там и сям без какой-либо архитектурной идеи возвышаются эти монстры, вопиюще антиэстетичные, нарушающие гармонию и поэзию пермского городского ландшафта. Каждое в отдельности строение, может быть, и хорошо, и интересно, но нет

целого. Как любят говорить немцы, деталей много, а гештальта нет. Дом Ученых – явление гештальта. Явление красоты и смысла.

Со стороны двора дом граничил с территорией психобольницы и потому был всегда пустынен. С верхних этажей дома открывалась чудесная перспектива: была видна вся Пермь вплоть до Камского моста, а непосредственно перед домом раскидывалась великолепная липовая аллея, пересекавшая дом «психов» тремя четкими вертикалями. Ум и безумие, как это и бывает в настоящей жизни, жили по соседству. Большое небо над домом, много воздуха и простора, и эта голубая даль, – все создавало впечатление, что медленно плывет дом-корабль по какому-то вечному маршруту, и что сбить его с курса невозможно (заметим в скобках, что даже хамоватая чиновница из городской администрации, отбиваясь от жалоб жильцов Дома по поводу его аварийного сегодняшнего состояния, использовала именно это слово: «Ваш дом – это корабль, который скоро пойдет ко дну»).

Дом в те годы внушал чувство надежности и защищенности, добротности и порядка. Это был Дом, у которого есть лицо, душа, черты. Еще бы! В нем поселился костяк профессорско-преподавательского состава университета: бывший ректор А. И. Букирев, действующий ректор Ф. С. Горовой, работники ректората Н. А. Игнатъев, В. В. Кузнецов, В. В. Усть-Качкинцев, И. И. Лапкин, П. Я. Мартынов, И. П. Мерзляков, деканы К. И. Мочалов, А. К. Маловичко, А. В. Рыбин, И. С. Сандлер, заведующие кафедрами и ведущие профессора И. Г. Шапошников, Г. З. Гершуни, Е. Ф. Журавлев, С. И. Мельник, Г. А. Максимович, П. А. Софроницкий, Б. К. Матвеев, В. А. Танаевский, П. Н. Чирвинский, Л. И. Волковыский, Д. Е. Харитонов, М. Н. Полукаров, Л. Е. Кертман, А. А. Ушаков, Б. А. Чазов, Р. В. Комина, В. В. Орлов, доценты А. А. Волков, П. И. Хитров, И. А. Малеев, Е. А. Голованова, Е. И. Коваленко, Е. О. Преображенская, Н. М. Паршукова, С. Я. Фрадкина, В. В. Станкеева; в Доме ученых жили ректор медицинского института Е. А. Вагнер, ректор политехнического института М. Н. Дедюкин, работники обкома партии И. И. Быкова, Н. К. Масалкин. Возможно, вспомнила не всех: я жила в этом доме около 20 лет (1960 – 1970-е гг.) и помню именно этот период. Но уже и тогда (именно тогда!) было ясно, что Дом ученых – это пермская элита. В этом Доме жили и трудились многие выдающиеся ученые, с именами которых навсегда связана пермская, всероссийская и мировая наука, они приносили городу подлинную славу, создавая своим умом и талантом интеллектуальные богатства Урала и страны, воспитывая кадры для всех отраслей промышленности, образования, управленческих структур.

Сегодня слово «элита» опорочено, ибо понятие это стало мифологемой более позорной, нежели достойной, более вредной, нежели полез-

ной. Не могу не согласиться с Бестужевым-Ладой, который однажды в «Литературной газете» заметил, что сегодня в элите числится все национальное отребье и национальное бесстыдство. Об этом же и статья Ю. Полякова (Литературная газета, 2003, № 31). Нет, было время, когда элитой называлось то, что ею и является: отборные национальные мозги, создающие честь, основу и гордость города, страны, мира. Пермская университетская профессура была элитой города, и ее адресная прописка в Доме ученых преображала этот Дом, делала его средоточием и символом интеллектуальной энергии. Такая мощная концентрация «мозгов» на одном квадратном метре невольно создавала то, что Ю. Тынянов удачно (хотя и по другому поводу) назвал «теснотой ряда». Критическая масса суммарного интеллекта невольно материализовалась в некую самостоятельную монаду которая существовала как бы независимо от жильцов, квартир, подъездов, уходя в астрал и делая ауру дома энергетически притягательной. Я всегда чувствовала, что над этим (моим) Домом витает трепетная и всесильная частица «ПСИ», та, что от слова «психе» – душа. Ее нельзя объяснить и понять, ее можно только почувствовать. Говоря сегодняшним языком, у Дома ученых была коллективная харизма. Возможно, я задним числом что-то мистифицирую и идеализирую, но допуск на идеализацию предполагал сам Дом, его колоссальный дух, его интеллектуальное парение, интеллигентность его обитателей, представляющих истинную элиту.

Все это превращало Дом в некое целое, составленное из отдельных частных миров, отдельных частных судеб, конкретных персонажей и историй, длинных и коротких жизней, драм и анекдотов, но при всем том остающееся именно целым во всей его неповторимости и уникальности.

Это была абсолютно замечательная особенность Дома: быть живым и единым существом. Казалось бы, какую органическую общность могут создать три-четыре сотни людей, населяющих семьдесят одну квартиру? (подсчет жильцов сделан «на глазок»). А вот было! Из разных судеб, биографий, характеров, привычек, лиц, домашне-семейных конфигураций складывалось некое живое родство, некое спонтанное целое, некая единая картина жизни Дома. Вероятно, это можно сказать о любом большом доме, но тут было нечто особенное – общий нерв: ведь в основном населяли Дом сотрудники университета, знавшие друг друга не только в лицо, жившие университетскими делами, общавшиеся за пределами учебных будней, дружившие, гостевавшие, отмечавшие дни рождения и поминальные даты. Наверное, из тысячи мелочей и складывалось ощущение большого целого единства.

Это целое проявляло себя в отдельных срезах жизни Дома вполне красноречиво. Как сейчас, слышу утренний шелест машин – это Дом выезжал на работу. Первым своей грузно-семенящей походкой выхо-

дил тогдашний ректор Федор Семенович Горовой. Его увозила служебная «Волга» ректората. Потом в течение всего утра подъезжали и отъезжали такси. Личных машин тогда почти никто не имел; удобного 8-го маршрута автобуса еще не было, ездить пятым трамваем было неудобно (остановка «Динамо» далековато), а такси по тем временам доступно по деньгам и экономично по времени, и мы широко пользовались этой услугой.

Отчетливо помню – очень любила наблюдать! – вечернюю жизнь Дома. После 21 часа многие его обитатели выходили на вечернюю прогулку. Это была ритуальная акция. По тому, как пары гуляли, можно было многое сказать о семье, о супружеских отношениях, о личной манере вести себя на улице. Аккуратно, невзирая на погоду и время года, гуляли Борис Константинович и Эльза Иосифовна Матвеевы. Они шли очень плотно, голова к голове, рука в руке, нежно склонившись друг к другу. Это была очень интимная пара. Старосветски выглядели Лев Израилевич и Рауза Салаховна Волковыские: было что-то старомодно рыцарское в том, как Лев Израилевич держал крепкой ладонью жену за край локтя. Так вел свою даму партнер из старинного фокстрота. По-домашнему, проникновенно, доверчиво шли Анна Сергеевна и Петр Яковлевич Мартыновы. Прекрасные, выразительные глаза Петра Яковлевича всегда светились добротой, и он всегда улыбался встречному. Добротно, по-деловому гуляли Анна Александровна и Иван Петрович Мерзляковы. Они напоминали чету тургеневских Базаровых-старших – тот случай, когда и водой не разлить, и всякую секунду, и всякое дело вместе. Открыто, широко, степенно шагали Борис Алексеевич и Ольга Михайловна Чазовы, от них исходило ощущение длинной и прочной жизни, которая еще вся впереди. Они и жили глубоко, надежно. Когда в Доме поселились Гершуни, они неизменно исполняли ритуал вечернего прогуливания. Оба замечательно красивы, они были очень яркой парой. Григорий Зиновьевич и Нора Семеновна были сдержанны и лирику не показывали, но скрыть гармоничность своего союза им не удавалось. Летящей, стремительной походкой шли Евгений Иванович и Лиля Николаевна Коваленко. Остроумный, ироничный, всегда шутящий Евгений Иванович и серьезная Лиля Николаевна замечательно дополняли друг друга – между ними были неизменное согласие и понимание. Странно гуляли Софроницкие. Он шел как бы один, руки скреплены замком за спиной, взгляд то ли отрешенный, то ли самоуглубленный. Она всегда на полметра позади, тоже как бы не здесь. Если кто-то ему кивал в знак приветствия, он как-то резко и нервно замирал на месте, долго в упор смотрел очень светлыми голубыми глазами, как бы силясь понять, что должна означать данная помеха на его пути, потом все же «очухивался», коротко расшаркивался и быстро продолжал свой шаг, сожа-

лея, похоже, о том, что его отключили от внутреннего созерцания. Пока он снова входил в образ, она обгоняла его, никак не реагируя на перемену декораций, и теперь уже он шел на полметра сзади, – и так они, не соприкасаясь, гуляли. А вот Кузьма Иванович Мочалов гулял всегда один. Шел он обычно бочком, слегка крадучись, в глазах вопросительно-виноватых угадывался порыв «прощупать» собеседника на предмет, не знает ли он о нем чего-нибудь такого-этакого. Для беседы никогда не останавливался, стараясь побыстрее скрыться из виду. Часто гулял один и Лев Ефимович Кертман, особенно после инфаркта. Но он гулял понаучному: с шагомером в кармане, с новой гипотезой в голове, с очередной идеей, которую требовалось «обкатать» в одиночку. Маршрут у него был строго продуман: по улице Революции он шел до Карла Маркса, потом вверх до Комсомольского проспекта, по которому добирался до завода Свердлова, и обратно вниз по стреле Комсомольского до Дома Ученых. Прогулка должна была уложиться в час времени, и никакого отступления: сердце тренировалось на заданный ритм. А как шикарно «выступала» Фаина Абрамовна, мама Е. А. Головановой! Ей было за 80, но ходила она с абсолютно прямой спиной, никогда не позволяла себе хныкать или жаловаться. При любом раскладе жизни свежая стрижка с полулоконом на лбу, белый воротничок, подкрашенные губы, небольшой каблучок на обуви. Если вы ей попадались навстречу, и она замечала ваш «кислый» вид, немедленно включался неповторимый одесский шарм: «Шо такое? Вам нужно принять стакан слабого марганца!» «Но у меня, Фаина Абрамовна, не живот, а голова». «Какая разница?! Скажите пожалуйста, у нее голова! Так я ведь и говорю, что все идет от головы!» Колоритная, сильная была старуха!

Вообще, старухи Дома (говорю «старухи» с нежностью и благоговением) были замечательные. Это совершенно особая страница из жизни Дома – уникальные старые мамы, бабушки, тещи, свекрови. Что ни имя, то характер, личность, судьба. Мария Самойловна, мама Льва Ефимовича, с неизбывной интеллигентностью могла вас остановить у подъезда и задать какой-нибудь ошеломляющий вопрос типа: «Напомните мне, пожалуйста, как там в той знаменитой сцене у Соколова-Микитова...?» Наталья Романовна, мама Риммы Васильевны Коминой, всегда светилась сердечностью и приветливостью, тихой участливостью в ваших делах и невзгодах. Трепетная и очень естественная Ревекка Григорьевна, мама Сарры Яковлевны. Уже тяжело больная, с глубокой печалью в глазах, но все равно лучистая и светлая Александра Михайловна, мама Зинаиды Васильевны Станкеевой. Уникальная Любовь Давыдовна, свекровь Екатерины Осиповны Преображенской, хранительница высокого духа европейской культуры, присущей этой семье. Всем низкий-низкий поклон.

Была у Дома и общая принадлежность – Ольга Афанасьевна, попросту Афанасьевна. Она убирала наши квартиры, но я и сегодня не смею назвать ее уборщицей. Нет, это была, несомненно, личность. Она приходила в Дом ежедневно и убирала по две квартиры. За уборку брала три рубля. Наверное, большая часть Дома пользовалась ее услугами. Маленькая, уже сильно сторбленная и глубоко пожилая женщина, Афанасьевна работала на внуков, чтобы их выучить и поставить на ноги. Работала как настоящий профессионал: добротнo, тщательно, без халтуры, не признавая никаких «лентяек», – все руками. Я сегодня, когда здоровье, точнее, нездоровье все чаще напоминает о себе, диву даюсь, как можно было в ее годы полный рабочий день работать внаклон! Она любила свой труд, глубоко уважала всех нас и несла свой крест достойно, зная себе цену. После уборки как-то совсем естественно шла на кухню и ждала, когда ее накормят. Это входило в условия. А примерно за неделю до своего дня рождения она без тени лукавства или неловкости простодушно напоминала нам о своей дате: «В четверг-то нынче у меня именины, а кофты ни одной нет». Меня обычно назначали осуществить это торжественное мероприятие, и мы шли с нею в магазин, и она терпеливо и с радостью примеряла платья и кофты, халатики и юбки, пока вещь не вызывала у нее никаких сомнений, – и мы ее покупали. Радовалась подарку открыто, от всей души, а потом обходила квартиры и говорила всем нам спасибо. Никогда не роняла достоинства: не попрошайничала, не брала в долг, не жаловалась на судьбу. Она приняла земную необходимость своим простым и мудрым сердцем, не ропща и не склоняя перед ударами судьбы ни головы, ни души. Наверное, ее уже нет – светлая память ей от тех из нас, кто еще в этом мире.

А еще были в Доме лифтерши, некий скрытый штаб, выполнявший добровольно наиважнейшую миссию: они отслеживали завоз продуктов в наш гастроном. Сегодня невозможно представить пустые витрины магазинов, но они были таковыми, и достать что-либо к столу можно было либо случайно, либо «по благу». Так что лифтерши оказывали нам неоценимую услугу. Они входили в тайный заговор с клерками гастронома, и те из пиетета к ученым выдавали информацию. И вот уже по цепочке несется из квартиры в квартиру: «После обеда будут сосиски! Сосиски после двух! Со-си-ски, со-си-ски, со-си-ски», и неработающая часть дома ровно в два часа занимает места у дверей гастронома. Осенью, в период, бойкой торговли фруктами свежего урожая, наши лифтерши занимали очередь у лотков, которые кто-то раскидывал возле дома, и мы знали, что «завезли сливу, спускайтесь вниз, торгуют сливой» – нет, гораздо лучше: «выбросили сливу, сли-ву, сли-ву, сливу!» Сегодня это забавно вспоминать, но ведь таким незатейливым способом, объединившись, жили, выживали, радовались. Поистине, как пелось в частушке 20-х годов: «Взаимопомощь на селе – удар по бедности и мгле!».

В доме был свой комендант, эту должность занимала дама с весьма насыщенной биографией, несмотря на отсутствие специального образования; когда-то она работала даже судьей, наверное, в силу революционной необходимости. Впрочем, женщина она была исполнительная и довольно приятная. Дом был самодостаточной системой, в нем были свой слесарь, свой электрик, квартплату мы вносили в кассу университета. Слесаря Николая Захаровича Ложкина старожилы вспоминают до сих пор. Был он, «как яблочко, румян, одет весьма беспечно, не то чтоб очень пьян, но весел бесконечно». Жил в нашем доме, безотказно шел по любому вызову, не отказываясь, впрочем, от вознаграждения в универсальной русской валюте. Помню, один раз ночью произошла авария, и Николай Михайлович шествовал по лестнице в ватнике, надетом на голое тело, в голубых подштанниках, в кепке, из-под которой выбивался непокорный чуб. Он слегка покачивался, а в руках у него был лом. Колоритнейшая была картина!

В сущности, если вдуматься, это была великолепная и спасительная советская коммуналка, от которой сначала все радостно убежали, а потом ее востребовали. Сегодня легко ее снобистски презирать и вспоминать как нечто уродливое, а на самом деле все не так плохо и не так просто. Ведь в Доме Ученых было много в прямом смысле слова коммунальных квартир, особенно пятикомнатных и четырехкомнатных. Очень плотно жили Римма Васильевна Комина с семьей, деля огромную девятую квартиру с семьей профессора Е. Ф. Журавлева и семьей начинающей тогда партийную карьеру Инны Павловны Быковой. Наша 67-я квартира, кроме нас с мужем, вмещала уже вышедших на пенсию Ивана Петровича и Анну Александровну Мерзляковых и доцента кафедры политэкономии Нину Михайловну Паршукову с двумя сыновьями-близнецами. Мало кто поверит, если я скажу, что жили мы замечательно! Даже мой «колючий» муж Евгений Давидович Тмарченко не без ропота принял условия игры и оказался нормальным коммунальщиком. Квартирный коммунизм частенько выручал в трудной ситуации: у соседей можно было «стрельнуть» трешку до зарплаты, перехватить луковицу или морковь, заглянуть вечером «на телевизор», который только еще входил в наш быт и не каждую семью радовал. А то было время повального увлечения просмотром фигурного катания, пропустить Роднину или Пахомову считалось зазорным, и мы ежевечерне, пока длился сезон, «кучковались» всей квартирой в большой комнате Анны Александровны и Ивана Петровича перед крохотным и очень смешным (теперь смешным, а тогда божественным) телевизором. Нина Михайловна умудрялась испечь к этой торжественной минуте огромный противень мойвы (мойва и хамса – элитные рыбки 60-х), и на стол выставлялось блюдо с этой роскошью. Поглощали мы ее прямо руками, чтобы не

усложнять жизнь и не пропустить на экране какой-нибудь сверхмощный «тулуп» Родниной. Обсуждалось ледовое зрелище горячо и активно – равнодушных не было. В иные вечера инициативу по украшению стола брала в свои руки Анна Александровна, и тогда мы получали ее фирменную запеканку из творога с изюмом. Частенько Анна Александровна просила меня сыграть с ней в «уголки» – была в фаворе такая простая шашечная игра, но она обычно проигрывала и сердечно расстраивалась. Однажды, выждав момент, когда Анны Александровны не было рядом, ко мне подошел Иван Петрович и очень смущенно, заикаясь и краснея, попросил: «Это самое, Вы уж Ксаночке-то уступите, немножко проиграйте, а то она переживает». Такие были замечательные старики.

В коммуналку втягивались соседи из других квартир и даже подъездов. Помню, как передавалось для коллективного угощения нежнейшее печенье от Раузы Салаховны, жены профессора Волковыского, изготовленное по раритетным рецептам татарской национальной кухни, и тогда нас «кликали» вверх, в квартиру Л. Е. Кертмана, и Сарра Яковлевна, жена его, поила нас чаем за огромным овальным столом. Римма Васильевна Комина приходила из первого подъезда с собственным вареньем, сваренным ее мамой Натальей Романовной тоже, очевидно, по раритетным рецептам, ибо оно благоухало и таяло во рту. А разве можно забыть знаменитый куриный бульон, которым лечила инфлюэнцу бабушка Екатерины Осиповны Преображенской! Бабушке было 90, но она готовила этот бульон лично сама и передавала его всякому, кого свалила болезнь. Мне довелось поинтересоваться, как получается такой дивный бульон, на что Любовь Давыдовна весьма серьезно, акцентируя каждое слово и произнося их с большой паузой, сказала: «Запомните, деточка, в настоящий куриный бульон никогда и ничего не добавляют: ни лук, ни морковь. Он должен иметь запах и вкус натуральной курицы. Так вот: никогда и ничего! Только рис без соли, сваренный отдельно, если хотите». Разве сегодня такое возможно? Что-то ушло безвозвратно, и наш искренний бытовой коммунизм в том числе.

Я вовсе далека от мысли прославлять коммунальный быт и отнюдь не исключаю того, что в других квартирах, где проживали две, а то и три семьи, не было никакой идиллии. Как говорят, люби соседа, но будь от него подальше. Опыт моего Дома в другом: соседство – роскошь, если оно человечно, взаимно, душевно.

В Доме жил университет, и это не могло не отражаться на быте. Можно даже сказать, что будни Дома становились продолжением жизни университета. Как азартно обсуждались университетские шахматные турниры (в шахматы тогда играли поголовно все)! Как коллективно переживались спортивные университетские страсти (в спорте участвовали многие, особенно популярен был волейбол)! Как активно включались все в дис-

куссию о самодеятельности (ведь «Студенческая весна» была святым делом и для преподавателей)! Как ревностно оценивались итоги соцсоревнования всех со всеми (мы играли в эту игру на полном серьезе)!

Но оставалось время и для метафизики. Вспоминаю прекрасные часы в обществе профессора-физика Ивана Григорьевича Шапошникова! Он уже тогда много бывал за границей, где читал лекции, и по возвращении устраивались семейные семинары – бдения под водочку. Тут всегда только о высоких материях – новые идеи в физической науке, мы в контексте мировых проблем, исторические прозрения и провалы в методологии науки и т. д., о чем может быть только специальный разговор.

Иногда случались мероприятия, в которых участвовал весь Дом. Так было где-то в конце 60-х, в один из вечеров позднего лета (день и год не помню), когда все ждали полного солнечного затмения. Идею подал, кажется, профессор Г. А. Максимович, а Исаак Самойлович Сандлер, создатель и первый декан экономического факультета, накопил стекла с запасом, чтобы дать всем желающим. А их оказалось очень много – двор был полон людей. Помню, что все почему-то волновались, глядя, как солнечный диск заметно уходит в тень, глаза устремлены в небо, по мере наступления темноты смолкают голоса, и вот оно свершилось – солнце на небе исчезло, все погрузилось в темноту. Город на несколько минут замер в оцепенении, двор наш в гробовом молчании наблюдал за происходящим. Помню, как кто-то негромко вспомнил классика: «Погасло дневное светило...» Было величественно и жутко, как будто зловещие силы вели нас к концу света. Лев Ефимович первым нарушил тишину, сказав довольно громко: «Я бы не стал просить «остановись, мгновенье...» Стоявший рядом Иван Григорьевич добавил: «Но оно все равно прекрасно». Солнце начало медленно возвращаться к жизни, а мы еще долго не расходились, что-то держало всех и хотелось быть рядом. Дом пережил нечто вроде момента истины, когда вдруг обнажается суть, в данном случае космическая, а люди одновременно и все сразу понимают, как они зависимы и малы, как победно прекрасен мир, как неопровержимы и вещественны высшие силы.

Весной, перед полным таянием снега, нас приглашали на субботник, колоть лед возле дома, чтобы очистить пешеходную дорожку. Мужчины выходили все, независимо от ранга, кроме нездоровых и занятых на работе. Кололи ломом, а большими деревянными лопатами отгребали куски льда в кучи, которые тут же и увозились. Сноровистей всех работал И. А. Малеев, он играючи разбивал глыбы, большой, сильный, быстрый, призывая Льва Ефимовича Кертмана и Александра Ивановича Голованова посоревноваться. Те за ним не поспевали. А я вижу растерянного Ивана Ивановича Лапкина, который, держа лом наперевес, никак не может придать ему вертикальное положение: «Черт

знает, как им управлять...» Выражение вовсе нехарактерно для милейшего Ивана Ивановича, и остроумный Лев Ефимович, смеясь, подтрунивает: «Да, Иван Иванович, согласен – это Вам не наукой руководить» (И. И. Лапкин был проректором по науке). Андрей Васильевич Рыбин, декан юридического факультета, не работает из-за больной ноги, но активно присутствует: «Что же это у Вас, Лев Ефимович, глыбы какие-то хилые, ударять надо крепче». «А Вы, Андрей Васильевич, любите «удар зубодробительный, удар-скуловорот»? Учтем, учтем, скоро ученый совет», – и общий хохот, цитата из Некрасова проходит «на ура». Со временем эта трудовая традиция оборвалась, лед рубили сначала наемные рабочие, а потом его и вовсе не трогали, пока сам не растает, и сколько помню, возле дома всегда было грязно до поздней весны. И это уже никого не волновало.

Святым для Дома был день 9 Мая. Значительная часть профессуры воевала и знала о фронте не понаслышке. В этот день мужчины надевали ордена и медали, и шли на улицу. Так делала вся страна, и дом был ее небольшой, но верной частью. Гуляли по проспекту, останавливались стайками возле дома, заходили в угловую рюмочную, вспоминали, поздравляли друг друга. Всегда среди фронтовиков были В. В. Кузнецов, Л. Е. Кертман, А. И. Голованов, Ф. С. Горовой, С. И. Мельник, А. А. Ушаков. Меня особенно трогал С. И. Мельник. Он уже был очень больным человеком, из-за диабета мало двигался и редко выходил из дома. Но в этот день он вставал и шел на улицу, буквально увешанный наградами. Обе полы его пиджака вплотную украшали ордена и медали. Видно было, что ему тяжело дышать, но это было мелочью на фоне счастья, которое он переживал в этот день. Тыловики, работавшие на победу, не покидая стен университета, радовались вместе с фронтовиками. Дома готовилось застолье, и было принято компанией «заваливаться» то в одну квартиру, то в другую. Уличное веселье продолжалось в домах. Шумно илюдно в этот день было в доме Л. Е. Кертмана, шли с поздравлениями один за другим коллеги по кафедре, аспиранты, друзья, родственники. В огромной квартире царил праздник. Мы в те годы умудрялись много танцевать, патефоны уже сменились проигрывателями, и популярные танго, вальсы и фокстроты были нашими любимыми мелодиями. Слегка захмелев, пускался в пляс Ф. С. Горовой, паркет скрипел под его грузной фигурой; элегантно, подтянутый И. Г. Шапошников улыбался в сторонке, наблюдая общее веселье, но не вливаясь в него; полковник А. С. Герчиков в паре с Б. А. Касаткиным прекрасно пели. А потом все играли – игр было много, и это увлекало всех. Расходились за полночь. Мы в те годы вообще не жили без игр – от преферанса до «фантиков». Похоже, что и эта традиция со временем угасла.

Дом был живым существом, единым организмом. Однако, сколько бы об этом ни вспоминать и ни писать, само это единство было лишь вектором отдельных жизней, частных лиц, ибо дом состоял из людей, и они-то и были более всего интересны. Поэтому в моей книге «Дом» главное место займут портреты конкретных людей, которых я хорошо знала и о которых многое помню, портреты семей и супружеских пар, сюжеты браков и знакомств, интерьеры квартир и картины частного быта. Это ведь тоже история университета – его жизнь в срезе дома, быта, будней, жизнь за кулисами кафедр и учебных аудиторий, научных конференций и парадных мероприятий, официальных торжеств и многого другого, что Дом дополнял, уточнял и открывал.

Отдельной страницей будет глава «Гости Дома». Это люди, которые своей судьбой, личностью, яркостью дополняли общность обитателей Дома, делали его открытым, приносили в него настоящую дружбу, радость общения, украшали застолье, помогали в трудные минуты. Здесь, сегодня, завершая этот текст, я хочу дать слово Надежде Николаевне Гашевой, просто Наде, поэту, человеку блестящих и разнообразных дарований, многие годы отдававшей Дому свою верную дружбу. В стихах, посвященных Дому, ей удалось передать лучшие мгновения душевной благодарности, которую испытывали многие люди, находившие в Доме приют, гостеприимство, духовное братство.

*В том году молодом
Что нам было для радости надо?
Приближается Дом,
На проспекте – огни листопада.*

*Света этого круг –
Вот и вся круговая порука.
Приближается звук.
Мы покорны щемящему звуку.*

*Всех барьеров поверх –
Разговоры, стихи и стаканы.
В окнах – то фейерверк,
То закатное небо над Камой.*

*Разум строит свое,
Но и скорбь его мается рядом.
Воронье, воронье
В деревьях за больничной оградой.*

*Дом стоял на ветрах –
Черно-белого времени меты.
Но в его вечерах
Навсегда наши души согреты,*

*И в его голосах
Оживает любовь и разлука.
Горизонта леса –
Вот и вся круговая порука.*

*Позабыл ли он нас?
И кому из окошка помашет?
Ученичества час.
Академия юности нашей.*

*Но когда мы идем
По проспекту, где липы и тени,
Тихо «Здравствуйте, Дом!»
Говорю его стертým ступеням.*

Е. Г. Власова

ОТ ДОМА ДЕТСТВА В ДОМ ПРИРОДЫ (прогулка по осоргинской Перми)

Михаил Андреевич Осоргин родился 19 октября 1878 г. в Перми, которой посвящены лучшие страницы его мемуарной прозы. И пусть «писала их не память, а воображение», можно пройтись по пермским улочкам осоргинских воспоминаний, разглядывая и узнавая под наслаениями советской архитектуры и новомодного хай-тэка старую патриархальную Пермь времен Осоргина.

Пермь Михаила Осоргина – это город детства. Лирический герой пермской прозы писателя – мальчик, живущий положенными для его возраста заботами: он удит рыбу на Каме, катается на коньках, играет в Робинзона Крузо, убегая с товарищем из дома, влюбляется... С «детскостью» пермского пространства в прозе Осоргина связаны, с одной стороны, особая лиричность и пронзительность интонации, с другой, контрастность оценок. В призме детского восприятия и хорошее, и плохое гиперболизируется почти до сказочных размеров. Впрочем, сам писатель признает, что «далекое прошлое всегда – сказочная страна»¹, и строчки его нередко похожи на пенье: «...Тут и впечатления детства, и позднейшая тоска по сладким водам, и конечно, самовзвинчиванье... Но я готов идти даже на насмешку – а любви не изменю!»²

Как и в сказке, за внешней простотой событий осоргинских воспоминаний кроется важный бытийный смысл. Для писателя М. Осоргина пермские впечатления напрямую связаны с темой духовного взросления. Задавая основную ценностную ось, одна из главных тропинок героя осоргинских воспоминаний проходит от родительского дома на Кунгурском, ныне Комсомольском, проспекте до берега Камы, где около пристани Мешкова привязана его лодочка Ася.

Автобиографическое повествование «Времена», признанное одним из лучших произведений писателя, начинается с воспоминания о доме детства, «самой дорогой точке земли»:

*«Я рисую приземистый дом в шесть окон с чердаком и с двух сторон пртягиваю в линию заборы, за которыми непременно должны быть деревья, может быть липы и тополя, но во всяком случае черемуха, дерево самого раннего цветения»*³.

Дома этого, по воспоминаниям Осоргина, уже не было, когда он приехал в Пермь на открытие университета в 1916 году.

*«Этот дом стал вращаться в землю со всеми окошками... а когда вырос окончательно, то на его месте выстроили дом каменный»*⁴.

Точное место расположения дома, в котором жила семья Ильиных*, неизвестно. Можно предположить только, что он находился на пересечении Кунгурского проспекта и Покровской улицы (ул. Ленина).

*«Помню, однако, что улица была широка и по самой ее середине шла огороженная низким палисадом липовая аллея, которая у нас называлась бульваром. На пересечении поперечных улиц она прерывалась, и каждый ее отрезок с обеих сторон замыкался калитками. Так она шла из конца в конец города, и это значит, от опушки пригородного леса до соборной площади, откуда был вид на Закамье – с высокого левобережья нашей замечательной полноводной стальной реки.»*⁵

На улице Покровской находилась домашняя церковь Ильиных. В Рождество-Богородицкой церкви, где сейчас расположена фармакадемия, были крещены Нина и Михаил – младшие дети семьи, родившиеся в Перми, после переезда из Уфы в 1873 г.⁶

Отец Осоргина Андрей Федорович Ильин, потомственный дворянин, служил в Перми в окружном суде по уголовному отделению: сначала следователем, потом одним из заместителей председателя суда. Во «Временах» Осоргин писал:

*«Он был чиновником в провинции, потому что был отцом пятерых детей. У него было имение, которое он отдал старой матери и сестрам. По своим общественным взглядам он оставался шестидесятником-либералом, и в дни Александра Третьего это пресекало карьеру...»*⁷

* Ильин - настоящая фамилия М. А. Осоргина. В качестве псевдонима писатель взял девичью фамилию своей уфимской бабушки, матери отца.

Отец умер скоропостижно в 1891 г., когда Михаилу было всего 13 лет. *«Я в отце потерял друга и товарища, в будни – взрослого и даже старого, а в праздники – большого мальчика, энтузиаста всяких домашних работ и дельных развлечений»*⁸.

Мать М. А. Осоргина – Елена Александровна Савина, окончила институт благородных девиц в Варшаве. В Уфу она попала 17-летней девушкой, там и познакомилась со своим будущим мужем.

*«Сколько ни читал я воспоминаний о детстве, – пишет Осоргин, – у всех кроткая мать и строгий умный отец... У меня тоже мать была кроткая, т. е. добрая и мягкая по характеру женщина, но и в отце не было ни капли строгости, а умными были оба: и мать, хоть и институтка, была достаточно образованной и всю жизнь по-своему училась и была отцу хорошей подругой. Я не помню ни одной ссоры между родителями, ни одного не только грубого слова, но даже слова упрёка и недовольства, и я не знал в детстве, что бывает иначе.»*⁹

Осоргин признавался, что его представления «о самом серьезном в жизни – о любви к женщине, о любви вообще» – осеяны образом любви материнской. Он писал:

*«Могу ли я удержаться от скромного образа любви материнской – постоянная забота издали, чтобы не стеснить юноши, которому хочется казаться взрослым, скрывание бедности под белоснежно-чистой скатертью, неназойливая чуткость робких советов, как будто случайных, но всегда вовремя и кстати.»*¹⁰

После смерти Елена Александровна сумела стать опорой для младших детей, не позволив горю сломить себя.

Умерла Е. А. Ильина в 1906 г. Осоргин был уверен, что ее убило «известие о том, что он в тюрьме и ему угрожает казнь»¹¹.

Старший сын в семье Ильиных – Сергей Андреевич Ильин – был известным в городе журналистом и поэтом. Учился в Казанском университете, но курса не закончил. Победила склонность к литературному творчеству. С 1897 г. С. Ильин – постоянный сотрудник «Пермских губернских ведомостей», автор статей, фельетонов, местной хроники, стихов, в изобилии публиковавшихся в старых газетах. В 1901 и 1905 гг. вышли две его книги под общим названием «Лирика и на злобу дня», в которых были представлены стихи и стихотворные фельетоны, опубликованные на страницах газеты. «Передовицы скучные // Я, каюсь, не люблю, // Зато стишонки звучные // До слабости люблю», – признавался в одном из таких фельетонов Сергей Ильин¹², вернее, его фельетонный двойник – пермский Little man. Под этим псевдонимом вышла большая часть стихотворных фельетонов С. А. Ильина.

С. А. Ильин был женат, воспитывал сына Алексея. Жили Ильины в доме на Разгуляе, по ул. Екатерининской, 8 (сегодня это улица Боль-

шеви́стская). Дом сохранился до сих пор. В 1914 г. Сергей Ильин скончался от туберкулеза в Александровской больнице. Благодаря пермскому краеведу и журналисту В. Ф. Гладышеву летом 2005 г. на Егошинском кладбище была найдена и восстановлена его могила.

Старшая и любимая сестра Осоргина Ольга в 17 лет вышла замуж и уехала в Москву. Осоргин был дружен с ней, когда жил в Москве и учился на юридическом факультете Московского университета. Ольге посвящены лучшие произведения писателя – очерк «Сестра» и «Повесть о сестре».

Средняя сестра Вера в воспоминаниях Осоргина не названа совсем, сведений о ней не осталось. Жена Осоргина Татьяна Алексеевна Бакунина сообщала только, что умерла Вера Андреевна после войны. В детстве отношения со старшими детьми у Осоргина не сложились из-за разницы в возрасте, потом Осоргин уехал учиться в Москву. Вот о самой младшей из сестер – Нине – он вспоминал в очерке «Сестра», поскольку она тоже жила в Москве, выйдя замуж за «маленького фабриканта из рижских немцев». Дом ее был зажиточный, полный «буржуазного довольства и благополучия», от которых Осоргин неизменно сбегал в «царство свободы, богемы и недоедания»¹³.

В пермском детстве Михаил не был близок с братом и сестрами:

*«В моих детских воспоминаниях отец и мать заслоняют сестер и брата; вероятно, потому, что я был на десять лет моложе брата и на четыре – младшей сестры; между мною и ими была пустота, образовавшаяся смертью двухлетнего Вани, и я был слишком маленьким для их компании. Многие соединило нас позже, уже в годы взрослости, но и это оборвалось на перекрестке дорог: моя увела меня на Запад»*¹⁴.

От дома Ильиных на Кунгурском проспекте, по Покровской улице мы и последуем за Мишей Ильиным, который с удочкой на плече спешит к своей лодочке Асе.

Путь его лежит через Сибирскую, городской сад, почту и крутой спуск к Каме. На Сибирской, ставшей главной улицей пермских воспоминаний писателя, остановимся и оглядимся.

*«Между столбами заставы начиналась и дальше уходила прямой грядью в тысячеверстие, лишь поднявшись и сбежав через хребет Уральских гор, укатанная почтовой гоньбой и утоптанная арестантами нескончаемая дорога, которую мы называли Сибирским трактом»*¹⁵.

Вид арестантской толпы привычно вписывался в повседневную жизнь города, где Сибирский тракт превращался в центральную улицу, средоточием общественной и личной жизни горожан. Здесь разворачивается действие и основных сюжетов осоргинских воспоминаний.

Перед входом в музыкальный магазин, что напротив книжного магазина Петровских (сегодня здесь расположен Центральный гастроном),

стоит и раскланивается знакомым его владелец Симанович, «знаменитый тем, что никогда не сидел в магазине, а всегда находился у его порога и летом, и зимой»:

*«Все считали, - писал Осоргин, - что именно Симанович развил в нас страсть к музыке улыбками и рукопожатьем, избежать которых, проходя по его стороне улицы, было невозможно; на другую сторону улицы он только кивал и махал рукой.»*¹⁶

Между колбасной Ковальского и магазином Симановича в 1901 г. опознали пермяки идеолога русского народничества и властителя дум тогдашней молодежи Николая Константиновича Михайловского, который был выслан из Петербурга после одной из своих публичных речей. По случаю знакомства в зале Общественного собрания Земской управой устроен был грандиозный ужин на 40 персон, закончившийся распеванием Варшавянки и Интернационала под окнами дома губернатора Арсеньева.

В воспоминаниях Осоргина лихо мчится по Сибирской известный всему городу извозчик Корнила, движение при этом останавливается: Корнила возил только самых влиятельных и знаменитых людей города.

*«Заполучить его было нелегко – приходилось сговориться с ним загодя, перегнав других, менее предусмотрительных. В нашем городе мало кто мог слышать о Корнеле, но имя Корнилы знал каждый грамотный и даже неграмотный.»*¹⁷

В окружении малышей идет по Сибирской учитель чистописания и поэт-самоучка Михаил Афанасьевич Афанасьев, декламируя родившийся только что экспромт:

*Вы дети прекрасной природы,
На вас любовались народы
Вы домой обедать идете
И в сумках отметки несете*¹⁸.

Задержавшись на Сибирской, оглянемся налево. Здесь остается холодный дом гимназии, о которой Осоргин всегда вспоминал с тяжелым сердцем.

*«Как и большинство русских провинциальных гимназий, и тех времен и позднейших, наша была отвратительным учреждением, очень вредным и губительным...»*¹⁹

В детских воспоминаниях писателя гимназия выполняет роль антипространства, противоположенного миру истинному – открытой книге природы:

*«В ней мы находили настоящий закон Божий, она подготавливала нас к восприятию подлинной истории, она очищала наши детские головы от мусора, которыми их засаривала гимназия»*²⁰.

Беспощадность характеристики гимназии в мемуарной прозе М. Осоргина, как показало исследование Т. И. Быстрых²¹, нельзя назвать объективной. Она связана с логикой художественного пространства осоргинских вос-

поминаний, которые пишутся под диктовку детских переживаний, или, как признавался писатель, при помощи набора детских карандашей.

Напротив гимназии, т. е. в доме Общественного собрания (нынешняя библиотека Пушкина), находилась городская публичная библиотека. Здесь, благодаря «покровительству стриженной библиотекарши»²², гимназист Миша Ильин восполнял многочисленные пробелы гимназического образования.

Осоргин вспоминал, что от гимназической скуки молодых людей спасали в летнее время катание на лодках и прогулки в лес, в зимнее – катанье на коньках. Еще в городе процветал бильярд, к которому Ильин пристрастился с детства. Игра гимназистам была запрещена. Однако, как и все другие запреты, этот запросто нарушался. Где-то неподалеку от гимназии и разворачивались бильярдные бои. Друг Ильина по литературным занятиям Володя Ширяев бильярдом не увлекался. Зато «... с другими приятелями, – вспоминал Осоргин, – я часами и днями (даже с рекордом двадцати четырех часов непрерывной игры) сражался в маленьком кабачке у Левушки, жадного и очень набожного старичка, жившего доходами с гимназистов. Бильярд был похож на сильно подержанную таратайку, нужно было знать все его уклоны и личные качества, и я гордился тем, что дважды, играя в «пирамидку», взял партию с «кия», не дав удара противнику. Я очень благодарен бильярду: он спас меня от иных, менее невинных юношеских развлечений, процветавших в затхлой гимназии провинциального города»²³.

Впрочем, и «гимназия, и литература, и город», – вспоминает Осоргин, – «отвлекали от природы, которая в ранние детские годы, особенно в летнее время, заполняла мой мир целиком»²⁴.

Поэтому поспешим вперед, к Каме, мимо театра через городской сад. Тополевый театральный сад – особое место осоргинских воспоминаний, одно из тех, которые называют «места силы и памяти».

*«Часов в десять утра я проходил аллеей городского сада – в день праздничный, свободный от гимназических уроков, – сад был пуст, только что подметен сторожами, освещен косыми лучами солнца, приятен, свеж, голосист птичьими напевами. На повороте в боковую аллею меня остановила волна воздушной мысли – накат неожиданно, показавшегося великим открытием: цель жизни есть сама жизнь! Это могло явиться в долгом ходе скрытых и путаных размышлений, но не могло свалиться с ветки липы случайным подарком»*²⁵.

Осоргин называет этот момент превращением мальчика в «обладателя тайны, которая ляжет в основу строительства жизни». Истоки самых глубинных осоргинских верований находятся здесь, в городе детства, посередине городского сада, что расположился перед оперным театром по пути к реке.

Философские раздумья, навеянные садом, переплетаются с воспоминаниями более простыми, но не менее важными: в городском саду зимой заливался каток, становясь центром жизни городской молодежи:

*«Губы гарнизонных музыкантов прилипали на морозе к медным трубам, у мальчиков, свиставших «гигантским шагом», свистал пар из обеих ноздрей. Я тоже умел выделывать на льду фигуры и однажды шлепнулся прямо к ее ногам: возможно, что ее звали Женей или Катенькой, точность уже не важна, если ее внук скользит на американских коньках уже не хуже меня»*²⁶.

Летом дорожки сада устилал мягкий и теплый снег тополиного пуха. Этот пух маленький Мышка собирал в кучки и горки, гуляя с мамой или няней. «Размахивая его ногами», Миша Ильин бежит с удочками через сад, «мимо почты, мимо балаганов с золотой воблой, по крутой тропинке на берег, где у пристани привязана»²⁷ его лодочка.

На выходе из тополевого сада на пересечении улицы Петропавловской (Коммунистической) и Обвинской (25 Октября) остается небезразличное всем мальчишкам города здание местной женской гимназии. «Обычно гимназисты, проходя мимо этого дома, выпячивали грудь и пощипывали на губе волосяную рассаду», – с улыбкой вспоминает Осоргин.

Однако шаги мальчика с удочкой ускоряются: гимназия построена на страшном месте, где некогда, согласно городской легенде, стоял заколдованный дом чиновника Чадина. Владелец дома Чадин был «человек-кремень, жила, скупой и жестокий до невероятности»²⁸. «Подражая великолепным римским папам, обратившим памятники Аппиевой дороги в строительный материал», – при строительстве печи для дома «он кощунственно грабил местное кладбище»²⁹. И вот на новосельные именины хозяина был испечен для собравшихся высоких гостей великолепный, славившийся на всю округу своим размером и жирностью чадинский пирог. Хозяин, помедлив для пущей важности, сдернул теплую стеганую подстилку и ...

*«На пироге, обширном, как могильная плита, отлично испеченном, ясно отпечаталась на самой середине Адамова голова со скрещенными костями, ниже – лестница, а по бокам крупные буквы неразборчивой надписи – читай слева направо»*³⁰.

Хозяин вскорости умер, не приходя в сознание. Дом опустел, потом, как гласит молва, в нем поселилась кикимора. Городская управа, дабы покончить со сплетнями, дом перекупила и выстроила гимназию, да и церковь при ней.

Здание почты, запомнившееся Осоргину, находилось на пересечении улиц Монастырской (Орджоникидзе) и Обвинской. Сейчас здесь находится офисный центр. Здание знаменито тем, что в одном из его пристроенных жил у своего дяди почтмейстера будущий писатель-демократ Федор Решетников.

Видимо как раз за почтой и начинался тот крутой спуск к реке, о котором вспоминает Осоргин. Здесь берег по-прежнему крутой и сквер им. революционера Решетникова отгорожен от спуска кованой решеткой. Бесстрашные пермяки все же протоптали тропиночки в обход и «в облет» ограждения, ничуть не смущаясь, как и маленький Миша Ильин, крутизны камского берега. В этом месте на самом берегу находились пристани и склады пермского пароходчика Мешкова.

«В объезд крутизны тянется обоз ломовиков, увозя с пристаней чайные цыбики, свертки рогож, ящики с надписью: «Верх», «Осторожно», мостовая булыжная, балаганы с золотой воблой, мылом, лаптями, сухарным квасом и кислыми щами...»³¹.

От пыли набережной по тропинке, «вытопанной на подъеме ногами молодых», вниз, к реке, которая, по глубокому убеждению Осоргина, «Волге приходилась не младшей, а старшею сестрою».

«Нижний край зеркала реки был украшен деревянной резьбой пристаней и барок, верхний отделялся зелено-синей полосой от воздушного ничего...»³² ...Кама для меня как бы мать моего мира, и уж от нее все пошло, и реки меньшие и почва, на которой я стою... Воду, которую мы отпили... – мы эту воду потом пьем всю жизнь, куда бы нас судьба не забросила!»³³

В далекой эмиграции образы Камы и прикамской земли стали для писателя средоточием важнейших жизненных ценностей – темы детства и родного дома, которого в кочевой жизни Осоргина с тех пор больше и не было. Пермь Осоргина – это целостный и законченный образ, вошедший в русскую литературу под сенью этих вечных и самых дорогих для каждого человека ценностей.

¹ Осоргин М. Времена. – Екатеринбург, 1992. – С. 488.

² Там же. С. 501.

³ Там же. С. 488.

⁴ Там же. С. 489.

⁵ Там же. С. 489.

⁶ Чуракова Т. П. Семья Ильиных в Перми // Михаил Осоргин: художник и журналист/ Пермский гос. ун-т. – Пермь, 2006. – С. 125-131.

⁷ Осоргин М. Времена. – Екатеринбург, 1992. – С. 501.

⁸ Осоргин М. Мемуарная проза. – Пермь, 1992. – С. 126.

⁹ Осоргин М. Времена. – Екатеринбург, 1992. – С. 493.

¹⁰ Там же. С. 534.

¹¹ Там же.

¹² Пермяки. – Пермь, 1996. – С. 17.

¹³ Осоргин М. Мемуарная проза. – Пермь, 1992. – С. 92-93.

¹⁴ Осоргин М. Времена. – Екатеринбург, 1992. – С. 508.

¹⁵ Там же. С. 490.

¹⁶ Осоргин М. Мемуарная проза. – Пермь, 1992. – С. 231.

¹⁷ Там же. С. 230.

¹⁸ Там же. С. 175.

¹⁹ Там же. С. 148.

²⁰ Там же. С. 152.

²¹ Быстрых Т. И. Осоргин и пермская гимназия // Два рубежа: Материалы науч.-практ. конф. – Пермь, 1998. – С. 134-137.

²² Осоргин М. Времена. – Екатеринбург, 1992. – С. 523.

²³ Там же. С. 529.

²⁴ Там же. С. 535.

²⁵ Там же. С. 517.

²⁶ Там же. С. 513.

²⁷ Там же. С. 513.

²⁸ Осоргин М. Мемуарная проза. – Пермь, 1992. – С. 260.

²⁹ Там же. С. 260.

³⁰ Там же. С. 264.

³¹ Осоргин М. Времена. – Екатеринбург, 1992. – С. 503.

³² Там же. С. 490.

³³ Там же. С. 501-502.

Н. Б. Лапаева

ПЕРМЬ КАК ДОМ В ЭМИГРАНТСКОЙ СУДЬБЕ И ТВОРЧЕСТВЕ ОЛЬГИ ВОЛКОНСКОЙ: ПОПЫТКА ОБРЕТЕНИЯ

В истории пермской литературы творчество Ольги Александровны Волконской (1916—1977) – яркая страница. Она представлена прозаическими произведениями – сборник рассказов «Фиалки и волки» (1963) и повесть «Пермская рябинка» (1966), – отразившими перипетии драматической и многосложной судьбы писательницы. Социальный статус Волконской можно определить двумя характеристиками – «представительница эмиграции» и «репатриантка». Думается, в свою очередь внешняя канва биографии Волконской, сначала вынужденно покинувшей родину, а впоследствии возвратившейся обратно, определяет особенности её восприятия действительности, становится источником тем и мотивов ее произведений.

Судьба Волконской, похожая на судьбы многих и многих других русских эмигрантов, «укладывается» в мифологическую модель сюжета о «блудном сыне», повторяя и одновременно трансформируя его. Родившись в глубине России (село Гусевка Царицынского уезда Саратовской губернии), она в 1920 году, четырехлетним ребенком, была увезена из пылающей гражданской войны России в чужбину. Как пишет Савватий Гинц, «и вот – три года жизни в Турции, тринадцать лет во Франции, тринадцать лет в Аргентине» [2, 5]. Вторая половина жизни Волконской оказалась пронизанной сюжетом возвращения. Ее репатриация началась с получения советского гражданства в 1960 году и в дальнейшем связана с

приездом в СССР, а конкретнее – на Урал, в Пермь. В Перми Волконская попыталась «вжиться» в новое для себя социальное и культурное пространство, обрести ощущение укорененности в нем, найти свой дом.

Как и многие русские эмигранты, она, находясь на чужбине, вне дома и всего «своего», вероятно, хорошо знала пронизывающее насквозь чувство ностальгии по родине. «Растворения» в мире окружающей ее «другой» (азиатской, европейской, латиноамериканской) культуры не случилось. Савватий Гинц отмечает, что ею владела «постоянная, никогда не оставляющая страстная мечта о Родине, о России...» [2, 6]. Можно предположить, что под спудом выученных Волконской иностранных языков, обретенных в чужих землях профессий, усвоенных западных стереотипов внешнего поведения жило страстное и глубокое желание оказаться на родине, вернуться «по снегу русскому – домой». По мнению Л. В. Мишлановой, «она могла стать турчанкой, француженкой, аргентинкой, человеком без родины и без родного языка – так складывались обстоятельства. Но, унаследовав от отца страстную любовь к России, к русскому языку, она поставила цель – вернуться на родину. И с потрясающим упорством многие-многие годы добивалась этой цели. Она вернулась на родину. Она стала русской писательницей» [3].

Творчество Волконской пермского периода преломляет канву ее биографии. Особенно отчетливо это проступает в небольшой изящной повести «Пермская рябинка». Повесть написана от лица эмигранта Александра Георгиевича Хованского, проведшего половину своей «земной жизни» вне родины, в том числе и в латиноамериканском Уругвае, и возвращающегося в СССР, а конкретнее – на «суровый Урал», в Пермь. И хотя в предисловии к повести сказано, что «предлагаемая сейчас читателю повесть не автобиографическая. В мыслях, чувствах, поведении ее героя не следует искать аналогий с судьбой автора», совершенно очевидно, что писательница Волконская созданному ее воображением герою Хованскому (рифмующиеся фамилии красноречиво свидетельствуют о сходстве персонажа и автора) присваивает свою собственную биографию. Думается также, что запечатленные ей душевные переживания героя есть проекция ее собственного внутреннего мира.

Хованский повествует о своем путешествии из Уругвая в Пермь и о том, что он переживает при этом. В структуре повествования, таким образом, соединяются две линии, которые условно можно назвать «внешней» и «внутренней».

«Внешняя» запечатлевает события реального путешествия героя-повествователя: перемещение Хованского в пространстве конкретных стран и городов («Месяц назад, в Уругвае, для меня навек оборвалась давно привычная, знойная осень субтропиков. Затем, поварившись как следует в жаркой влаге экваториальных океанских широт, я промчался на евро-

пейском международном экспрессе сквозь весну – гемузскую, венскую, карпатскую» [1, 3], «Поезд № 52 Москва – Пермь подошел к конечной станции» [1 3]); его первые взаимодействия с «новыми людьми» (дорожные попутчики в поезде Москва – Пермь; представители органов госбезопасности; встречающиеся Хованскому советские женщины, поражающие его «странным отсутствием кокетства» [1, 47]); его встречи с «экзотикой» советской действительности, в которую он будет вынужден внедряться («Экзотикой были <...> валенки, втиснутые в калоши, да еще рабочие куртки из стеганой материи; позднее я узнал, что это – знаменитые ватники» [1, 11], «Названия типа райком”, “райсполком”, “райсовет”, “райсобес” или, например, “совнархоз” звучали для меня в то время одинаково нереальной экзотикой» [1, 14]).

«Внутренняя» линия повести посвящена изображению психологических состояний рефлектирующего по поводу встречи с необычной для него действительностью героя. СССР, как только что приобретенная им «большая родина» и «советская Пермь», которая должна стать для него отныне «малой родиной» и его «домом», открываются Хованскому бесконечно новыми сторонами, а потому становятся для него источником разнообразных ощущений, эмоций, сердечных и душевных движений, которые он и подвергает анализу. Хованский признается, что он «цедил настой впечатлений сквозь мельчайшее сито» [1, 8].

Ключевыми в повести можно признать слова Хованского: «И вот впервые в жизни очутился на суровом Урале» [1, 3]. В душе Хованского, открывающего для себя Пермь как свой новый «дом» смешиваются удивление, испуг, восхищение, непонимание происходящего, желание «встроиться» в новое пространство, найти в нем смысл.

Хованский все время сравнивает Пермь как обретаемое им «здесь» и западный мир как оставленное «там». Пермь воспринимается им по контрасту с предыдущими местами его нахождения. Хованский видит «другие» природные ландшафты, встречает «других» людей, открывает мир «других» человеческих отношений на фоне своих прежних, сформированных «той» действительностью социальных, культурологических, антропологических представлений. Сравнение – сопоставление – соотнесение становятся главными операциями, которые производит сознание героя, а также оказываются основными конструктивными принципами создания текста повести.

И если там, где он обретался раньше, было тепло и по-райски красиво, то Пермь открывается главному герою холодным и «замороженным» пространством: «За спиной остались теплынь, зелень, апрельские сочные луга и деревья в цвету. Здесь, сделав шаг, я вступил в замерзшую лужу, и мне почудилось, что весь воздух льдисто колется и хрустит» [1, 3]. Вместе с тем, в холодной Перми Хованский ощущает теплоту и гостепри-

имность уральцев. Попав в семью Рыбаковых, которая на время становится его ближайшим окружением, Хованский отмечает разницу в «гастрономической» составляющей традиции гостеприимства на Западе и на его новой родине, в Перми. Предложенный Хованскому как гостю завтрак поражает его обилием, щедростью, «региональным» колоритом: *«В Латинской Америке завтрак – это чашка кофе с молоком и одна-две слоеные булочки с поэтическим названием “медиалюна”. Здесь передо мной дымился жареный картофель, теснился пирог с капустой, романтические уральские шаньги и традиционный чай, поданный в стакане с невиданным мною приспособлением, именуемым подстаканником. <...> Даже блюдо пельменей было поставлено на стол»* [1, 47-48].

Городское пространство Перми Хованским воспринимается также через призму оппозиции «здесь» / «там». Так, во время его прогулки по микрорайону Балатово в обществе маленькой Люси Рыбаковой, ставшей его гидом, он выясняет, что Пермь – большой город, прирастающий «пригородами, окраинами, городскими районами». Однако само устройство «пригородов, окраин, городских районов» совершенно иное, чем на Западе. *«Здесь порядок вещей был иной»* [1, 56], – оформляет он свои впечатления в вывод. «Там», где он жил раньше, по его характеристике, *«блеск, красота и чистота сосредоточены в центре, а чем дальше к периферии, тем неказистее становится все: дома, улицы, лавочки, сами жители, сама природа»* [1, 56]. О социальных контрастах – риторический вопрос Хованского: *«Разве сравнишь в Монтевидео обитателей грязного Серро с теми почтенными гражданами, чьи виллы окаймляют роскошную Рамблю?»* [1, 56]. Балатово как маленькую часть большой Перми Хованский невольно сравнивает с окраинами уругвайской столицы, и сравнение оказывается не в пользу его прежнего местопребывания. «Здесь», в его новом «пермском доме», он удивлен размахом строительства на окраинах: его внимательный глаз подмечает, что территория Балатово представляет гигантскую стройку с кранами, похожими на *«скопище титанов, размахивающих гигантскими руками на грандиозной высоте»* [1, 56]. Особенно потрясает Хованского строящийся «Гастроном»: *«светлое многоэтажное здание сверкало стеклами закругленных сверху окон (двойных), красовалось огромными витринами...»* [1, 55]. Отнюдь не центральный микрорайон Балатово, *«на краю захолустного городка, каким представлялась мне Пермь»* [1, 55-56], теперь увиден Хованским расстраивающейся, прирастающей новыми великолепными объектами территорией, воплощающей для него *«фантазмагорию сотворения мира»* [1, 56].

Хованский буквально открывает для себя Пермь. Многие реалии города, которые он видит впервые, расширяют горизонты его культурных и бытовых представлений. Чего стоит, например, его возглас *«Люся, двойные окна! Смотри-ка! Двойные окна, ей-богу»* [1, 54]. В то время как

для *«маленькой уроженки Урала»* совсем не в диковинку «двойные окна», спасающие пермяков от суровых морозов, для него, *«почтенного дяди»*, они – невиданная раньше реальность: он *«рассматривал сейчас эти самые естественные окна с двойными рамами первый раз в жизни!»* [1, 55].

Предметом осмысления протагониста оказался и патриотизм пермяков, который он также сравнивает с патриотизмом жителей других мегаполисов, стран и континентов. Хованский подмечает любовь пермяков к своему городу. Обратим внимание на разговор главного героя с молодым шофером в конце V главы «По дороге на допрос», в котором проступает неподдельная гордость его собеседника за Пермь. Проезжая по центральной улице Перми, он, пораженный ее элегантною красотой, восклицает: *«Комсомольский проспект! – перебил себя шофер, когда мы въехали на широкую улицу с бульваром посередине. – Красота! Смотрите: через несколько лет вся Пермь станет такой!»* [1, 62]. Память тут же переносит Хованского за пределы России и Перми, и он иронически реконструирует образ парижан, которые *«угощают приезжих своим прекрасным городом, словно тортом собственного производства»*, и уругвайцев, *«хвалящихся зеленым Атлантическим океаном, точно хорошо заваренным кофе»* [1, 62]. Ирония исчезает, когда он дает характеристику словам «молодого шофера», в которых содержится его хвала Перми: в его голосе он чувствует *«удовлетворение художника»* [1, 62]; он признается, что ему *«никогда еще не доводилось <...> слышать такой радостной, творческой какой-то нотки гордости делом своим – этих вот – рук, какая прозвучала у того парня, что вез меня по Перми»* [1, 63].

Изображение восприятия главного героя Перми существенно дополняется описанием его отношения к Каме, на берегах которой раскинулся город. Кама для Хованского – мощная, красивая, одухотворенная река, к которой он приходит в минуты радости и грусти. Он видит ее *«полноводной рекой»*, исчезающей за *«поворотом лесистых холмов»* [1, 106-107]; уже любит ее «тот берег» – *«шуточку Закамья»*, – встающий *«до четверти небосклона правильными, точно искусственно вырубленными террасами темно-зеленого и лилово-розового цвета»* [1, 106]; уже скучает без ее *«спокойной красоты, пронизанной непривычно бледным сиянием северного солнца»* [1, 107]. Хованский признается, что смотрит на Каму *«с жадностью»*, *«отдыхая душой»* [1, 106].

И все-таки нельзя сказать, что Пермь в повести Волконской – это идиллический хронотоп. В «советской Перми» герой ощущает себя не очень уютно; чувство страха не покидает его. Многое ему непонятно – ведь его прежний социальный, коммуникативный, политический, культурный опыт был другим. Хованский чувствует себя чужим чаще, чем своим. Милейшая семья Рыбаковых, где живет Хованский, все равно –

чужая, и возвращаться в их дом ему не хочется: «Возвращаться в незнакомую семью Рыбаковых, мешать им жить, принудительно проникать во все новые тайны здешней жизни? Нет, увольте! Остается вот это: дышать, смотреть, одному бродить по городу...» [1, 107]. Хованский ловит себя на мысли, что начинает сомневаться, русский ли он. Подводя итог своим наблюдениям над самим собой и своими отношениями с новой родиной и новым «домом», Хованский резюмирует: «И вот – еще более похожим на сон, еще страннее, и – зачем кривить душой? – еще гораздо грустнее оказалось ощущение: я – в русском городе, я – в России. Я приехал, окончательно приехал, собираться мне больше некуда. <...>. И в то же <...> сам я больше не русский, не такой, как другие» [1, 105-106].

В повести Хованскому оказался противопоставлен некий также бывший эмигрант Стеклов – эпизодическая, но крайне важная фигура в произведении. В отличие от Хованского, Стеклов все-таки обрел для себя Пермь как дом. Поучая Хованского, Стеклов обращает к нему слова, в которых заключены его философия и жизненная стратегия: «Вам, товарищ, возвращена родина, огромная, необозримая. Так сказать – макрородина. Но, чтоб почувствовать себя дома, вам нужна еще и микрородина. Нужно пустить корни в землю, ветки – в небо. Посадить собственную рябинку и смотреть, как она будет расти» [1, 143-144]. Стеклов признается, что ему удалось пустить «корни в землю и ветки в небо», так как он «своими руками посадил рябинку. И теперь они растут вместе: рябина... моя дочь... и мой город...» [1, 143]. Стеклов приглашает Хованского «войти» в Пермь как в дом, постараться прорасти в нее. «Давайте вместе с нами, здесь, в Перми, а?» [1, 144] – предлагает он своему собрату по бывшей эмиграции, а ныне – соотечественнику на родине. Однако вряд ли Хованский находится на той же волне патриотизма, что и Стеклов. На вопрос Стеклова «Ну, как корни: в земле? Или, наоборот, в небесах?», он, как пишет Волконская, «ответил молча, взглядом» [1, 144]. Однако, что именно передает «молчаливый ответ» героя-протагониста, мы так и не узнаём и похоже, не узнаем...

Литература:

1. Волконская О. Пермская рябинка. – Пермь, 1966.
2. Гинц С. М. Об авторе этой книги // Волконская О. А. Фиалки и волки. – Пермь, 1963. – С. 5-9.
3. Мишланова Л. В. Ранимая и гордая душа // Мишланова Л. В. Самостоянье: Очерки о людях науки и культуры Пермского края. – Пермь, 2006. – С. 41-45.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Боброва Елена Евгеньевна, заместитель директора по музейно-мемориальной части МОУ «Гимназия № 11 им. С. П. Дягилева».

Бутусова Анна Зосимовна, выпускница Пермского государственного университета (специальность «Журналистика»), лауреат областного конкурса дипломных проектов (2007).

Бушмаков Андрей Валентинович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры культурологии Пермского государственного института искусства и культуры.

Ваксман Семен Иегудович, писатель.

Васильева Нина Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Пермского государственного университета.

Власова Елена Георгиевна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры журналистики Пермского государственного университета, сотрудник фонда «Юртин».

Гайсин Олег Дуфарович, историк.

Гладышев Владимир Федорович, член Союза журналистов России, председатель общества «Пермский краевед».

Дёгтева Инна Борисовна, искусствовед, научный сотрудник «Дома Дягилева», МОУ «Гимназия № 11 им. С. П. Дягилева»; аспирант Института художественного образования Российской академии образования (г. Москва).

Иванова Татьяна Валентиновна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры культурологии Пермского государственного института искусства и культуры.

Карлюк Татьяна Николаевна, культуролог, старший научный сотрудник Пермского краевого музея.

Кашаева Юлия Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления и истории Пермского государственного технического университета, научный сотрудник Пермского краевого музея.

Киселёв Александр Борисович, заместитель директора ГКУК «Краевой научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Пермского края».

Князева Нина Афанасьевна, кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой педагогики начального обучения и воспитания Пермского государственного педагогического университета, доцент.

Козлова Вероника Юрьевна, аспирант кафедры древней и новой истории России Пермского государственного университета; педагог-организатор ЦДТ «Шанс».

Колбас Владимир Сергеевич, краевед, член Союза журналистов России, редактор газеты «Структура», председатель Пермского городского отделения ВООПИК.

Коневских Любовь Анатольевна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры культурологии Пермского государственного технического университета.

Корж Людмила Михайловна, председатель правления Пермской музыкальной общественной организации «КЛАССИК».

Куличкина Галина Васильевна, заслуженный работник культуры РФ, член Союза журналистов России, кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности Пермского института искусства и культуры.

Лапаева Наталья Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры новейшей русской литературы Пермского государственного педагогического университета.

Лейбович Олег Леонидович, доктор исторических наук, профессор Пермского государственного технического университета.

Масальцева Татьяна Николаевна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры журналистики Пермского государственного университета.

Найдёнова Наталия Михайловна, главный специалист Пермской центральной городской библиотеки им. А. С. Пушкина.

Новинский Владислав Геннадьевич, архитектор, член Союза архитекторов РФ, директор некоммерческого партнерства по содействию в осуществлении архитектурной деятельности «А+». Инициатор издательской группы журнала «Проект Прикамье».

Перескоков Лев Валентинович, председатель Пермского регионального отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, историк-искусствовед, краевед.

Плотников Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры истории и экономики Пермского филиала Нижегородской академии МВД России.

Плотникова Галина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры древней и новой истории Пермского государственного университета.

Полякова Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и славянского языкознания Пермского государственного университета.

Порозов Владимир Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и социологии Пермского государственного педагогического университета.

Ребель Галина Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Пермского государственного педагогического университета.

Ремезовская Татьяна Борисовна, главный специалист ГКУК «Краевой научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Пермского края».

Семянников Виктор Владимирович, краевед.

Сидякина Анна Александровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры журналистики Пермского государственного университета.

Силина Татьяна Игоревна, заведующая Музеем истории Пермского моторостроения ОАО «Пермский моторный завод».

Снегирева Татьяна Юрьевна, директор пермского Дома учителя, почетный работник образования РФ.

Спешилова Елена Александровна, краевед.

Субботин Евгений Павлович, президент Пермского общества «Арабеск».

Сыромятников Олег Иванович, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры философии Пермского филиала Нижегородской академии МВД РФ, член-корреспондент Пермского филиала Петровской академии наук и искусств.

Усть-Качкинцева Светлана Викторовна, физик, преподаватель Пермского государственного университета.

Цвирко Лидия Станиславовна, старший научный сотрудник отдела истории Пермского краевого музея.

Чуракова Татьяна Павловна, старший научный сотрудник Пермского краевого музея.

Ширинкин Владимир Михайлович, ветеран журналистики.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
----------------------	---

ПЕРМСКИЙ ДОМ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ КРАЯ

Киселёв А. Б. Дом в культурном пространстве города	5
Сыромятников О. И. Архетип дома в философском дискурсе	7
Лейбович О. Л. Дома без всякой архитектуры	11
Новинский В. Г. О формировании Перми (собственная версия)	14
Коневских Л. А. «У добра спросите, какое содержание приличествует дому» (представления о духовном домоустройстве в Живой Этике)	21
Куличкина Г. В. Уходящая натура	25
Полякова Е. Н. Первые дома на Егошихе (по данным лексики памятников XVII века)	29
Козлова В. Ю. Жилые дома в Перми второй половины XIX века (качественные характеристики)	34
Плотникова Г. Н., Плотников С. Н. К вопросу о бытовом укладе жителей Перми во второй половине XIX века	39
Масальцева Т. Н. У истоков Сибирской	41
Плотникова Г. Н., Плотников С. Н. Пермские дома в трудах А. А. Дмитриева и В. С. Верхоланцева	43
Перескоков Л. В. Соцгородок Рабочий поселок	46
Бутусова А. З. Прогулка по Городским Горкам	51
Сидякина А. А. Пермская синемаатека: «умное кино» и город (к проблеме маркетинга культурного очага)	60

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ДОМА ПЕРМИ

Порозов В. А. Музыкальные дома Перми	64
Корж Л. М. Непризнанный меценат. К 100-летию создания в Перми первого на Урале отделения Императорского Русского музыкального общества	68
Кашаева Ю. А. «Вид генерал-губернаторскому дому»	72
Киселёв А. Б. Одно из старейших банковских зданий в городе Перми	76
Бушмаков А. В. Строитель-богослов. Из истории здания главного корпуса Пермского института искусств и культуры (ул. Ленина, 29)	79

Иванова Т. В. Церковная певческая культура в музыкальном образовании в Прикамье (Пермское духовное училище)	84
Гладышев В. Ф. Дом с кикиморой	88
Ремезовская Т. Б. Первая земская аптека (ул. Ленина, 30)	93
Субботин Е. П. Усадьба купца Мартынова и его дочери, потомственной дворянки Костровой (Торговая улица, 35)	98
Ремезовская Т. Б. Дом Архиерейский	102
Боброва Е. Е. «Я была очарована домом...» (пермский дом Дягилевых в воспоминаниях Е. В. Дягилевой)	106
Дёгтева И. Б. Реконструкция исторических интерьеров дома Дягилевых	112
Карлюк Т. Н. Уникальный особняк в Мотовилихе (мемориальный дом-музей Н. Г. Славянова)	115
Колбас В. С. Вклад Л. С. Кашихина в изучение архитектурных памятников Прикамья (гостиница «Королёвские номера» в Перми)	119
Чуракова Т. П. Дом Кузнецких (ул. Газеты «Звезда», 21)	123
Цвирко Л. С. Дом Мешкова и его владелец	126
Семянников В. В. Особняк на берегу Камы (ул. Газеты «Звезда», 2)	133
Князева Н. А. История домов в жизни одного человека	136
Ширинкин В. М. Пермский Дом Гайдара	140
Силина Т. И. Дворец Солдатова	145
Сидякина А. А. «Здесь жили поэты...» Фрагмент истории пермского литературного андеграунда 1980-х гг. в процессе становления городской культурной идентичности (ул. Народовольческая, 42)	151
Гайсин О. Д. Памятник истории и культуры регионального значения гостиница «Центральная» – «Семиэтажка» (ул. Сибирская, 9)	156
Снегирёва Т. Ю. Пермский Дом учителя: 85 лет вдохновения (ул. Сибирская, 12)	176
Найдёнова Н. М. Тайны Портретного фойе (Дом Смышляева)	180

ПЕРМСКИЙ ДОМ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, МЕМУАРАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ

Ребель Г. М. Дом в литературе и литература как дом	185
Сидякина А. А. Дом – город – культура: место обитания в художественно-мемуарной прозе пермских «шестидесятников» («Провинция» Б. Зиф, «Чемодан Якубовой» А. Бердичевской, «Дракон» А. Королёва, «Дом» Н. Васильевой)	191

Ваксман С. И. Звездное небо над Пермью-Юрятиным	197
Гладышев В. Ф. Дом трёх сестер	200
Усть-Качкинцева С. В. Дом Ученых	204
Спешилова Е. А. Воспоминания об отчем доме (дом А. Н. Спешилова в Перми)	209
Васильева Н. Е. Воспоминания о Доме и его обитателях.	212
Власова Е. Г. От дома детства в дом природы (прогулка по осоргинской Перми)	223
Лапаева Н. Б. Пермь как дом в эмигрантской судьбе и творчестве Ольги Волконской: попытка обретения	231
Сведения об авторах	237

Краеведческое издание

**Пермский дом
в истории и культуре края**

Материалы научно-практической конференции

Составитель и редактор ***Т. И. Быстрых***
Художник ***Наталья Фуфачёва***

Формат 60X84 $\frac{1}{16}$. Усл. печ. л. 15,25.
Бумага ВХИ 80 г/м²

Тираж 100 экз.

Книга отпечатана на оборудовании
ООО "Абрис"
т. 8 (342) 293-32-37, 294-59-19